

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Уолдо,
Неприятная профессия Джонатана Хога
и другие истории

Звезды мировой фантастики (Азбука)

Роберт Хайнлайн

**«Уолдо», «Неприятная профессия
Джонатана Хога» и другие истории**

«Азбука-Аттикус»

1941-1959

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Хайнлайн Р. Э.

«Уолдо», «Неприятная профессия Джонатана Хога» и другие истории / Р. Э. Хайнлайн — «Азбука-Аттикус», 1941-1959 — (Звезды мировой фантастики (Азбука))

ISBN 978-5-389-20359-4

Повести и рассказы, вошедшие в этот том, разнятся по времени написания. Объединяет их человеческая составляющая, сильно оттеняющая задачи будущего научно-технического прогресса. «Уолдо» – повесть об одиноком гении, который, презрев человечество и став затворником на земной орбите, преодолевает чувство своей отверженности. «Неприятная профессия Джонатана Хога» – история об иллюзорности мира, который нас окружает. Или рассказ «Наш прекрасный город», повествующий о дружбе человека и странного существа, живущего на городских улицах. В книге есть рассказы о потерянной и возвращенной любви («Человек, который торговал слонами»). О доме, каждая дверь в котором ведет в места неожиданные («В скрюченном домишке»). О том, как вернуть себя, распавшегося на множество двойников («Все вы, зомби?..»). О том... В общем, о многом. И достоверном, и фантастическом. В настоящем издании перевод многих произведений доработан и дан в новой редакции. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-20359-4

© Хайнлайн Р. Э., 1941-1959

© Азбука-Аттикус, 1941-1959

Содержание

Уолдо[1]	7
Неприятная профессия Джонатана Хога[13]	79
1	79
2	85
3	91
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Роберт Хайнлайн

«Уолдо», «Неприятная профессия Джонатана Хога» и другие истории

Robert A. Heinlein

Waldo © 1942 by Robert A. Heinlein; The Unpleasant Profession of Jonathan Hoag © 1942 by Robert A. Heinlein; Columbus Was a Dope © 1947 by Robert A. Heinlein; Jerry Was a Man © 1947 by Robert A. Heinlein; Water Is for Washing © 1947 by Robert A. Heinlein; Our Fair City © 1949 by Robert A. Heinlein; The Man Who Traveled in Elephants © 1957 by Robert A. Heinlein; Project Nightmare © 1953 by Robert A. Heinlein; Sky Lift © 1953 by Robert A. Heinlein; “All You Zombies...” © 1959 by Robert A. Heinlein; Complaint © 2010 by The Robert A. & Virginia Heinlein Prize Trust; “My Object All Sublime” © 1942 by Robert A. Heinlein; Pied Piper © 1942 by Robert A. Heinlein; Beyond Doubt © 1941 by Robert A. Heinlein; They © 1941 by Robert A. Heinlein; “...And He Built a Crooked House” © 1941 by Robert A. Heinlein; By His Bootstraps © 1941 by Robert A. Heinlein; Goldfish Bowl © 1942 by Robert A. Heinlein

All rights reserved

© П. А. Вязников, перевод, 2003

© С. В. Голд, перевод, 2021

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, 2003, 2006

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1994

© И. А. Зивьева, перевод, 1994

© В. П. Ковалевский, Н. П. Штуцер (наследники), перевод, 1994

© Г. Л. Корчагин, перевод, 2020

© В. М. Ларионов (наследник), перевод, 2003

© А. В. Новиков, перевод, 1994

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2021

© М. А. Пчелинцев (наследники), перевод, 1994, 2007

© Н. М. Романецкий, перевод, 2003

© А. А. Щербаков (наследники), перевод, 2003

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

Уолдо¹ Повесть

Номер был заявлен как балет-чететка, но разве опишешь это такими простыми словами? Его ноги творили замысловатую барабанную дробь, рассыпчатую и чистую. Зал замер, затаив дыхание, когда он взлетел высоко в воздух, выше, чем может быть дано человеку, и на лету исполнил фантастическое, невероятное *entrechat douze*².

А потом уверенно приземлился на кончики пальцев и в тот же миг отчеканил громоподобное фортиссимо.

Огни рампы погасли, на сцену дали полный свет. Зрительный зал надолго примолк, потом понял, что пора, и разразился бурей аплодисментов.

Он стоял лицом к залу, как бы позволяя валу человеческих чувств смести себя. Было ощущение, что надо наклониться вперед, чтобы выдержать напор; напор, от которого по всему телу разливалось живительное тепло.

Как чудесно, когда танцуешь, как великолепно, когда тебе хлопают, когда ты любим, когда ты желанен!

Когда занавес опустился в последний раз, он позволил своему костюмеру увести себя со сцены. Как всегда в конце представления, он был чуточку пьян; танец был счастливой отравой даже во время репетиций, но видеть перед собой зрительный зал, который подхватывает, несет и приветствует, – такое не приедалось. Каждый раз это было внове, каждый раз от этого неистово билось сердце.

– Шеф, сюда. Ну-ка, улыбнулись. Хоп!

Полыхнула лампа-вспышка.

– Благодарим.

– Это я вас благодарю. Как насчет по рюмашке?

Его чуть не затолкали в дальний угол артистической уборной. Все как на подбор замечательные ребята, чудо-парни: репортеры, фотографы – ну все до единого.

– А еще по одной? На посошок.

Он готов был. И не только по одной, но костюмер, надевая ему левый штиблет, предупредительно напомнил:

– Вам же через полчаса оперировать!

– Оперировать? – спросил фотограф из газеты. – Что на этот раз?

– Церебрэктомия левого полушария³, – ответил он.

– В самом деле? Как насчет сняться за этим делом?

– Буду рад. Если клиника не возражает.

– Это мы уладим.

Ну чудо-парни.

– ... Хотела бы дать очерк-портрет чуть под иным углом, – прозвучал над ухом женский голос. Он поспешно оглянулся, чуть сконфуженный. – Например, что заставило вас решиться на карьеру танцора?

¹ Перевод А. Щербакова

² *Entrechat (фр.)* – антраша, балетный прыжок, во время которого совершаются удары ног одна о другую. По современной балетной терминологии их насчитывают девять разновидностей. Автор говорит о «двенадцатой» (*douze* – двенадцать) и, стало быть, делает три шага вперед в искусстве танца. Знатoki ценят не высоту прыжка, а четкость исполнения в полете заданной последовательности движения ног.

³ Церебрэктомия – операция по удалению (иссечению) коры головного мозга. Производится исключительно на животных, поскольку лишенный коры головного мозга индивид, оставаясь живым, способен вести чисто растительный образ жизни: есть, спать, производить физиологические отправления. Но психические процессы более высокого порядка ему недоступны.

- К сожалению, не расслышал, – извинился он. – Боюсь, что здесь слишком шумно.
- Я спросила, почему вы решились на карьеру танцора.
- Как вам сказать? Даже не знаю, что ответить. Боюсь, в двух словах не расскажешь, о многом придется вспомнить...

* * *

- Джеймс Стивенс со зверским видом уставился на своего зама по технической части.
- По какому поводу ты такой развеселый? – спросил он.
 - Просто лицо у меня такое, – ответил зам извиняющимся голосом. – Веселого мало.
- Еще одна авария.
- Только этого не хватало! Постой, дай угадаю. Пассажирский или грузовой?
 - Грузовик с прицепом компании «Климакс»⁴ на челночной линии Чикаго – Солт-Лейк-Сити чуть к западу от Норт-Платта. И еще...
 - Что «еще»?
 - Вас требует к себе «сам».
 - Это интересно. Более чем интересно. Слушай, Мак.
 - Да, начальник?
 - Как тебе место главного инженера по транспорту «Норт-Америкэн пауэр-эйр»? Я слышал, там вакансия открывается.
- Мак почесал нос:
- Забавно, что вы об этом упомянули, шеф. Я как раз собирался спросить, какую рекомендацию вы мне дадите, если я подамся обратно в мостостроители. На что готовы, чтобы от меня избавиться.
 - От тебя-то я избавлюсь. Сию же минуту. Дуй в Небраску, разыщи этот гроб с музыкой, прежде чем туда доберутся охотнички за сувенирами, и приволоки сюда все декальбы с него, а заодно и их панели управления.
 - А если встрянут копы?
 - Сам разберешься. Но обязательно возвращайся.
 - Да, со щитком или на щитке.

* * *

Отдел Стивенса располагался сразу же по соседству с зональной энергоцентралью; главный офис администрации «Норт-Америкэн» находился на холме примерно в километре отсюда. Имелся обычный переходный туннель; Стивенс прошел в туннель и нарочно выбрал самую медленную дорожку: ему было о чем подумать перед встречей с боссом.

К моменту прибытия он придумал одно решение, но оно ему категорически не нравилось. «Сам», то есть Стенли Ф. Глисон, председатель правления, приветствовал Стивенса мирно.

– Входите, Джим. Садитесь. Сигару?

Стивенс боком присел на стул, от сигары отказался, достал сигарету и, пока закуривал, осмотрелся по сторонам. Кроме высшего начальства и его самого, присутствовали Харкнесс, начальник юридического отдела, доктор Рэмбо, тоже главный, но по исследовательской части и Страйбел, главный инженер по городским энергопоставкам.

⁴ Кроме явления, связанного с угасанием по причине возраста деятельности половых желез, а также заключительного, относительно стабильного состояния растительности, слово «климакс» означает лестницу, а в английском и многих европейских языках – высшую степень развития, кульминацию, расцвет.

«Все пятеро, – мрачно подумал он. – Одни тяжеловесы, средний вес отсутствует. Ох и полетят головушки с плеч! Начиная с моей».

– Ну что ж, все в сборе, – почти воинственно начал он. – У кого карты? Потянем, кому сдавать?

Харкнесса, похоже, слегка покорила эта неуместная реплика; Рэмбо, судя по всему, был слишком погружен в какие-то личные скорби, чтобы обращать внимание на шпильки в дурном вкусе. А Глисон просто проигнорировал сказанное.

– Джеймс, мы тут бьемся, соображаем, как нам выкарабкаться. Вас я пригласил в слабой надежде, что вы еще не уехали. Выскажитесь.

– Притормозил, просто чтобы поглядеть, нет ли для меня личной почты, – проворчал Стивенс. – А то уже болтался бы в Майами на пляже, превращал бы солнышко в витамин D.

– Знаю, – ответил Глисон. – Отпуск вы заработали честно. Но увы, Джимми. Ситуация не улучшается, а делается только хуже. Идеи есть?

– А что говорит доктор Рэмбо?

Рэмбо моментом вскинулся.

– Рецепторы де-Кальба абсолютно надежны, – заявил он.

– Однако летят один за другим.

– Они тут ни при чем. Значит, вы с ними обращаетесь не так, как положено.

И Рэмбо опять погрузился в свои внутренние переживания.

Стивенс повернулся к Глисону и развел руками:

– Насколько я в курсе, доктор Рэмбо прав. Возможно, и впрямь сплюховал мой отдел, но я не в состоянии обнаружить причину. Готов подать заявление об отставке.

– Не нужна мне ваша отставка, – милостиво сказал Глисон. – Мне нужен выход из положения. На нас лежит ответственность перед обществом.

– И перед акционерами, – вставил Харкнесс.

– Будем чисты перед обществом – акционеры нас не потревожат, – мудро рассудил Глисон. – Так что скажете, Джимми? Есть предложения?

Стивенс закусил губу.

– Есть, единственное, – объявил он, – и оно мне не нравится. После этого мне одна дорога – в распространители дамских журналов.

– Даже так? И что за предложение?

– *Мы должны посоветоваться с Уолдо.*

И куда только девалась апатия доктора Рэмбо!

– Что? К этому шарлатану? Это же научный вопрос! На-уч-ный!

Заныл и Харкнесс:

– До-о-октор Стивенс! И впрямь, знаете ли...

Глисон жестом потребовал тишины.

– Предложение доктора Стивенса логично. Но боюсь, Джимми, что вы с ним несколько подзапоздали. Я говорил с Уолдо на прошлой неделе.

Насколько удивился Харкнесс, настолько набычился Стивенс.

– И даже не дали мне знать?

– Прости, Джимми. Я просто разведал обстановку. Но без толку. Условия, которые он выставляет, для нас равнозначны конфискации.

– Все еще дуется на нас из-за патентов Хатауэя?

– Все еще злобу тешит.

– Вам следовало поручить это мне, – вставил Харкнесс. – Он не имеет права так с нами поступать. Речь идет об интересах общества. Если понадобится, заплатим аванс, а вопрос о гонораре передадим в третейский суд. Пусть вынесет беспристрастное решение. Детали я улажу.

– Не дай бог, – сухо сказал Глисон. – По-вашему, судебным решением можно заставить курицу снести яйцо?

Харкнесс всем своим видом изобразил возмущение, но промолчал.

А Стивенс продолжил:

– Предположительно, есть зацепка, как подступиться к этому типу, иначе я не вылез бы с этим предложением. Я знаком с одним его другом...

– С другом *Уолдо*?! Разве у него могут быть друзья?

– Ну не друг, а что-то вроде родственника. Его детский врач. С его помощью можно бы попытаться договориться с Уолдо по-хорошему.

Доктор Рэмбо вскочил.

– Это переходит всяческие границы, – заявил он. – Так что вынужден просить прощения, но...

Не дожидаясь ответа, он выскочил из комнаты, почти протаранив собой дверь.

Глисон проводил его тревожным взглядом:

– Джимми, чего это он так разошелся? Можно подумать, Уолдо – его личный враг.

– Что-то в этом роде. Но дело не только в Уолдо. Вся его вселенная сейчас рушится.

Последние два десятка лет, после того как Прайор пересмотрел общую теорию поля и расправился с принципом неопределенности Гейзенберга, физики держат свою физику за точную науку. Нам, то есть вам и мне, аварии с энергоподачей на транспорте – докука солидная, а для доктора Рэмбо это еще и покушение на его богов. Так что приглядывайте за ним.

– В каком смысле?

– В том, что может натворить черт-те чего. Когда у человека рушится мировоззрение, это дело сверхсерьезное.

– Н-да-а-а. А вы сами? Вас тоже и так же допекло?

– Не совсем. Я инженер, то есть, с точки зрения Рэмбо, высокооплачиваемый лудильщик.

Разные личные установки. Я просто в некоторой растерянности.

Ожил аудиокommуникатор на столе у Глисона:

– Главный инженер Стивенс, ответьте. Главный инженер Стивенс, ответьте.

Глисон нажал кнопку:

– Здесь. Говорите.

– Поступила шифровка нашим кодом. Даю перевод: «Потерпел аварию в четырех милях к северу от Цинциннати. Добираться ли дальше в Небраску или приволочь вы-знаете-что из собственной таратайки?» Конец сообщения. Подписано: «Мак».

– Передайте, чтобы возвращался. *Но на своих двоих!* – свирепо рявкнул Стивенс.

– Вас понял, сэр.

Аппарат отключился.

– Это от вашего зама? – спросил Глисон.

– Да. Пожалуй, это была последняя капля, шеф. Мне ждать и ковыряться с этой аварией или все же попытать счастья насчет Уолдо?

– Попытайте счастья.

– Хорошо. Если не дождетесь вестей, просто вышлите выходное пособие в гостиницу «Долина пальм» в Майами. Я буду четвертый нищий справа.

Глисон позволил себе горестную усмешку:

– Если уж и вы не справитесь, я буду пятый. Удачи.

– До скорого.

Стивенс удалился, и только тут впервые раскрыл рот главный инженер по городским поставкам Страйбел:

– Если пойдут аварии по городским энергоприемникам, ты ведь знаешь, где я окажусь?

– Где? Шестым нищим справа?

- Вряд ли. Я буду висельник номер один. Меня просто линчуют.
- Но энергоподача в города от аварий *застрахована*. У вас там полно предохранителей и параллельных линий.
- Примерно так же застрахованы и декальбы. Ни больше ни меньше. А представьте себе седьмой подземный этаж Питтсбурга, когда там вырубится освещение. Впрочем, лучше не представляйте.

* * *

Доктор Граймс протиснулся сквозь верхний люк своего подземного дома, глянул на оповеститель и убедился, что в его отсутствие в дом забрался гость. Кто-то из очень хороших знакомых, поскольку знает код замка, отметил доктор с некоторым оживлением, загромыхал вниз по лестнице, стараясь легче ступить на больную ногу, и вошел к себе в приемную.

– Док, привет!

Когда дверь распахнулась, Джеймс Стивенс встал с кресла и двинулся навстречу хозяину.

– Здоров, Джеймс. Налей себе чего-нибудь. Ах, уже налил? Ну тогда налей мне.

– Есть такое дело.

Пока гость справлялся с поручением, Граймс избавился от своего допотопного пальто до пят и швырнул его в сторону вешалки. Пальто тяжело бухнулось на пол, куда более тяжело, чем можно было ожидать по внешнему виду, несмотря на солидные размеры. И глухо лязгнуло.

А Граймс, согнувшись в три погибели, взялся снимать объемистые штаны, такие же увесистые, как и пальто. Под ними оказалось обычное иссиня-черное рабочее трико. Этот стиль ему совсем не подходил. Существо, не искушенному в человеческой культуре одежды, скажем гипотетическому жителю Антареса, этот стиль мог показаться вульгарным или даже безобразным. В этом трико доктор походил на старого жирного жука-навозника.

Джеймс Стивенс оставил без внимания трико, но на сброшенную одежду глянул с неодобрением.

– Все еще таскаете эти дурацкие доспехи, – не удержался он от комментария.

– А как же!

– Док, не доведет вас до добра эта хренация. Только здоровье себе портите.

– Без нее быстрее испорчу.

– Не надо. Я только в лаборатории доспехи ношу, а больше нигде. И как видите, на здоровье не жалуюсь.

– И зря.

Граймс подошел к табуретке, на которую пересел Стивенс, и скомандовал:

– А ну ногу на ногу!

И чуть только Стивенс исполнил приказ, ребром ладони резко ткнул гостя под коленную чашечку. Сработало еле-еле.

– Паршиво, – отметил Граймс, оттянул гостю веко и глянул на глазное яблоко. Покачал головой и изрек: – Дрянь дело.

Стивенс досадливо отстранился:

– *Со мной* все тип-топ. И речь не обо мне, а о *вас*.

– Это в каком же смысле?

– А в таком. Холера вас заберит, док, вы же репутацию теряете. Послушали бы, что о вас болтают.

Граймс кивнул:

– Слышал, и не раз. Мол, бедняга Гэс Граймс на старости лет маленько того. Зря волнуешься по этому поводу. Я всю жизнь как ходил не в ногу со всеми, так и хожу. А вот у тебя с коэффициентом усталости наверняка непорядок. Сколько тебе выводят?

- Понятия не имею. Здоров как бык.
- Как бык, говоришь? Да я тебя побью в двух раундах из трех.

Стивенс потер веки:

– Док, кончайте проезжаться на мой счет. Расклеился я, ваша правда. Сам знаю, но это от переутомления, а не от чего-нибудь.

– Уши вянут! Джеймс, ты приличный специалист по излучениям, физик...

– Не физик, а инженер.

– Ладно, пусть инженер. Но не медик. Пойми, нельзя год за годом поливать организм всеми видами излучения, как из бочки, и не поплатиться за это. Организм не рассчитан на такие процедуры.

– В лаборатории я ношу доспехи. Вы же в курсе.

– Слава богу. А вне лаборатории?

– Слушайте, док! Очень не хотелось бы затрагивать эту тему, но вы же несете чушь. Конечно, сейчас в воздухе повсюду рассеяна лучистая энергия, но совершенно безвредная. Специалисты по коллоидной химии...

– Обхихимия это калоидная, а не химия!

– Но вы же должны признать, что баланс организма – это предмет изучения коллоидной химии.

– Я ничего не должен признавать. Живые ткани построены на коллоидах, и я согласен, это так и есть. Но я уже сорок лет кряду твержу, что живые ткани нельзя подвергать разному облучению, вперед досконально не разобравшись в возможных последствиях. С точки зрения эволюции человеческий организм рассчитан на адаптацию только к естественному облучению со стороны Солнца, да и то к ослабленному за счет толстого ионизированного слоя в атмосфере, да и не так чтобы очень. А уж где такого слоя нет... Ты когда-нибудь видел, что такое соляно-рентгеновский рак?

– Не довелось.

– Ах да, ты еще слишком молод. А вот мне довелось. Я еще интерном был, когда пришлось ассистировать при аутопсии этой штуки. Парнишка был участник второй экспедиции на Венеру. Четыреста тридцать восемь метастазов мы в нем насчитали, да так и не досчитали – бросили.

– Соляно-рентгеновского рака больше не существует.

– И слава богу. Но урок нам был дан, и забывать его грешно. Дай волю вашей гениальной пацанве – вы у себя в лабораториях такую кашу заварите, что никакая медицина разобраться не успеет. Мы же поневоле отстаем. Ничего не знаем, куда не проявится, а проявляется-то не вдруг. А тогда, когда вы уже понакрываетесь.

Граймс тяжело сел, и внезапно стало видно, что он измучен и утомлен не меньше своего куда более молодого гостя. И Стивенс ощутил, что у него язык не поворачивается продолжить этот разговор. Что-то в этом роде бывает, когда твой самый близкий друг ни с того ни с сего втюривается в совершеннейшее черт знает что. Он сидел и ломал голову, как бы не ляпнуть что-нибудь не то.

И решил переменить тему:

– Док, я не просто так пришел. Есть несколько вопросов для обсуждения.

– Например?

– Во-первых, относительно отпуска. Сам понимаю, что расклеился. Переутомился, так что, похоже, нужен отпуск. А во-вторых, я к вам насчет Уолдо.

– То есть?

– Вот именно. Насчет Уолдо Фартингуэйт-Джонса, благослови Господь его непреклонное и злое сердце.

– Уолдо? Уж он-то тут каким боком? Никак тебя вдруг заинтересовала *myasthenia gravis*?⁵

– Ни в коем разе. Его состояние мне абсолютно без разницы, страдай он плюс ко всему еще и чесоткой, перхотью и бессонницей, чего от души ему желаю. Но мне надо задействовать его мозги.

– Ах вот как?

– В одиночку мне не справиться. Тот еще, знаете ли, людям помощничек ваш Уолдо. Он мастер только ими *пользоваться*. Вы – это его единственный нормальный человеческий контакт.

– Ну, это не совсем так...

– А с кем еще у него контакт?

– Ты не так понял. У него *нет* контакта ни с кем. Я просто единственный человек, у которого хватает наглости с ним не церемониться.

– А я-то думал!.. Впрочем, не важно. Неужто вы считаете такое положение нормальным? Уолдо – это человек, без которого нам не обойтись. Где написано, что гений его масштаба обязательно должен быть таким неприступным, таким неподатливым на рядовые общественные запросы? Не надо. Понятно: это во многом продиктовано его хворобой, но почему, почему именно она именно к нему привязалась? Вероятность случайного совпадения тут исчезающе мала.

– Его немочь тут ни при чем, – ответил Граймс. – Вернее, при том, но не с того боку, с которого ты подступаешься. Его гениальность некоторым образом *проистекает* из его слабости...

– То есть?

– Ну-у...

Граймс погрузился в собственные мысли и позволил себе умом вернуться вспять к долгим – длиною в целую жизнь (разумеется, жизнь Уолдо) – размышлениям об этом своем особом пациенте. Припомнились какие-то подсознательные опасения, когда он принял этого младенца во время родов. Внешне младенец выглядел приемлемо, разве что был несколько синюшный. Но в родилках того времени множество малышей являлось на свет с небольшим цианозом. И тем не менее как-то рука не поднималась шлепнуть новорожденного по попе, чтобы тот от удара впервые хватил полные легкие воздуха.

Однако собственные чувства были подавлены, «рукоприкладство» состоялось по всем правилам, и новорожденный человек провозгласил свою независимость вполне удовлетворительным криком. Что еще оставалось сделать молодому врачу по всем болезням, на полном серьезе относившемуся к клятве Гиппократата? Впрочем, он и нынче относится к ней на полном серьезе, хотя временами позволяет себе распространяться насчет ее лицемерности. И ведь прав оказался в своих предчувствиях: была в этом малыше какая-то гнильца еще и помимо *myasthenia gravis*.

Поначалу было как-то жаль этого карапуза и было необъяснимое чувство ответственности за его состояние. Патологическая мышечная слабость – инвалидность абсолютная, поскольку у пациента нет уцелевших конечностей, способных заменить увечные. Жертва вынуждена лежать, все органы, все конечности у нее на месте и действуют, но мускулатура прежалостнейшим образом слаба и не способна к нормальным усилиям. Жизнь поневоле проходит в состоянии полнейшего изнурения, у нас с вами такое могло бы наступить на финише марафонского бега. Но мы-то отдышимся, а вот больной не отдышится, и помочь ему нечем.

Пока длились детские годы Уолдо, врач не терял надежды, что ребенок умрет и тем избежит приговора к трагической никчемности. Но в то же время, будучи врачом, он делал все,

⁵ *Myasthenia gravis* – хроническое заболевание, при котором происходит нарастающее ослабление всех мышц организма. – Примеч. С. В. Голд.

что только в его силах и в силах бесчисленных консультантов, чтобы ребенок жил, и ухаживал за ним, как только мог.

Естественно, Уолдо не мог посещать школу – Граймс выискивал ему домашних учителей посострадательнее. Уолдо не мог играть в обычные игры – Граймс изобретал игры для лежащего, которые не только развивали бы воображение, но и подвигали бы пациента на предельное напряжение своих вялых мускулов.

В ту пору Граймс опасался, что этот тепличный ребенок, огражденный от обычных стрессов взросления, может навсегда остаться инфантильным. Теперь-то – тому уж много лет – он понимал, что тревожился напрасно. Подрастающий Уолдо буквально цеплялся за все, что только могла предложить ему эта убогая жизнь, он жадно учился и до седьмого пота напрягал волю, чтобы заставить служить свои непослушные мышцы.

Особую сообразительность он проявил в поисках средств обхода своей мускульной слабости. В семь лет он разработал способ управляться с ложкой. Обеими руками. Это позволило ему хотя и с громадным усилием, но питаться самостоятельно. А в десять лет он изобрел свое первое механическое приспособление.

То был аппаратик, который держал перед ним книгу под любым удобным углом, направлял свет на нужное место и переворачивал страницы. Аппаратик отзывался на нажатия кончика пальца на простую панель управления. Разумеется, построить его самостоятельно Уолдо не мог, но зато сумел продумать и изложить замысел. Родители были достаточно богаты, чтобы воспользоваться услугами конструктора-профессионала, осуществившего проект увечного малолетки.

Вот так малыш Уолдо впервые почувствовал вкус к умственному господству над взрослым человеком, который ему не родня и не прислуга, и Граймс был склонен считать этот случай началом долгого психологического процесса, по ходу которого Уолдо в конце концов начал рассматривать все человечество как своих слуг, как руки, которых ему недостает, руки, которыми он либо пользуется, либо может воспользоваться.

* * *

– Док, вы что, не в себе?

– А? Извини, отвлекся. Послушай, сынок, ты не должен быть слишком суров с Уолдо. Лично мне он не по душе. Но приходится принимать его таким, каков он есть.

– Вот вы и принимайте.

– Умолкни. Сам признал, что нуждаешься в его уме. Он не был бы гением, если бы не родился калекой. Ты его родителей не знал. Доброго десятка были люди, приятные, умные, но ничего особенного. И Уолдо одарен не в большей степени, чем они, но напрягать свои таланты, чтобы хоть чего-то добиться, ему пришлось намного больше. Ему приходится соображать, у него нет другого выхода.

– Согласен. Тысячу раз согласен, но с какой стати притом еще и ядом исходить? Талантливые люди в большинстве своем не таковы.

– А ты раскинь мозгами. Чтобы хоть чего-то добиться в своем положении, парню пришлось крепить волю и настраивать ум исключительно в одном направлении, ничьих иных соображений в расчет не принимая. Вот он и заделался невыносимым эгоистом. Чего еще от него ждать?

– Я бы... Да ладно, это не важно. Он нужен нам позарез, все дело в этом.

– Зачем?

Стивенс пустился в объяснения.

* * *

Наверное, уместно будет подчеркнуть, что проявления культуры – нравы, оценки, построение семьи, застольные обычаи, принятый образ жизни, методы обучения, учреждения, форма правления и так далее – жестко определяются хозяйственными потребностями наличествующей технологии. Хотя такое утверждение слишком расплывчато и в значительной степени упрощено, тем не менее бесспорно, что многие из неотъемлемых особенностей долгого мира, наступившего после конституционного возвышения Объединенных наций, своим происхождением обязаны технологическим методам, разработанным в тепличных условиях, поневоле созданных воюющими сторонами, вовлеченными в сражения сороковых годов. В преддверии той поры как ненаправленное, так и направленное излучение электромагнитной энергии, за небольшими исключениями, использовалось только в виде коммерческого радио. Даже телефонная связь осуществлялась почти всецело посредством соединения аппаратов с помощью металлических проводов. Если какой-нибудь житель Монтерея желал пообщаться с женой или деловым партнером, находящимися, скажем, в Бостоне, между ними через весь континент протягивался физически осязаемый медный нейрон.

Силовая энергоподача без проводов в ту пору была нереальной мечтой, живущей в воскресных развлекательных приложениях и комиксах.

Прежде чем было покончено с медной паутиной, что заплела весь континент, понадобился последовательный – впрочем, нет, не последовательный, а сложный параллельно-последовательный – прогресс во многих областях техники. Ненаправленное излучение энергии – штука экономически невыгодная, поэтому пришлось дожидаться открытия коаксиального луча, которое явилось следствием экономических ограничений времен Великой войны. Радиотелефон не мог заменить проводную связь до тех пор, пока микроволновая техника не проложила в эфире, так сказать, торной дороги. И даже после этого потребовалось изобретение прибора для настройки, с каким человек, ничего не понимающий в технике – скажем, десятилетний ребенок, – обращался бы с той же легкостью, с какой обращались с наборным телефонным диском, прибором, характерным для проводной связи общего пользования заканчивающейся эры.

Лаборатория Белла разрешила эту проблему; и от этого решения оставался всего один шаг до создания приемника лучевой энергии, аппарата бытового типа, закодированного, опечатанного и снабженного счетчиком. Так стала принципиально возможна передача энергии с помощью радиоизлучения. Оставался лишь один камень преткновения – низкий коэффициент полезного действия такой энергосистемы. В свое время промышленная революция стала возможна лишь после изобретения паровой машины; авиации пришлось дожидаться создания мотора, работающего на цикле Отто; точно так же довелось ждать своего часа и беспроводной системе энергопитания: для нее был необходим дешевый и чрезвычайно мощный источник энергии. Поскольку лучевая передача энергии – процесс, по своей природе чреватый огромными потерями, использовать ее можно было только при наличии дешевой и настолько изобильной энергии, чтобы ее не жаль было непроизводительно терять.

Война подарила миру атомную энергию. Физики, работавшие на армию Соединенных Штатов – в ту пору Соединенные Штаты Северной Америки имели собственную армию, – изготовили сверхвзрывчатку; когда должным образом соотнесли данные в рабочих журналах, которые велись во время опытов, обнаружилось все необходимое для осуществления почти любой ядерной реакции, даже для так называемого солнечного феникса, то есть водородно-гелиевого цикла, что является источником энергии Солнца.

Так появился экономически доступный источник для излучателя электромагнитной энергии. Реакция, в ходе которой медь расщепляется на фосфор, кремний-29 и гелий-3 и

запускаются несколько затухающих цепных реакций, оказалась одним из нескольких дешевых и удобных способов, в дальнейшем примененных для производства практически безграничных количеств энергии.

Лучистая энергия стала экономически целесообразной – и неизбежной.

Разумеется, в беседе с Граймсом Стивенс не упомянул ни о чем из сказанного выше. Для Граймса весь этот динамический процесс оставался как бы за пределами осознания; развитие лучевой энергетики он воспринимал примерно так же, как его дед воспринимал развитие авиации. Видел, как исчезают исчертившие небо линии электропередачи, теперь на многие годы сделавшиеся источником медного сырья; наблюдал, как по всему Манхэттену перекапывают улицы, чтобы извлечь толстые кабели. Мог бы даже припомнить свой первый радиотелефон с автономным блоком питания, но почему-то с двумя наборными дисками: когда он впервые воспользовался такой штукой, то вместо «Кулинарии» по соседству с ходу дозвонился до какого-то адвоката в Буэнос-Айресе. Целых две недели все его местные телефонные звонки шли через Южную Америку, пока он наконец не сообразил, что диск диску рознь и все зависит от того, каким вперед воспользоваться.

В то время Граймс еще не покорился новшествам в архитектуре. Так называемый лондон-план его нимало не привлекал; ему нравился сам вид надземных домов. Однако по мере того, как возрастала нужда в увеличении полезной площади, он шаг за шагом отступал и уходил под землю. Но не столько из-за дешевизны, удобства и общепризнанной практичности образа жизни в пещере на трех уровнях, сколько потому, что уже тогда начал слегка тревожиться по поводу возможных последствий от погружения человеческого тела в мощные электромагнитные поля. Стены из плавленого камня в его новом обиталище изнутри были обшиты свинцом; кровля пещеры имела двойную толщину. Его нора была защищена от электромагнитных полей настолько, насколько это вообще возможно.

* * *

– ...Вся соль в том, – толковал Стивенс, – что энергоснабжение подвижного состава начало давать дьявольские сбои. Пока что не настолько серьезные, чтобы парализовать транспорт, но достаточные для смятения умов. Имело место несколько очень неприятных аварий. До поры до времени удастся избежать широкой огласки, но ведь не навек же. Я должен как-то разобраться с этим.

– Почему ты?

– Почему я? Не прикидывайтесь дурачком. Во-первых, потому, что я заведу в НАПЭ энергоснабжением транспорта и от этого зависит слой масла у меня на хлебе. И во-вторых, потому, что проблема сама по себе ставит меня в тупик. Должным образом сконструированный прибор обязан работать. Постоянно и при каждом включении. А он не работает, и мы не в состоянии понять почему. Наши ведущие матфизики вот-вот начнут лепетать что-то уж вовсе невразумительное.

Граймс пожал плечами. Увидев это, Стивенс почувствовал раздражение.

– Док, по-моему, вы недооцениваете серьезность проблемы. Вы представляете, сколько лошадиных сил уходит на перевозки? Если подсчитать суммарное энергообеспечение грузопотока и добавить к этому потребности личного и общественного транспорта, то окажется, что «Норт-Америкэн пауэр-эйр» поставляет более половины энергии, используемой на континенте. У нас *нет* права на ошибки. А прибавьте к этому еще и дочерние предприятия по городскому энергоснабжению. Там пока обходилось без аварий. Но это пока. Страшно себе представить, что будет, если крупный город останется без энергии.

– Я знаю решение проблемы. Сказать?

– Вот как? Извольте.

– Отправьте эти ваши штучки-дрючки на свалку. Вернитесь к паровозам и двигателям на нефтяном топливе. Избавьтесь от этих ваших электромагнитных волчьих ям, будь они трижды прокляты.

– Категорически исключено. Вы не понимаете, что говорите. На переналадку энергохозяйства ушло больше пятнадцати лет. Теперь мы уже втянулись в это. Гэс, если НАПЭ прикроет лавочку, половина населения по северо-западному побережью сдохнет с голоду, не говоря уже о том, что будет вокруг Великих озер и с агломерацией от Филадельфии до Бостона.

– Ч-черт!.. И тем не менее, возможно, это не так страшно, как медленное отравление, которым вы занимаетесь сейчас. Это все, что я могу сказать.

Стивенс нетерпеливо отмахнулся:

– Слушайте, док! Мил вам ваш заскок – носитесь с ним, как с писаной торбой, но не требуйте, чтобы и я с ним считался. Никто, кроме вас, не видит ничего страшного в лучистой энергии.

– Они просто не туда смотрят, – мирно ответил Граймс. – Ты знаешь, каков был прошлогодний рекорд по прыжкам в высоту?

– В жизни не слушал спортивных новостей.

– А не мешало бы время от времени. Лет двадцать тому назад он составлял двести двадцать три сантиметра. А с тех пор из года в год понижается. Попробовали бы сопоставить график понижения с ростом насыщения атмосферы высокочастотными электромагнитными полями, с вашей милой искусственной радиацией. Могли бы получить любопытные результаты.

– Чушь свинячья! Любому пацану известно, что большой спорт вышел из моды. Пот и мускулы исчезли, вот и все. Мы просто сделали шаг вперед к более интеллектуальной культуре.

– К более интеллектуальной? Чушь собачья! Люди перестали играть в теннис, потому что постоянно чувствуют себя усталыми. Ты глянь на себя. Краше в гроб кладут.

– Имею поводы, док, и ни к чему проезжаться на мой счет.

– Извини. Но у людей наблюдается явное ухудшение работы организма. Я мог бы доказать это с цифрами в руках, но любой врач, который хоть чего-то стоит, в моих доказательствах не нуждается и сам это видит. Если есть глаза и если они не отведены чудесами медицинской техники. Пока что я не могу уверенно сказать, чем это вызвано, но будь я проклят, я носом чую, что ваш товарец здесь очень даже при чем.

– Быть этого не может. Никаких излучений не выпускали в атмосферу, пока самым придирчивым образом не проверили у биологов. Мы не дураки и не мошенники.

– Может быть, подольше следовало проверять. Речь ведь не о часах и не о неделях. Речь о кумулятивном эффекте многих лет прополаскивания живых тканей высокими частотами. Он наличествует?

– Уверен, что отсутствует.

– Уверен. Вера не знание. Никто никогда даже не пробовал с этим разобраться. Кстати, а каково воздействие солнечного света на обычное силикатное стекло? Обычно отвечают: «Нулевое». А ты видел стекло, которое долго валялось в пустыне?

– Имеете в виду иридизацию? Видел, конечно.

– То-то. За несколько месяцев в пустыне Мохаве любая бутылка начинает играть всеми цветами радуги. А ты когда-нибудь обращал внимание на оконные стекла в старинных домах на Бикон-хилл?

– В жизни не бывал на Бикон-хилл. Где это?

– В Бостоне, если хочешь знать. И выглядят они в точности как та бутылка, только на это ушло лет сто, если не больше. А теперь скажите мне, физики-шизики, вы способны количественно уловить изменения в структуре стекол на Бикон-хилл по годам?

– Мм, вероятно, нет.

– Однако они имеют место. А кто-нибудь когда-нибудь пытался оценить, что за изменения произошли в тканях организма за тридцать лет прямого воздействия ультракоротковолнового облучения?

– Нет, но...

– Без твоих «но» обойдется. Кое-какие изменения я вижу. Об их причине могу только догадываться. Возможно, я ошибаюсь. Но чувствую себя куда бодрее с тех пор, как всякий раз, выходя наружу, обязательно надеваю пальтецо со свинцовой подкладкой.

Стивенс сдался:

– Док, может, вы и правы. Не хочу свáриться с вами. Но как насчет Уолдо? Не захватите меня с собой, когда отправитесь к нему? Не поможете ли договориться с ним?

– Дело терпит или нет?

– Не терпит.

– Тогда двинем хоть сию минуту.

– Подходит.

– Звякни к себе в контору.

– То есть вы не шутите насчет «сию минуту»? Очень кстати. Что касается конторы, так я в отпуске. Однако проблема вот где у меня сидит. Давно пора с ней разобраться.

– Кончили трепаться. Поехали.

Они выбрались наверх, на стоянку машин. Граймс направился было к своему «ландо» – старомодному, громоздкому, семейному «боингу». Стивенс остановил его:

– Вы никак собрались раскочегарить этот свой драндулет? Да мы же на нем, дай бог, только к вечеру доберемся!

– Чем плохая машина? Ходит отлично, заатмосферный движок имеется. Запросто долетит до Луны и обратно.

– Долететь долетит, но ведь еле ползет. Пошли на мое «помело».

Граймс окинул критическим взглядом веретенообразный маленький скутер своего приятеля. Кузов был настолько невидим, насколько с этим смогла справиться индустрия пластмасс. Поверхностный слой толщиной в две молекулы явно имел тот же коэффициент преломления, что и воздух. Так что если содержать в чистоте, то и не разглядишь. Однако тут да там пыль поприставала, опять же и отпотевание – вот и просматривается эдакий мыльнопузырный призрачок чего-то самолетоподобного.

В сердцевине «пузыря», хорошо видимая сквозь стенки, находилась единственная металлическая часть корабля: балка, а точнее сказать, осевой сердечник, и расширяющийся сноп антенн для приемников де-Кальба при ее оконечности. На вид ни дать ни взять гигантская ведьминская метла, прозвище свое вполне оправдывает. А поскольку сиденья из прозрачной пластмассы смонтированы одно за другим поверх балки так, что металлический стержень проходит между ног у пассажиров и водителя, прозвище звучит вдвойне уместно.

– Сынок, – заметил Граймс. – Я не щеголь и за элегантным видом не гонюсь. И все же сохранил какие-то остатки самоуважения и два-три перышка личного достоинства. И категорически отказываюсь болтаться с этой штукой промеж шенкелей, тем более высоко в воздухе.

– Просто ужас, док, до чего ты старомоден.

– Возможно. И тем не менее намерен придерживаться причуд, с которыми сумел дожить до своих лет. Так что ни в коем разе.

– Слушайте! Перед взлетом я включу поляризацию кузова. Может, на этом помиримся?

– До непрозрачности?

– До полной.

Граймс с сожалением окинул взглядом свой рыдван и ошупью протиснулся в едва видимый люк «помела». Стивенс помог ему. Они забрались внутрь и оседлали насест.

– Молодчина, док! – приговаривал Стивенс. – Я вас туда в три притопа доставлю. Из вашего корыта больше восьмисот в час не выжмешь, а до «Инвакола» по вертикали тысяч сорок, уж не меньше.

– А мне не спешно, – проворчал в ответ Граймс. – И вот что: при Уолдо не смей называть его дом «инвалидной коляской».

– Есть не называть, – пообещал Стивенс, шаря в пустом на вид воздухе.

Внезапно корпус машины стал матово-черным, скрыв пассажиров из виду. И так же внезапно засиял ослепительным зеркальным блеском. Машина вздрогнула, взмыла и разом исчезла.

* * *

Если верить глазам, Уолдо Ф. Джонс витал в воздухе посредине сферического помещения. А глаза не обманывали, поскольку он действительно там витал. Его дом находился на околоземной орбите с периодом обращения, в точности равным двадцати четырем часам. Притом сам дом вокруг своей оси не вращался; вот уж в чем не нуждался Уолдо, так это в псевдогравитации, организуемой с помощью центробежной силы. Именно потому он и покинул планету, чтобы избавиться от ее гравитационного поля; и за семнадцать лет, которые прошли с тех пор, как его дом был построен и выведен на орбиту, Уолдо ни разу не спустился на земную поверхность; при любых обстоятельствах даже мысль об этом ему в голову не приходила.

Здесь, в космосе, на орбите, в принадлежащей лично ему ракушке с кондиционированным воздухом, он был почти избавлен от невыносимого пожизненного рабства, навязанного мышечным бессилием. Те малые силы, которыми он располагал, здесь не было нужды целиком тратить на борьбу с изнурительным мощным земным притяжением, ими можно было распорядиться куда более осмысленным образом.

Еще в раннем детстве Уолдо проявил острый интерес к полетам в космосе, но не потому, что стремился исследовать неведомые дали, а потому, что его детский преждевременно развитый ум подметил, какие гигантские возможности сулит ему невесомость. И уже подростком он здорово помог первым космонавтам-испытателям, соорудив для них систему управления, которая требовала от пилота минимальных усилий в момент разгона и торможения, то есть при двойных и тройных перегрузках.

Изобрести что-то в этом духе никаких хлопот не представляло; он просто приспособил к делу манипуляторы, с помощью которых сражался с обычной силой тяжести, им воспринимаемой как постоянная перегрузка. И первый же удачно сконструированный и безопасный в полете космический корабль был снабжен аппаратурой, которая в свое время помогла Уолдо перебраться с больничной койки в инвалидную коляску.

Компенсаторы ускорения, нынешнее стандартное оборудование, применяемое на судах, следующих на Луну и обратно, ведут свое происхождение от полной до краев ванны, в которой Уолдо обычно ел и спал до того момента, как покинул родительский дом, чтобы перебраться в свой теперешний, кое в чем уникальный. Большая часть самых важных изобретений Уолдо первоначально предназначалась для облегчения его собственной участи и лишь впоследствии была приспособлена для общего пользования. Даже вездесущие аппаратики, гротескно человекоподобные и всем известные под названием «уолдо», а точнее говоря, «синхронные пантографы-удвоители Уолдо Ф. Джонса», патент # 296001437, новые серии и прочие, прежде чем он переконструировал их для массового производства, имели предшественников – несколько поколений механизмов, которыми Уолдо пользовался в собственной мастерской. Первый из «уолдо», донельзя примитивный по сравнению с нынешними, неизбежно встречающимися в любой мастерской, на любой фабрике, на любом заводе или складе, был когда-то сконструирован для того, чтобы его создатель мог работать по металлу на токарном станке.

Когда-то Уолдо возмущался по поводу клички, которой наградили его детища – он был задет таким бесцеремонным панибратством, – но, поостыв, по-деловому оценил преимущество, проистекающее из отождествления его имени с таким общеупотребительным и незамеченным механизмом.

Когда журналисты взялись называть его дом в космосе «Инваколом», казалось бы, следовало ожидать, что Уолдо отнесется к этому как к дальнейшему росту своей популярности. Однако этого не случилось. Уолдо настолько возмутился, что даже предпринял попытку наложить запрет на это словцо. Почему? А потому что, хотите верить, хотите нет, Уолдо никогда не считал себя инвалидом.

Он рассматривал себя не как калеку, сбоку припеку человеческого общества, а как сверхчеловека, высшую стадию развития вида, существо, которое не нуждается в грубой силе безволосых обезьян. С его точки зрения, последовательность ступеней развития выглядела следующим образом: от волосатых обезьян через безволосых к Уолдо. Какой-нибудь ленивый шимпанзе без видимого напряжения мышц способен тащить одной рукой полторы тысячи фунтов. В этом Уолдо убедился, заполучив экземпляр и долготерпеливо доводя животное до иступления, чтобы заставить его показать свою силу. Физически развитый человек может сжать в руке силомер с усилием, равным ста пятидесяти фунтам. А вот сам Уолдо, исходя потом от напряжения, в жизни не смог бы показать на таком силомере больше пятнадцати фунтов.

Соответствовал истине этот непритязательный вывод или нет, но Уолдо уверовал в него и принял за основу. Обычные люди – это отребье с гипертрофированными мускулами, безволосые шимпанзе. А он, Уолдо, десятикратно превосходит их.

У него было много дел.

Витая в воздухе, он был занят, очень занят. Хотя Уолдо и не ходил по Земле, дела его делались там. Помимо управления своими многочисленными объектами недвижимости он постоянно консультировал множество фирм, специализируясь на кинетическом анализе. Под руку в помещении находилось все, что нужно для работы. Прямо перед ним располагался цветной стереотелевизор с экраном четыре на пять, на котором мерцали две системы координат: ортогональная и полярная. Выше и правее висел телевизор поменьше. Оба приемника были оснащены полной записью посредством параллельных устройств, удобства ради убранных в соседний отсек.

С экрана меньшего телевизора за Уолдо наблюдали два мужских лица. На большем экране была видна внутренняя часть обширного цеха, скорее похожего на ангар. Непосредственно перед окуляром располагался станок, на котором шла обработка какой-то крупной отливки. Рядом со станком стоял рабочий, на лице у него было написано с трудом сдерживаемое раздражение.

– Лучший ваш кадр, – объявил Уолдо тем двоим с малого телевизора. – Притом что наверняка руки у него крюки и он понятия не имеет, что такое тонкая работа, все же он гений по сравнению с теми кретинами, которых вы именуете станочниками.

Рабочий зыркнул по сторонам, будто пытаясь понять, откуда доносится голос. Было очевидно, что он слышит Уолдо, но видеть не может: ему телевизора не поставили.

– Не на мой ли счет остришь? – резко сказал рабочий.

– Мой дорогой, вы меня не так поняли, – умильно пропел Уолдо. – Я говорил исключительно в похвалу вам. И весьма надеюсь, что мне удастся обучить вас элементарным приемам точной работы. А потом уж не обманите наших ожиданий, научите работать придурков, что возле вас вертятся. Будьте добры, перчатки.

Перед рабочим на обычной подвеске болталась пара пятипалых перчаток длиной до локтя – задающие «уолдо». Точно такая же пара находилась перед самим Уолдо, соединенная

в параллель с наземной. «Уолдо»-исполнители, действиями которых Уолдо собирался управлять с помощью своих перчаток, были смонтированы на рабочем месте перед станком.

Указание Уолдо было адресовано рабочему. Тот взглянул на висящие перед ним перчатки, но даже пальцем не шевельнул.

– Кто не показывается, тот пусть мне не приказывает, – решительно сказал рабочий, поглядывая куда-то в сторону.

– Дженкинс, послушайте, – начал один из мужчин с малого экрана.

Уолдо вздохнул:

– Господа, у меня нет ни времени, ни желания наводить дисциплину у вас в цеху. Соизвольте развернуть свой телевизор так, чтобы наш чересчур раздражительный друг имел возможность видеть меня.

Произошла перестановка; в глубине кадра как на малом телевизоре Уолдо, так и на большом появилось лицо рабочего.

– Ну вот. Теперь лучше? – кротко спросил Уолдо.

Рабочий что-то буркнул.

– Послушайте... Простите, а как вас зовут?

– Александр Дженкинс.

– Отлично, дружище Алек. Руки в перчатки.

Дженкинс сунул руки в «уолдо» и застыл в ожидании. Уолдо надел приготовленные перчатки; и все три пары манипуляторов, заодно с исполнительной, установленной на станке, ожили. Дженкинс закусил губу так, словно почел крайне неприятным, когда надетые перчатки взялись распорядиться его пальцами.

Уолдо плавно сгибал и разгибал их; две пары «уолдо» на экране в тот же миг точно повторяли эти движения.

– Почувствуйте это, дорогой Алек, – подавал советы Уолдо. – Мягче, мягче. Заставьте свои мускулы работать на благо себе.

Закончив разминку, Уолдо перешел к более сложным движениям. «Уолдо» на станке отозвались, потянулись вверх, включили питание и легко и аккуратно продолжили цикл обработки отливки. Вот одна механическая рука опустилась вниз, отрегулировала высоту стола, а в это время другая увеличила подачу масла на режущую кромку.

– Ритмичней, Алек, ритмичней. Не дергайтесь, не делайте лишних движений. Старайтесь попевать за мной.

Отливка с обманчивой быстротой приобрела форму, стало ясно, что на станке обрабатывается корпус обычного трехлапчатого зажимного патрона для токарного станка. Вот зажимы разжались, готовый корпус упал на ленту транспортера, место на станке заняла следующая заготовка. Уолдо неторопливо и умело повторил цикл, его пальцы в «уолдо» работали с усилиями, которые следовало бы измерять долями унций, но две пары «уолдо» в десятках тысяч миль внизу, на Земле, в точности следуя его движениям, развивали силу, необходимую для тяжелой ручной работы.

Еще один корпус патрона упал на транспортер... и еще несколько. И Дженкинс, хотя никто не понукал его работать собственноручно, явно устал от усилий предугадать и повторить движения рук Уолдо. Со лба у него лил пот, на носу и на подбородке повисли капли. Улучив момент перезагрузки станка, он резким движением вырвал руки из задающих «уолдо».

– Хватит, – объявил он.

– Алек, давайте-ка еще одну. Вы делаете успехи.

– Нет.

Рабочий отвернулся, как бы собираясь уйти. Уолдо сделал резкое движение – такое резкое, что пришлось напрячь все силы даже в его невесомом окружении. Одна из стальных рук «уолдо»-исполнителя взметнулась и схватила Дженкинса за запястье.

– Алек, не спешите.

– Да пошел ты!

– Спокойней, Алек, спокойней. Вы будете делать, что говорят, *не так ли?*

Стальные пальцы с силой сжались, заходили. Уолдо приложился на все свои расчетные две унции.

Дженкинс зарычал. Единственный оставшийся зритель – другой ушел вскоре после начала урока – воскликнул:

– Мистер Джонс! Минутку!

– Либо заставьте его слушаться, либо увольте, ко всем чертям. Вы же знаете, что у меня в контракте стоит.

Внезапно звук и изображение с Земли отключились. Они вернулись через несколько секунд. Дженкинс смотрел волком, но больше не упрямылся. Уолдо продолжил, будто ничего такого не случилось:

– Алек, дорогой, ну-ка еще разок.

Проведя еще один цикл, Уолдо распорядился:

– Теперь двадцать самостоятельных повторений с сигнальными лампами на локте и запястье. Со включенным хроноанализатором. Ваш график и заданный должны совпасть. Надеюсь, так и будет, Алек.

Без лишних слов он выключил большой экран и обратился к наблюдателю на малом:

– Макнай, продолжим завтра в это же время. Дело движется. Со временем мы превратим этот ваш дурдом в современное предприятие.

И выключил малый экран, даже не попрощавшись.

Уолдо несколько поспешил с окончанием занятия, потому что краем глаза углядел предупредительное помаргивание на панели своего домашнего информатора. К дому приближалось какое-то судно. Дело привычное: туристы вечно суются и автоохраннику приходится гнать их в шею. Но это судно дало условный сигнал и поэтому было пропущено к причалу. «Помело», однако номерной знак Уолдо разглядел не вдруг. Оказалось, флоридский. Кто из хороших знакомых раскатывает с флоридским номером?

Мгновенно перебрав в уме список – он был *очень* короткий, – Уолдо убедился: у него нет знакомых с флоридскими номерами, которые знали бы условный сигнал. Мгновенно заговорила настороженность, с которой Уолдо относился к внешнему миру; и он включил схему, посредством которой с помощью своих «уолдо» мог управлять несомненно противозаконными, но куда как смертоносными защитными устройствами, установленными в доме. Тем более что судно подваливало с непрозрачным кузовом. Ох, не к добру это.

Из «помела» выбрался кто-то, на вид довольно молодой. Уолдо присмотрелся. Кто-то незнакомый – возможно, он где-то видел это лицо. Нажим в одну унцию, и это лицо перестанет быть лицом, но Уолдо четко держал свое серое вещество под контролем и рукам воли не дал. Незнакомец повернулся, как бы собираясь помочь вылезти другому прибывшему. Да вот и другой. Но это же дядя Гэс! Вот старый дурак! Надо же, сообразил: приволок с собой совершенно чужого человека! И ведь знает же! Знает, как Уолдо относится к чужим.

Тем не менее команда на открытие замка была подана и прибывшие впушены.

Гэс Граймс протиснулся в люк, подтягиваясь от одного поручня до другого и натужно пыхтя, как обычно, когда попадал в невесомость. И как всегда, сам себе объяснил: это не от чрезмерного усилия, это диафрагма жестковата стала. Следом скользнул в люк Стивенс, всем своим видом демонстрируя безобидную гордость землеройки за то, как он отлично справляется с космическими условиями. Едва оказавшись в приемной, Граймс замер на месте, рыкнул и обратился к поджидавшему гостей манекену в полный рост:

– Уолдо, привет.

Кукла слегка повернула голову и повела глазами:

– Рад видеть, дядя Гэс. Хоть бы позвонили, прежде чем выбираться. Я бы вам на обед что-нибудь вкусненькое припас.

– Не стоит хлопот. Вряд ли мы проторчим тут так долго. Уолдо, это мой друг Джимми Стивенс.

Кукла уставилась на Стивенса.

– Как поживаете, мистер Стивенс? Добро пожаловать во «Фригольд», – произнесла она деревянным голосом.

– Как поживаете, мистер Джонс? – ответил Стивенс и с любопытством воззрился на куклу. Кукла выглядела на диво живой. В первый момент Стивенс и принял ее за живого человека. Некое «разумное факсимиле». Если вспомнить, ему доводилось о ней слышать. Мало кто видел Уолдо собственной персоной, все больше разглядывали картинку на экране. А те, кто являлся в «Инвакол» – ой, слава богу, вовремя вспомнил: не в «Инвакол», а во «Фригольд», – те, кто являлся во «Фригольд» по делам, слышали только голос Уолдо и довольствовались видом этого чучела.

– Дядя Гэс, без обеда я вас не отпущу, – объявил Уолдо. – Уж придется вам остаться. Вы у меня нечастый гость. Я сейчас что-нибудь быстренько соображу.

– Раз так, то, может, мы и останемся, – смилостивился Граймс. – А насчет меню не беспокойся. Ты меня знаешь. Я что хочешь разжую.

Стивенс от души поздравил себя с блестящей мыслью толкнуться со своими тяготами к доку Граймсу. Пяти минут не прошло, и на тебе! – Уолдо настоятельнейшим образом уговаривает их остаться и пообедать. Добрый знак.

Он не обратил внимания на то, что приглашение относилось только к Граймсу, а светлая мысль распространить местное гостеприимство на них обоих высказана отнюдь не хозяином дома.

– Ты где, Уолдо? – продолжил беседу Граймс. – В лаборатории?

И сделал недвусмысленное движение, чтобы пройти дальше в дом.

– Да вы не утруждайтесь, – поспешно сказал Уолдо. – Уверен, вам будет удобнее там, где находитесь. Минутку, я сейчас раскручу приемную, чтобы вы могли сидеть, как привыкли.

– Уолдо, ты что, не в себе? – вспылil Граймс. – Ты же знаешь: есть вес, нет веса – это мне все равно. А вот компания твоей болтливой куклы мне вовсе не улыбается. Я приехал повидать не ее, а тебя.

Настойчивость старшего друга слегка удивила Стивенса; он как раз подумал, что раскрутка была бы со стороны Уолдо очень уместной любезностью. В невесомости ему было чуточку не по себе.

Ответное молчание Уолдо неприятно затянулось. Наконец он заговорил, и повеяло холодом.

– Вот уж о чем не может быть и речи, дядя Гэс. Кто-кто, а вы-то должны же это знать.

Граймс ему не ответил. Вместо ответа он взял Стивенса за локоть:

– Джимми, пошли. Отваливаем.

– Док, да вы что! С чего?

– Уолдо вздумал игры играть. А я ему в этом не компания.

– Но-о-о...

– Пошли-пошли. Уолдо, открой шлюз.

– Дядя Гэс!

– Слушаю.

– Ваш спутник – вы за него ручаетесь?

– Естественно. Иначе я бы его не привел, дурья твоя башка.

– Я у себя в мастерской. Дорога открыта.

– Так-то, сынок. Вали за мной, – подмигнул Граймс Стивенсу.

И Стивенс потащился вслед за Граймсом на манер рыбы, плывущей за товаркой, по пути во все глаза разглядывая сказочное жилище, в котором оказался. И про себя заметил, что место было единственным в своем роде, такого он в жизни не видел. Здесь начисто отсутствовало представление о верхе и низе. Космические корабли и даже космические станции хоть и находятся постоянно в состоянии свободного падения по отношению к любым внутренне ощущаемым ускорениям, но тем не менее неизменно строятся с мыслью о верхе и низе; вертикальная ось корабля определяется направлением действия его ускоряющего привода; а верх и низ на космических станциях определяются по радиусу относительно оси раскрутки.

Очень немногие полицейские и военные суда имеют два и более направления ускорения; когда такой корабль совершает маневр, его персоналу приходится закрепляться и закреплять все подвижные предметы. На некоторых космических станциях искусственная тяжесть за счет вращения обеспечивается только в жилых секциях. И тем не менее существует общее правило: человек привык к чувству веса, и во всем, что сделано его руками, это подразумевается. Так обстояло всюду, кроме дома Уолдо.

Землеройке очень трудно обойтись без ощущения веса. По-видимому, этого требует инстинкт, с которым мы рождаемся. Любой, кто рассуждает о корабле, находящемся на околоземной орбите, склонен считать, что «низ» находится в той стороне, где Земля, и, стало быть, обращенную к Земле стенку корабля считает полом, на котором можно стоять и сидеть. Это совершенно ошибочное мнение. У того, кто находится внутри свободно падающего тела, ощущение веса и, соответственно, ощущение «верха» и «низа» отсутствует. За исключением того, которое вызвано собственным полем тяготения корабля. Но что касается последнего, ни дом Уолдо, ни любой мыслимый космический корабль пока что не строятся такими массивными, чтобы им оказалось присуще поле тяготения, ощущаемое для человеческого тела. Хотите верьте, хотите нет, а это так и есть. Чтобы человек ощутил свой вес относительно корабля, последний должен быть размером с хороший планетоид.

Случается, возражают, что тело, вращающееся вокруг Земли по замкнутой орбите, не является свободно падающим. Такая точка зрения характерна для людей, живущих на поверхности Земли, и совершенно ошибочна. Свободный полет, свободное падение и движение по околоземной орбите – это равнозначные термины. Луна постоянно падает на Землю; Земля постоянно падает на Солнце, но результирующий вектор их суммарного движения направлен так, что не дает им приблизиться к своим хозяевам. Так что как бы то ни было, а это свободное падение. Спросите у любого астрофизика или специалиста по баллистике.

Там, где есть свободное падение, ощущение веса отсутствует. Чтобы человеческое тело ощутило вес, на пути действия поля тяготения должно находиться препятствие.

Кое-какие из приведенных рассуждений промелькнули в голове Стивенса, пока он, подтягиваясь на руках, пролагал путь в мастерскую Уолдо. Дом Уолдо был построен безо всякого учета соображений о «верхе» и «ниже». «Пола» в нем не было; мебель и аппаратура крепились к любой из стен. Палубы и платформы располагались под любым удобным углом, каких бы размеров и формы ни были, потому что не предназначались ни для хождения, ни для стояния. Точнее говоря, это были не палубы, а сферические рабочие поверхности. И вдобавок необязательно было крепить приборы к этим поверхностям; довольно часто, когда к аппаратуре требовался доступ со всех сторон, она висела в воздухе, закрепленная лишь легкими ремнями или штангами.

Вид у этой мебели и аппаратуры был непривычный, часто непривычным было и назначение. Большая часть предметов мебели на Земле угловата и по крайней мере на девяносто процентов предназначена только для одного – для того, чтобы тем или иным образом препятствовать действию ускорения земного притяжения. Большая часть мебели в домах на поверхности Земли – и под нею – это статические механизмы, противостоящие силе тяжести. Все столы, стулья, кровати, диваны, вешалки, полки, шкафы et cetera предназначены только для

этой цели. А у остальной мебели и аппаратуры эта цель непременно стоит на втором месте и в большой степени определяет конструкцию и массивность.

А в доме Уолдо никакой нужды не было в этой угловатой массивности, такой необходимой на Земле, и поэтому многие предметы вокруг обрели сказочное изящество. Всякие запасы, сами по себе массивные, оказалось удобно держать по отдельности в пластмассовых прозрачных чехлах толщиной с яичную скорлупку. Громоздкие аппараты, которые на Земле неизбежно пришлось бы ставить на фундаменты и снабжать кожухами, здесь витали в воздухе на легких эластичных растяжках или просвечивали сквозь пленку толщиной в стрекозиное крыло.

И повсюду были парные «уолдо», побольше, поменьше и в натуральную величину, с телевизионными объективами.

Было очевидно, что Уолдо может воспользоваться отсеками, через которые лежал их путь, не покидая своего креслица. Если вообще пользовался креслицем. Вездесущие «уолдо», хрупкость мебели и прихотливое использование всех стен в качестве рабочих или укладочных поверхностей придавали всему вокруг безумно фантастический вид. Стивенс чувствовал себя так, будто попал в Диснейленд.

Но жилых секций им по дороге пока что не попалось. Стивенс терялся в догадках, на что могут быть похожи личные апартаменты Уолдо, и силился представить себе, как и чем они обставлены. Стульев нет, ковров нет, кровати нет. А что есть? Может быть, картины? И как-то надо было схитрить насчет бокового освещения, чтобы не жмуриться, куда ни обрати взгляд. Аппаратура связи могла не отличаться от обычной. Но на что похож здесь умывальник? Как выглядит стакан, из которого пьют? Как бутылка с заглушкой? Или вообще нет нужды в сосудах? В голову не приходило никаких решений. Ясно было одно: даже опытный инженер стал бы в тупик перед лицом затруднений, диктуемых здешними условиями.

Как соорудить приличную пепельницу, когда нет силы тяжести, которая удержала бы на месте окурки и пепел? А курит ли Уолдо? Предположим, он любит разложить пасьянс; как он находит управу на карты? Может быть, пользуется магнитным столиком и намагниченными картами?

– Джим, вон туда.

Держась одной рукой за поручень, Граймс указал другой на входное отверстие одной из неопознаваемых поверхностей. Стивенс проскользнул в указанный люк. И не успел глянуть по сторонам, как пришел в изумление, заслыша злобное басовитое рычание. Вскинул взгляд – прямо по воздуху на него несся огромный мастиф, пасть разинута, клыки оскалены. Передние лапы раскинуты, как бы обеспечивая равновесие в полете, задние – поджаты под впалое брюхо. Судя по виду и голосу, псина явно собиралась растерзать чужака в клочья, а потом знатно пообедать.

– Бальдур!

Голос раздался откуда-то из-за собаки. Та убавила свирепости, но полета прервать не могла. И тут на добрый десяток метров вымахнул «уолдо» и ухватил пса за ошейник.

– Увы, сэр, – продолжил тот же голос. – Мой друг не ждал, что вы появитесь.

– Бальдур, как жизнь? Ну как ты себя ведешь! – укорил пса Граймс. Пес взглянул на него, заскулил, замахал хвостом. Стивенс осмотрелся, поискал, откуда исходит голос. И нашел.

Он оказался в огромном сферическом помещении; в самом центре этого помещения находился заплывший жиром человек. Уолдо.

Уолдо был одет без претензий: трусы, маечка... На руках у него были металлические перчатки до локтя – задающие «уолдо». Пухлое лицо, двойной подбородок, ямочки на щеках, гладкая кожа – он выглядел как исполинский ангелочек, витающий над каким-нибудь святым. Но взгляд у него был отнюдь не ангельский, лоб и череп – явно принадлежали взрослому мужчине. Уолдо глаз не сводил со Стивенса.

– Позвольте представить вас моему питомцу, – произнес Уолдо усталым фальцетом. – Бальдур, дай лапу.

Пес протянул переднюю лапу. Стивенс торжественно пожал ее.

– Позвольте ему обнюхать вас.

«Уолдо» на ошейнике дрогнул и дал собаке возможность приблизиться к Стивенсу. Удовлетворившись, животное одарило слюнявым поцелуем запястье Стивенса. Только тут Стивенс отметил, что шерсть у пса преимущественно белая, но с большими коричневыми пятнами вокруг глаз, и мысленно назвал пса «собакой с глазами, как чайные блюдца», вспомнив сказку про солдата и огниво. Он даже пробормотал что-то вроде «Хороший мальчик!» и «Славный песик!». Услышав это, Уолдо посмотрел на него с легким отвращением.

– Сэр, к ноге! – скомандовал Уолдо, когда церемония знакомства закончилась. Пес внезапно выставил лапу, уперся ею Стивенсу в бедро, перевернулся в воздухе, оттолкнулся и поплыл по направлению к хозяину. Чтобы удержаться на месте, Стивенсу пришлось судорожно схватиться за поручень. Граймс оттолкнулся от люка, а закончил полет возле бруса поблизости от хозяина дома. Стивенс направился следом.

Тем временем Уолдо не торопясь разглядывал Стивенса. Не сказать чтобы это была откровенная грубость, но было в этом взгляде что-то отчасти раздражающее. Стивенс почувствовал, что медленно наливается краской, начиная с затылка; чтобы оградить себя от этого, принялся с особым вниманием обзирать помещение. Оно было просторное, но производило впечатление загроможденного из-за скопления, скажем так, *хлама* поблизости от Уолдо. Вокруг него под разными углами, так чтобы экраны были против глаз, реяло с полдюжины телевизоров разного размера. Три из них имели объективы для двусторонней связи. Между телевизорами плавали различные панели управления, некоторые – очевидного назначения, как, например, очень сложная панель включения освещения с рубиновыми сигнальными огоньками на каждую цепь, панель голосового синтезатора, телевизионная мультиплексная панель управления, что-то напоминающее распределительную панель питания, правда, дизайн ее был очень необычен. Но было по крайней мере полдюжины панелей, которые полностью поставили Стивенса в тупик.

К стальному кольцу вокруг рабочего пространства было прикреплено несколько пар «уолдо». Две пары величиной с кулачки макаки были снабжены телескопическими удлинителями. Именно одним из этих «уолдо» воспользовался Уолдо, чтобы схватить собаку за ошейник. К сферическим стенам тоже были прикреплены «уолдо», включая одну пару такого исполинского размера, что не понять было, зачем такие нужны. Их пальцы были растопырены, и Стивенс на глаз прикинул, что от кончика мизинца до кончика большого пальца будет примерно метра полтора.

На стенах было изобилие книг, но книжных полок не наблюдалось. Книги, казалось, росли на стене, как капустные кочаны. Стивенс сперва пришел в изумление, а потом подумал – и правильно подумал, как выяснилось позже, – что этот фокус проделан благодаря магнетикам на корешках.

Автоматизированное освещение было устроено по-новому, очень сложно, но зато удобно для Уолдо. Однако вряд ли его можно было назвать удобным для посетителей. Разумеется, прямого света не было; источники света были со всей тщательностью направлены так, чтобы ни один не бил в глаза, куда бы Уолдо ни повернул голову. Но светильники, расположенные у него над головой, чтобы хорошо видеть все, на что вздумается бросить взгляд, буквально слепили любого, кто оказался бы лицом к Уолдо. Стоило Уолдо повернуть голову, одни светильники загорались, другие гасли – чтобы свет всегда шел сзади. Кажется, эта схема называется «электрический глаз». И Стивенс взялся прикидывать, как бы попроще осуществить такую схему.

А Граймс не стал церемониться:

– Уолдо, черт подери! Уйми эти свои лампочки. У нас вот-вот головы заболят.

– Прости, дядя Гэс.

Уолдо вынул из перчатки правую руку и коснулся пальцами панели управления. Блики пригасли. Свет теперь шел с той стороны, куда никто из них не смотрел, но стал ярче, потому что площадь светильников уменьшилась. Рябь огней на стенах складывалась в приятные узоры. Стивенс попытался проследить за волнами огней, но это оказалось непростой задачей – ведь они были настроены так, чтобы их *не было видно*. Удалось это только тогда, когда он перестал вертеть головой и стал двигать одними глазами. Ага, значит, переключениями света управляет движение головы; движения самого глаза слишком малы для этого.

– Ну что, мистер Стивенс, как вам мой дом? Интересно? – несколько свысока улыбнулся Уолдо.

– Очень! Очень-очень! Думаю, это самое замечательное место из всех, где мне пришлось бывать.

– И что же тут такого замечательного?

– Ну-у, полагаю, отсутствие определенной ориентации. А еще – замечательные механические новшества. Полагаю, я не слишком заземлен, но не проходит ожидание пола под ногами и потолка над головой.

– Мистер Стивенс, это просто результат функционального дизайна. Живу в особых условиях – вот и дом мне нужен особый. Новшества, о которых вы говорите, состоят главным образом в устранении ненужных деталей и добавлении новых удобств.

– Правду сказать, самое интересное, что я здесь вижу, это вовсе не дом.

– Неужели? А что, если не секрет?

– Это ваш пес Бальдур.

Заслышав свое имя, пес вскинулся и огляделся.

– Мне никогда еще не попадались собаки, способные сладить с невесомостью.

Уолдо улыбнулся, и впервые в его улыбке проглянуло что-то ласковое и теплое.

– Да, Бальдур настоящий акробат. Он попал сюда совсем щенком.

Он подался вперед и потрепал пса за уши, и внезапно стало видно, насколько он слаб, насколько его жест не соответствовал размерам псины. Движения пальцев оказались настолько вялы, что еле-еле взъерошили жесткую шерсть, едва сдвинули с места огромные уши. Но он, казалось, этого не замечал или не обращал на это внимания. Повернувшись к Стивенсу он произнес:

– Что Бальдур! Вам бы глянуть на Ариэля.

– Что за Ариэль?

Вместо ответа Уолдо коснулся панели синтезатора и раздался мелодичный свист на три тона. На стене у них «над» головами послышался шорох, и оттуда устремилась к ним желтая крошка – кенар. Кенар несся в воздухе, сложив крылья. Будто камушек. Лишь у самой груди Уолдо он распахнул крылышки, зачерпнул ими воздух, сделал несколько взмахов, распустил хвостик, прекратил полет, снова сложил крылышки и завис. Не совсем, однако, завис, а позволил движению воздуха медленно-медленно снести себя к самому плечу Уолдо, выпустил свои шасси и уцепился коготками за хозяйскую майку.

Уолдо переменял позу и погладил птичку кончиком пальца. Та прихорошилась.

– Ни одна птица, вылупившаяся на Земле, не способна научиться летать таким манером, – объявил Уолдо. – Я знаю. У меня их полдюжины передохло, прежде чем я убедился, что они совершенно не способны перестроиться. Слишком велики зрительные бугры в мозгу.

– И что с ними происходило?

– У человека это назвали бы острым тревожным психозом. Они пытались летать, и собственное замечательное искусство вело их здесь к полной катастрофе. Естественно, все, что они делали, здесь не годилось, а понять это они были не в силах. В конце концов птицы прекращали попытки летать и вскоре после этого умирали. От разбитого сердца, как сказал бы

поэт, – улыбнулся одними губами Уолдо. – Но Ариэль – гений среди птиц. Он вылупился из яйца уже здесь и безо всякой посторонней помощи изобрел совершенно новые способы полета.

Вытянув палец, Уолдо предложил пташке новый насестик, который та приняла.

– Ариэль, погостил и будет. Ступай домой.

В ответ кенар завел «арию с колокольчиками» из «Лакме».

Уолдо ласково встряхнул птичку:

– Нет, Ариэль. Тебе пора спать.

Кенар подобрал лапки, на секунду-другую завис над пальцем, сделал несколько сильных взмахов крыльями, чтобы выйти на курс и набрать скорость, и пулей устремился туда, откуда прилетел, сложив крылышки и поджав лапки.

– Джимми не просто так прилетел. Ему надо кое о чем поговорить с тобой, – вступил в разговор Граймс.

– Доставьте удовольствие, – неохотно ответил Уолдо. – Но может быть, сперва пообедаем? Аппетит не нагуляли, сэр?

Возможно, Уолдо сытого легче будет уговорить, чем Уолдо голодного, подумал Стивенс. Вдобавок его собственный средний отсек информировал, что неплохо бы одолеть килокалорию, а то и две.

– Еще как нагулял.

– Отлично.

Обед так обед.

Стивенс так и не сумел прийти к окончательному выводу, то ли сам Уолдо приготовил пищу с помощью своих бесчисленных тезок, то ли эту важную работу исполнила прислуга, избегавшая попадаться на глаза. При теперешних способах приготовления пищи Уолдо и сам мог бы справиться с этим делом; он, Стивенс, управлялся без труда, так же как и Гэс. Он просто взял себе на заметку при первой же возможности спросить у дока Граймса, держит ли Уолдо в доме прислугу, и если держит, то какую именно. Да потом оно как-то позабылось.

Обед прибыл в небольшом пищевом контейнере, воздвигшемся между ними на конце длинной раздвижной пневмоштанги. Пневмоштанга тихо вздохнула и замерла. На сами блюда Стивенс почти не обратил внимания – и так было понятно, что они сытны и вкусны, – все его внимание было приковано к утвари и способам сервировки. Уолдо пристроил свой бифштекс прямо перед собой в воздухе, отделял от него дольки кривыми хирургическими кусачками и отправлял в рот с помощью изящных щипчиков. Жевал он с большим трудом.

– Давно уже нельзя достать хорошие бифштексы, – заметил он. – До чего жесткое мясо! Бог свидетель, я на плату не скуплюсь. Но и на жалобы потом – тоже.

Стивенс не ответил. Бифштекс, доставшийся ему, был, по его мнению, уж слишком мягок, просто таял на зубах. Управлялся он с ним с помощью ножа и вилки – правда, нож был излишен. Было очевидно, что Уолдо не ожидает от гостей перенятия своих бесспорно лучших приемов и столовых принадлежностей. Стивенс ел с тарелки, зажатой между коленями, для чего по примеру Граймса пришлось прямо в воздухе сесть на корточки. Сама тарелка с рабочей стороны была продуманно снабжена маленькими шипами.

Напитки были сервированы в крохотных упругих пузырях, снабженных наконечниками. Ну как в рожках с сосками для младенцев.

Наконец пищевой контейнер со скорбным вздохом унес посуду и столовые приборы.

– Курите, сэр?

– Благодарю.

Тут-то и увидел Стивенс, как устроены пепельницы для невесомости. Они представляли собой патрубки с колоколообразными приемниками на конце. Достаточно было небольшого подсоса, чтобы пепел, стряхиваемый о край колокола, исчезал в мгновение ока безо всяких затрат внимания.

– А теперь к делу, – снова вступил в разговор Граймс. – Видишь ли, Джимми работает одним из главных инженеров в «Норт-Америкэн пауэр-эйр».

– *Что?*

Уолдо выпрямился и замер, грудь его вздымалась и опускалась. Он обратился к Граймсу так, словно никакого Стивенса рядом в помине не было:

– Дядя Гэс, неужели вы хотите сказать, что привели служащего из *этой* компании в мой... дом?

– А ты не кипятись. Расслабься. Черт подери, сколько тебе говорено: не напрягайся, не давай ничему взвинтить свое кровяное давление.

Граймс подгрел поближе к хозяину дома, на допотопный лекарский манер схватил за запястье и стал считать пульс.

– Та-а-ак. Дыши медленнее. Ты что задумал? Одуреть от избытка кислорода?

Уолдо силился освободиться. Прежалостное зрелище: старик был в десять раз сильнее, чем он.

– Дядя Гэс, вы...

– Заткнись!

На несколько минут воцарилась тишина, неприятная по крайней мере для двоих из трех присутствующих. Граймс не обращал на это никакого внимания.

– Вот так-то, – сказал он наконец. – Теперь получше. Послушай, что я тебе скажу, и не выпрыгивай из штанов. Джимми – хороший парень и в жизни не сделал тебе ничего худого. И вел себя здесь пристойнейшим образом. У тебя нет права хамить ему, на кого бы он ни работал. По-хорошему ты обязан перед ним извиниться.

– Да будет вам, док, – запротестовал Стивенс. – Боюсь, что я проник сюда под фальшивым флагом, мистер Джонс. Весьма сожалею. Это не входило в мои намерения. Я с самого начала пытался объяснить, но...

Лицо Уолдо оставалось непроницаемым. Видимо, он очень старался совладать с собой.

– Ничего, мистер Стивенс. Сожалею, что вспылил. Согласен, мне не следовало переносить на вас дурные чувства, которые испытываю к вашим нанимателям... Однако, Бог свидетель, никакой любви я к ним не питаю.

– Знаю. Тем не менее мне жаль это слышать.

– Меня обжулили, вам понятно? *Обжулили!* Посредством такого омерзительного лжезаконного мошенничества, какого свет не...

– Уолдо! Не увлекайся!

– Прости, дядя Гэс. – И Уолдо продолжил, стараясь не повышать голоса: – Вам известно о так называемых патентах Хатауэя?

– Безусловно.

– «Так называемые» – это мягко сказано. Этот человек был у меня просто слесарем. Эти патенты принадлежат мне.

По мере того как Уолдо продолжал рассказ, делалось ясно, что его версия имеет под собой основания – и Стивенс это почувствовал, – но в то же время пристрастна и неубедительна. Возможно, Хатауэй и впрямь работал в доме по найму обычным слесарем, как утверждал Уолдо, но тому не было никаких доказательств. Ни контракта, ни каких-либо записей. И оформил на свое имя несколько патентов – единственные, которые оформил, и по своему полету очень напоминавшие затеи Уолдо. А потом скоростижно скончался. Его наследники, действуя через адвокатов, продали эти патенты фирме, с которой Хатауэй вел переговоры.

Уолдо утверждал, что эта фирма подслала Хатауэя с целью кражи и надумила наняться на работу именно ради этого. Однако она благополучно скончалась, а все ее активы перекупила НАПЭ. «Норт-Америкэн пауэр-эйр» предложила Уолдо любовное соглашение. Уолдо предпочел обратиться в суд. И проиграл дело.

Даже если Уолдо прав, Стивенс не видел, как дирекция НАПЭ могла бы на законных основаниях удовлетворить его претензии. Служащим корпорации доверены деньги других людей; если бы директора НАПЭ совершили попытку уступить имущество, по всем правилам оформленное за корпорацией, любой акционер мог бы запретить им сделать это до или взыскать компенсацию лично с них после осуществления такого замысла.

По крайней мере, так это видел Стивенс. Но ведь он, Стивенс, не юрист. Его, Стивенса, это дело касается лишь в одной точке: на фирму, в которой он, Стивенс, состоит, Уолдо здорово зол, а без услуг Уолдо ему, Стивенсу, не обойтись.

Приходилось признать: слабо похоже на то, что присутствие доктора Граймса поможет изменить этот роковой расклад.

– Но это случилось еще до меня, – забормотал он. – Так что я, естественно, почти не в курсе. Ужасно сожалею по поводу всей этой истории. А бьет она сейчас по мне, потому что в настоящий момент я угодил в крупные неприятности и позарез нуждаюсь в вашей помощи.

Особого недовольства при этих словах Уолдо не выказал.

– Вот как? А о чем, собственно, речь?

В ответ Стивенс в нескольких чертах обрисовал затруднения, в которые попал с приемниками де-Кальба. Уолдо слушал внимательно. Но когда Стивенс закончил, он отозвался:

– Ага, это примерно то же, что рассказал мне ваш мистер Глисон. Разумеется, вы, будучи поближе к технике, рисуете более связную картину, чем этот распорядитель чужими деньгами. Но с какой стати вы явились с этим ко мне? Я не специалист по микроволновой технике, и у меня нет степеней в престижных институтах.

– Я пришел к вам по той же причине, по которой приходит к вам любой, кто действительно столкнулся с технической проблемой, – искренне сказал Стивенс. – Насколько я знаю, вами поставлен рекорд по решению любых задач, за которые вы брались. Этот рекорд пока никем не побит, и он напоминает мне еще об одном человеке...

– О ком? – внезапно насторожился Уолдо.

– Об Эдисоне. Он точно так же не тревожился о степенях, но зато решал все трудные задачи своих дней.

– Ах об Эдисоне... Я думал, речь о ком-то из наших современников. Несомненно, для своего времени Эдисон был достаточно хорош, – великодушно признал Уолдо.

– Я не вел точных подсчетов, кто из вас больше преуспел. Я просто припомнил, что Эдисон пользовался славой человека, который предпочитает браться за более трудные задачи. То же довелось слышать и про вас. Надеюсь, моя проблема достаточно трудна, чтобы заинтересовать вас.

– В ней что-то есть, – согласился Уолдо. – Чутьочку не по моей части, но что-то есть. Однако должен сказать, я с удивлением слышу столь высокий отзыв о моих талантах со стороны служащего «Норт-Америкэн пауэр-эйр». Если этот отзыв искренен, думается, без особого труда удалось бы убедить вашу фирму в том, что это я, вне всякого сомнения, являюсь автором так называемых патентов Хатауэя.

«Невозможный мужик, – подумал Стивенс. – Мертвая хватка».

А вслух сказал:

– Вся беда была, наверное, в том, что этим делом занимались администраторы и юристы. Их вряд ли хватило бы на то, чтобы отличить в конструкторской работе дар божий от яичницы.

Такой ответ, видимо, умилировал Уолдо.

– А что об этой проблеме говорят у вас в отделе исследований? – спросил он.

Стивенс поморщился:

– Да толком ничего. Похоже, доктор Рэмбо просто не верит сводкам, которые я ему подаю. Говорит, что такого быть не может, но при этом настроение у него падает все больше. Я думаю, что он уже несколько недель держится исключительно на аспиристине и снотворном.

– Рэмбо, – протянул Уолдо. – Я помню его. Посредственный ум. Интуиции ни на грош, держится на хорошей памяти. Не думаю, что меня отпугнула бы неспособность Рэмбо справиться с задачей.

– Так вы считаете, что есть надежда решить ее?

– Притом без особых трудов. После звонка мистера Глисона я уже обдумывал этот вопрос. Вы существенно дополнили информацию, и, на мой взгляд, просматриваются по крайней мере два плодотворных направления, в которых стоит поработать. Из любой ситуации всегда есть какой-то выход в *правильном* направлении.

– Значит, вы примете мое предложение? – спросил Стивенс, облегченно вздыхая.

– Кто вам сказал? – изумился Уолдо. – Мой дорогой сэр, о чем вы говорите? Это был просто милый послеобеденный разговор в приятном обществе. Вашей компании я не помогу ни за что на свете. Я надеюсь увидеть, как она развалится, обанкротится и исчезнет. А то, о чем мы говорили, вполне может стать поводом для этого.

Стивенс с трудом совладал с собой. Его обвели вокруг пальца. Этот жирный ханыга попросту забавлялся, водя его за нос. Порядочности в нем ни на грош. Тщательно подбирая слова, Стивенс продолжил речь:

– Мистер Джонс, я не прошу у вас пощады для «Норт-Америкэн», я взываю к вашему чувству долга. Задеты интересы общества. От услуг, которые мы оказываем, зависит жизнь миллионов людей. Ни ваши, ни мои проблемы тут не имеют значения, эти услуги *должны* быть предоставлены.

Уолдо скривил губы.

– Нет, – сказал он, – на мне это, думаю, не сработает. Боюсь, что благополучие полчищ неведомых мне землероек – не моя забота. Я и так сделал для них больше, чем следовало бы. Они вряд ли заслуживают помощи. Дайте им волю, и большинство ринется обратно в пещеры и схватится за каменные топоры. Мистер Стивенс, случалось ли вам видеть, как ряженная во фрак дрессированная обезьяна откальвывает цирковые номера на роликовых коньках? Так вот, мне хотелось бы, чтобы вы навсегда запомнили: у меня не мастерская, где клепают ролики для обезьян.

«Если пробуду здесь еще хоть минуту, – сам себя молча вразумил Стивенс, – я чертовски о том пожалею». А вслух произнес:

– Как я понял, это ваше последнее слово?

– Можете считать, что да. Всего наилучшего, сэр. Ваш визит меня очень порадовал. Благодарю вас.

– Прощайте. Спасибо за угощение.

– Не стоит благодарности.

Стивенс крутнулся в воздухе, чтобы направиться к выходу, но тут его окликнул Граймс:

– Джимми, подожди меня в приемной.

Как только Стивенс оказался вне пределов слышимости, Граймс повернулся к Уолдо и смерил его взглядом с головы до ног. И произнес, подчеркивая каждое слово:

– Уолдо, я всегда знал, что ты один из самых больших поганцев на всем белом свете, но...

– Дядя Гэс, ваши комплименты меня мало тревожат.

– Заткнись и слушай. Я имел в виду, что ты не только самый отвратный эгоист, каких знаю, но еще и самый настоящий мошенник.

– Что вы имеете в виду? Объясните.

– Чушь! В проблеме, перед которой оказался этот парень, ты смыслишь не больше, чем я. Но ты воспользовался своей репутацией чудотворца, чтобы довести его до ручки. Ты же дешевка, шут гороховый и трепло, если...

– *Прекратите!*

– А ты валяй, – невозмутимо отозвался Граймс. – Накачивай себе кровяное давление. Я мешать не стану. Чем быстрее у тебя лопнут прокладки, тем лучше.

Уолдо взял себя в руки:

– Дядя Гэс, но с чего вы решили, что я блефую?

– С того, что знаю тебя как облупленного. Будь у тебя возможность поставить добрый товар, ты мигом пересмотрел бы положение и прикинул, как сделать НАПЭ окорот на том, что имеешь кое-что, в чем они так позарез нуждаются. Уж тут-то ты взял бы реванш, всему свету показал бы.

Уолдо покачал головой:

– Дядя Гэс, вы недооцениваете, насколько меня задела та история.

– Еще как дооцениваю! И я еще не закончил. Касательно твоей ответственности за всю нашу породу, о чем ты так мило ему натрепал. У тебя же есть голова на плечах. Ведь ты же не хуже меня знаешь, что из всех людей первым пострадаешь, случись на Земле какой-нибудь затор. И если не стремишься его предупредить, значит просто не знаешь, как это сделать.

– А уж это-то с какой стати? Вот уж что меня не волнует. Я независим от подобных вещей. И вы об этом прекрасно знаете.

– Ах независим? А кто сварил сталь для этих стен? Кто вырастил бычка, которым ты нынче пообедал? Ты так же независим, как пчелиная матка, и почти так же беспомощен.

Уолдо ошеломленно захлопал глазами. А придя в себя, ответил:

– Ну нет, дядя Гэс! Я действительно независим. У меня здесь всего запасено на несколько лет.

– На *сколько* именно?

– Ну-у-у... лет на пять.

– А что потом? Ты мог бы прожить еще полсотни, если со снабжением все будет в порядке. Как предпочитаешь подохнуть – от голода или от жажды?

– Вода не проблема, – призадумался Уолдо. – А что касается запасов, наверное, можно было бы чуть серьезнее заняться гидропоникой и разведением какого-нибудь скота на мясо...

Граймс тут же прервал его неприятным смешком:

– Тем более, значит, я прав. Ты действительно *не знаешь*, как управиться с бедами Джимми, раз так с ходу начинаешь соображать, как спасти свою шкуру. Знаю я тебя. Скумекай ты и вправду хоть что-то на этот счет, ты не рассуждал бы про садик на подоконничке.

Уолдо ответил задумчивым взглядом:

– Это не совсем так. Как решить проблему, я не знаю, но кое-какие мысли по этому поводу имеются. Спорим на половину моих смертных грехов, что я в силах разгрызть этот орешек. После ваших слов, надо признаться, отдаю себе отчет, насколько тесно связан с земной экономикой, и, – он слабо улыбнулся, – я не из тех, кто пренебрегает своими интересами. Секунду! Я сейчас кликну вашего дружка.

– Не спеши. Я прилетел не только ради того, чтобы познакомить тебя с Джимми. Решение должно быть не абы какое, а особенное.

– Что вы имеете в виду?

– Это должно быть такое решение, чтобы пропала нужда насыщать воздух энергией излучения.

– Ах *это*. Дядя Гэс, я знаю, как вы увлечены своими теориями, и никогда не оспаривал вашей возможной правоты, но и вы не вправе ожидать от меня, чтобы я свалил в одну кучу две такие разные и сложные проблемы.

– Глянь с другой стороны. В этом ты тоже заинтересован. Подумай, что будет, если все окажутся такими, как ты.

– Вы имеете в виду мое *физическое состояние*?

– Вот именно. Знаю, что тебе неприятно говорить на эту тему, но жареный петух вот-вот клонет. Если все будут такие, как ты, слабаки, то кофеек с пирожными для Уолдо – фьюить! А этот исход день ото дня все ближе. Ты единственный из всех, кого я знаю, кто способен оценить последствия.

– Такое трудно себе вообразить.

– Трудно. Но стоит только захотеть, и любой толковый мужик различит, как нарастают симптомы. Это эпидемическая миастения, не обязательно острая, но уже достаточная, чтобы превратить в ад нашу механизированную цивилизацию. Достаточная, чтобы сыграть дурную шутку с твоими линиями снабжения. После нашей прошлой встречи я собрал кое-какие данные и начертил пару графиков. Видел бы ты их.

– Они у вас с собой?

– Нет, но я тебе пришлю. А пока что положишься на мои слова.

Граймс умолк, выждал, а потом спросил:

– А теперь что скажешь?

– Приму за предварительную рабочую гипотезу, – процедил Уолдо. – Пока не взгляну на вашу цифирь своими глазами. Вероятно, придется попросить вас кое в чем разобраться на Земле. Если ваши данные и впрямь соответствуют вашим словам.

– Впрямь. Бывай.

И Граймс засучил ногами в воздухе, поскольку, забывшись, вздумал было встать и выйти вон пешим ходом.

* * *

Что думал Стивенс, пока дожидался Граймса, лучше не описывать. Самой кроткой мыслью была плаксивая: о том, что приходится терпеть, когда решаешь заняться якобы простенькой инженерной работой. Ну что ж, недолго осталось ею заниматься. Но сам в отставку подавать он не намерен. Пускай выгоняют, а сам он не сбежит.

Но перед этим, черт побери, он съездит-таки в отпуск, а уж потом займется поисками другой работы.

Несколько минут ушло на пожелания, чтобы Уолдо был здоров и силен настолько, чтобы он, Стивенс, мог съездить ему по роже. Или нет – лучше бы дать ему в жирное брюхо. Оно бы веселее.

Он опешил, когда кукла внезапно ожила и окликнула его:

– Мистер Стивенс.

– А? Да.

– Я решил принять ваше поручение. Мои юрисконсульты уладят детали с вашей контрой.

Стивенс настолько опешил, что промедлил с ответом несколько секунд, а тем временем кукла успела в очередной раз издохнуть. Что говорить, появления Граймса Стивенс теперь ожидал с нетерпением.

– Док! – воскликнул он, едва замаячила подплывающая фигура старика. – С чего это он? Как вы этого добились?

– Никак. Он сам подумал и передумал, – сухо ответил Граймс. – Поехали отсюда.

Доставив доктора Огастеса Граймса на порог его дома, Стивенс направился к себе в отдел. И только поставил «помело» на стоянку и вошел в туннель, ведущий к местной энергоцентрали, как буквально налетел на своего заместителя. Маклеод хватал воздух ртом, как рыба на песке.

– Шеф! Вы! Я так и подумал! Я тут вас жду! Вы мне нужны!

– А теперь что погорело? – подозрительно спросил Стивенс. – Город какой-нибудь?

– Нет! Почему вы так решили?

– Не важно. Говори, что у тебя?

– Насколько я знаю, городская подача течет, как светлый ручеек. Никаких сюрпризов. А я вам вот что хотел сказать: *я свой драндулет отремонтировал.*

– Что-о-о? Ты хочешь сказать, что отремонтировал машину, в которой попал в аварию?

– Ну не совсем в аварию. В резервной батарее было достаточно энергии. Когда отказал прием, я просто включил аварийное питание и сел чин-чинарем.

– И отремонтировал? В чем было дело? В декальбах или в чем-нибудь другом?

– В декальбах, в декальбах. Но теперь они в ажуре. Но я не сам ремонтировал. Мне помогли. Понимаете ли...

– Так что же с ними стряслось?

– Толком не знаю. Понимаете, я решил, что не стоит брать авиатакси, чтобы не рисковать еще раз хлопнуться на обратном пути. И, кроме того, я же на своей таратайке летел, и мне не улыбалось распатронить ее, только чтобы вытащить декальбы. Так что я нанял тягача. Мысль была какая? Приволочь ее сюда целиком. Договорился с парнем, у которого был двенадцатитонный гусеничный трактор с платформой, и мы...

– Не зли, а то и убить могу! Говори, что случилось!

– Так я как раз о том. Доволоклись до Пенсильвании, и тут буксировщик киксанул. Правая ведущая звездочка накрылась. Красота! Джим, верьте слову, эти дороги – сплошной кошмар!

– Забудь. Кто будет тратить налоги на дорожные работы, когда девяносто процентов перевозок идет по воздуху? Ну полетела у вас звездочка. И что потом?

– Все равно не дороги, а жуть, – гнул свое Маклеод. – Я как раз рос в тех краях. Когда я был пацан, там шла шестиполоска, гладкая, как детская попка. И содержать их в порядке не мешало бы. Они могут когда-нибудь пригодиться.

Заметив взгляд шефа, он поспешно продолжил:

– Водила сконтачился со своей конторой, там обещали прислать аварийку из ближайшего городка. Чую, все ясно: три или четыре часа куковать, а то и больше. А мы как раз в местах, где я рос. Ну и говорю себе: «Мак, у тебя чудный случай повидать родное захолустье и каморку, куда по утрам заглядывало солнышко». Ну, это фигурально выражаясь. Если взаправду, то в нашем доме никаких окон не было.

– Родись ты хоть в бочке, мне-то что за дело?!

– Начальник, без нервов, – невозмутимо сказал Маклеод. – Я веду к тому, чтобы вы поняли как да что. Но не рассчитывайте, что это вам понравится.

– Уже не нравится.

– Это все цветочки. Вылезаю я из кабины и смотрю по сторонам. До моего родного городка – миль пять, так что пешком брести неохота. Гляжу, а примерно в четверти мили от дороги у пригорка деревья такие пышные, и кажется мне, что место-то знакомое. Ну и решил посмотреть поближе. Вижу, все верно: за тем пригорком должна быть хибара, где жил-поживал Грэмпис Шнайдер.

– Грэмпис Снайдер?

– Не Снайдер, а Шнайдер. Дед, с которым наша пацанва дружила. На девяносто лет старше любого в округе. Я думал, он помер, однако сходить да глянуть – это не в тягость. А оказалось – нет. «Привет, Грэмпис», – говорю. «Заходи, Хью Дональд, – отвечает. – Только ноги вытри о коврик». Захожу, присаживаюсь. А он хлопчет, что-то кипятит в кастрюльке на плите. «От утренней хворобы», – говорит. А он, вообще-то, не знахарь.

– То есть?

– Я имею в виду, этим не кормится. Курей разводит, огород держит, и сектанты, большей частью амиши, кое-чем делятся, приносят ему пироги и всякое такое. Но в травах и про-

чем он разбирается. Кончил кипятить – отрезал мне ломоть сладкой коврижки. Я ему говорю: «Danke»⁶, – а он толкует: «Хью Дональд, да ты подрос», и интересуется, как у меня дела в школе. Отвечаю, мол, наилучшим образом. А он зырк на меня опять и говорит: «А однако что-то тебя донимает». Не спрашивает, а отмечает факт. Жую, значит, коврижку, а сам, не знаю с чего, пытаюсь растолковать ему свои проблемы.

Это было непросто. Грэмпис всю жизнь поближе к земле держался. А нынешнюю теорию излучения в двух словах не объяснишь. Путался я, путался, и тут он встает, надевает шляпу и говорит: «Пошли-ка глянем на твою машину». Ну, бредем к шоссе. Вижу, ремонтники прибыли, но тягач еще не на ходу. Помог Грэмпису залезть на платформу, забираемся в мой рыдван. Показываю ему декальбы, силюсь объяснить, что они делают. Вернее, что должны делать. Так, абы время прошло. А он тычет в пучок антенн и спрашивает: «Вот эти пальцы, что ли, энергию ловят?» Объяснение ничем не хуже прочих, так что я поддакнул. «Понял», – говорит, лезет в карман брюк, достает кусок мела и давай линии метить на каждой антенне спереди назад. Я сунулся глянуть, чем там ремонтники занимаются. Минуты не прошло, подходит ко мне Грэмпис. «Хью Дональд, – говорит, – эти пальцы, они теперь будут действовать».

Мне смешно стало, но, думаю, зачем старика обижать – поблагодарил его горячо. А тут и тягач наладили. Так что распрощались мы с ним, побрел он назад к себе в развалюху, а я в машину на всякий случай заглянул. Не было мысли, что он что-нибудь напортил, а просто для верности. И чисто ради смеха попробовал включить приемники – они работали!

– То есть как это? – оторопел Стивенс. – Ты хочешь навесить мне, что какой-то старый колдун отремонтировал тебе декальбы?

– Не колдун, а *знахарь*. Но в целом – так и есть.

Стивенс тряхнул головой:

– Просто совпадение. Иногда они сами собой восстанавливаются так же ни с того ни с сего, как выходят из строя.

– Это по-вашему. Не тот случай. Я все это вам рассказал, только чтобы вас удар не хватил, когда вы их увидите. А теперь пойдете посмотрим.

– На что? Куда?

– Во внутренний гараж.

Пока шли в гараж, где Маклеод оставил свое «помело», тот продолжал частить:

– Я выписал чек водителю эвакуатора и полетел обратно. И никому об этом ни-ни. Ногти сгрыз до локтей, все вас дождался.

Машина выглядела вполне обычно. Стивенс осмотрел декальбы и увидел на металлических боках антенн едва заметные следы мела. Больше ничего необычного.

– Погодите. Сейчас врублю прием мощи, – сказал Маклеод.

Стивенс подождал, пока послышалось слабое жужжание работающих контуров, и глянул.

Антенны декальбов, жесткие металлические трубки, шевелились, выгибались, извивались, как черви. Они тянулись куда-то, словно пальцы.

Сидя на корточках, Стивенс глаз не мог отвести от этого устрашающего зрелища. Маклеод слез с водительского седла и присел рядом.

– Вот так, шеф, – сказал он. – А теперь что будем делать?

– Сигарета найдется?

– А что у вас из кармана торчит?

– Ой! Да, действительно.

Стивенс вынул из пачки сигарету, зажег и – такого за ним не водилось – в две затяжки вытянул наполовину.

⁶ Danke – спасибо (нем.) – Примеч. С. В. Голд.

– Что молчите? – не отступался Маклеод. – Скажите свое слово. С какого рая они так себя ведут?

– Что ж, – медленно произнес Стивенс. – Я лично вижу три вещи, которые нам придется сделать...

– Я весь внимание.

– Первая: уволить, ко всем чертям, доктора Рэмбо и взять на его место Грэмпа Шнайдера.

– Это в любом случае хорошая идея.

– Вторая: тихо сидеть здесь, пока не явятся ребята со смирительными рубашками и не увезут нас с собой.

– А третья?

– А третья, – свирепо сказал Стивенс, – третья – это выволочь отсюда этот чертов гроб с музыкой, утопить в самом глубоком месте Атлантики и сделать вид, что ничего такого не было.

Дверца распахнулась, и в машину просунул голову какой-то механик:

– Доктор Стивенс! Вы здесь?

– Убирайся вон!

Голова тут же исчезла, но послышался обиженный голос:

– Вам сообщение из главного управления.

Стивенс встал, устроился на сиденье водителя, выключил панель управления и убедился, что антенны прекратили возбужденное шевеление. Теперь они выглядели такими ровными и жесткими, что он с трудом преодолел соблазн усомниться в верности собственного зрения. Стивенс спрыгнул на пол, Маклеод последовал за ним.

– Извините, что наорал на вас, Уайти, – сказал Стивенс примирительным тоном. – Что за сообщение?

– Мистер Глисон просит явиться к нему как можно быстрее.

– Иду. А для вас, Уайти, есть срочное задание.

– Да?

– Видите этот гроб с музыкой? Опечатайте дверцы, и чтоб никакая макака в нее носа не сунула. А потом отбуксируйте, отбуксируйте – вы поняли, что я сказал? – включать не пробуйте, а отбуксируйте в главную лабораторию.

– Ладно.

Стивенс зашагал прочь. Маклеод окликнул его:

– Шеф! А на чем я полечу домой?

– Ах да! Это же твоя личная собственность! Мак, она позарез нужна компании. Оформите заявку на покупку – я подпишу.

– Ну-у-у... Теперь я не уверен, что горю жаждой продать ее. Может, это и гроб с музыкой, но не исключено, что вскоре это будет единственная надежно работающая машина во всей стране.

– Не дури. Если прочие откажут, от нее не будет толку, пусть она и на ходу. Подачу энергии просто отключат.

– Предположим, – согласился Маклеод и вдруг как-то странно ожил. – Однако такая особо одаренная таратаечка должна бы стоять куда подороже серийной. Такую не пойдете и не купите.

– Мак, в сердце твоём алчность, а в пальцах воровство. Сколько ты хочешь?

– Предположим, двойную цену против серийной новенькой. Вам это без проблем.

– Случайно знаю, что ты купил ее со скидкой. Однако лады. Либо компания сдюжит это дело, либо вообще разорится, а тогда ей будет без разницы.

* * *

Глисон вскинул взгляд на вошедшего Стивенса:

– А, Джим, вот и вы! Похоже, вы сотворили чудо с нашим другом Уолдо Великим. Великолепная работа!

– И много он с нас сдерет?

– Обычный контракт. Разумеется, его обычный контракт больше напоминает разбой с нанесением тяжких телесных повреждений. Но если ему удастся, расходы оправдаются. При чем платим мы только в случае положительного результата. Так что, должно быть, он здорово уверен в себе. Говорят, он в жизни не промазал насчет гонорара по контрактам такого типа. Расскажите хоть, как он выглядит. Вы действительно проникли к нему домой?

– Действительно. И расскажу об этом, но попозже. Прямо сейчас поднялся другой вопрос, от которого у меня башню срывает. Вам следует об этом знать, и это срочно.

– Даже так? Слушаю.

Стивенс открыл рот, закрыл рот и сообразил, что ни одна душа в это не поверит, пока сама не увидит.

– А может, есть возможность сходить со мной в главную лабораторию? У меня там есть что показать.

– Непременно.

Зрелище извивающихся металлических стержней потрясло Глисона гораздо меньше, чем Стивенса. Он удивился, но не опешил. Ему не хватало инженерной подготовки, чтобы полностью осознать и эмоционально пережить неизбежные последствия увиденного.

– Н-да-а-а... это довольно необычно, – протянул он.

– «Необычно»? Слушайте, шеф, что бы вы подумали, увидя, как солнце восходит на западе?

– Подумал бы, что надо позвонить в обсерваторию и справиться, в чем дело.

– Ну а я бы скорее примирился с восходом солнца на западе, чем с этим зрелищем. Это все, что могу сказать.

– Признаюсь, как-то это все непонятно, – согласился Глисон. – Ничего подобного я в жизни не видел, откровенно говоря. А что по этому поводу говорит доктор Рэмбо?

– Он еще не видел.

– Тогда, наверное, лучше бы послать за ним. Может быть, он еще не отбыл домой.

– Может, лучше показать это Уолдо?

– Обязательно. Однако доктору Рэмбо полагается увидеть это раньше, чем Уолдо. Как ни говорите, а это его епархия, и, боюсь, ему и так-то несладко. Не хотелось бы действовать через его голову.

Стивенса внезапно осенило:

– Минутку, шеф. Вы правы, но, если вам без разницы, лучше бы показали ему это вы, а не я.

– С какой стати, Джимми? Вы же ему дадите пояснения.

– По поводу этой чертовщины я все равно не скажу больше, чем уже сказал вам. И на ближайшие часы буду чрезвычайно занят.

Глисон глянул на Стивенса, пожал плечами и кротко произнес:

– Раз, по-вашему, так будет лучше, Джим, я не возражаю.

* * *

Уолдо целиком ушел в работу и поэтому чувствовал себя счастливым. Он никогда бы не признался – даже самому себе не признался бы, – что его отдалению от мира по собственной воле присущи некоторые недостатки, причем прежде всего скука. У него никогда не было возможностей вволю предаваться удовольствиям светского общения, за которыми незаметно бежит время; он искренне был убежден, что безволосым обезьянам нечего предложить ему во взаимном сближении. А удовольствия, доступные одинокому интеллектуалу, обладают свойством приедаться.

Да, он то и дело подступал к дяде Гэсу с предложением переселиться во «Фригольд» на постоянное жительство, но говорил себе, что руководит им желание позаботиться о старике. Да, споры с Граймсом доставляли удовольствие, но он не сознавал, как много они значат в его жизни. Истина заключалась в том, что Граймс был единственным представителем человеческой породы, безоговорочно относившимся к нему как к равному, как просто к такому же человеку. И Уолдо наслаждался этим общением, совершенно не отдавая себе отчета в том, что удовольствие, которое черпает в обществе старика, – это самое обычное, но и самое драгоценное из человеческих удовольствий.

Однако сейчас он был счастлив единственным доступным ему счастьем – он работал.

Перед ним были две задачи: поставленная Стивенсом и поставленная Граймсом. Требовалось найти единое решение для обеих. Подход к каждой был трехэтапным. Во-первых, необходимо было убедиться, что они действительно существуют, что положение и впрямь таково, как об этом заявлено на словах. Во-вторых, предстояли исследования в направлениях, указываемых предварительными данными, с целью прояснения картины. И в-третьих, когда картина полностью прояснится, надо было изобрести решение.

Именно «изобрести», а не «найти». Это доктор Рэмбо мог бы сказать «найти» или «вывести». Рэмбо рассматривал Вселенную как жестко упорядоченную и подчиненную неизменным законам. Для Уолдо Вселенная была противником, которому он всячески стремился навязать свою волю. Он и Рэмбо могли говорить об одном и том же, но с разных исходных позиций.

Дел было невпроворот. Стивенс доставил множество сведений, причем одни из них касались основ теории систем передачи энергии излучением и приемников де-Кальба, ключевых аппаратов этой системы, а другие – всевозможных аварийных ситуаций, вызванных отказами этих аппаратов в последнее время. До настоящего времени Уолдо не уделял серьезного внимания лучевой передаче энергии просто потому, что не нуждался в этом. Он находил ее интересной, но сравнительно простой. В голову сразу же пришли самоочевидные усовершенствования. Ну, например, касательно стоячей волны, той основы, на которой строится коаксиальный луч: эффективность приема можно было бы значительно повысить путем посылки обратного сигнала, с помощью которого автоматически корректировалась бы наводка луча. Передавать энергию на движущееся транспортное средство можно было не менее эффективно, чем на стационарный приемник.

В настоящий момент эта идея могла подождать. Попозже, когда будет решена непосредственно поставленная задача, можно будет содрать с НАПЭ бешеные деньги за эту подсказку; а наверное, еще забавнее будет вступить с ней в конкуренцию. Есть, конечно, вопрос: когда кончается срок действия их основных патентов? Надо будет глянуть.

Но несмотря на низкую эффективность, приемники де-Кальба должны работать всякий раз непрерывно и безотказно. И Уолдо ринулся выяснять, почему же это не так.

Он подозревал что-то очевидное – очевидное с *его* точки зрения, – например, производственный дефект. Но вышедшие из строя декальбы, доставленные Стивенсом, отказались выдать свою тайну. Уолдо просветил их рентгеновскими лучами, измерил микрометром и

интерферометром, подверг сперва всем обычным испытаниям, а потом особым, которые придумал сам. Декальбы не работали.

Тогда он взял пару отказавших декальбов одинаковой конструкции и, пользуясь одним как моделью, а другим как источником металлического сырья, сам у себя в мастерской соорудил декальб. Пришлось применить свои точнейшие сканеры и самые крохотные «уолдо» – крохотные, как ладошки эльфа, всего в дюйм размером, – в особенности на стадии окончательной сборки. Получился декальб почти идентичный модели, идентичный настолько, насколько это было достижимо технологически при высшей квалификации исполнителя.

Декальб работал великолепно.

А его старший близнец по-прежнему отказывался работать. Это ничуть не обескуражило Уолдо. Наоборот, привело в восторг. Ведь удалось доказать, причем со всей определенностью доказать, что отказ декальба вызван не огрехами при изготовлении, а фундаментальными проблемами в теории. Следовательно, поставленная перед ним задача не высосана из пальца.

Стивенс сообщил во всех подробностях о возмутительном поведении декальбов в машине Маклеода, но Уолдо пока что не принял во внимание этот случай. В свое время, когда заведенным порядком дойдет черед, он разберется и с этой историей. А пока что он отложил ее в стол. Безволосые обезьяны склонны впадать в истерику. Вероятно, вся эта байка яйца выеденного не стоит. Извиваются, видите ли, будто кудри Медузы. Тоже мне!

Половина времени уходила на задачу, поставленную Граймсом.

Пришлось признать, что биологические науки – если, конечно, можно назвать их науками! – гораздо увлекательнее, чем думалось. А ведь он их, прямо скажем, избегал; неспособность дорогих «специалистов» хоть как-то справиться с его болезнью в детские годы внушила ему презрительное отношение к этим дисциплинам. Ворожба деревенских бабок, прикрытая непонятной терминологией! Граймса он любил и даже уважал, но Граймс – это был особый случай.

Материалы Граймса убедили Уолдо, что старик кое-что углядел. Проблема была серьезной. Выкладки были неполны, но тем не менее убедительны. Кривая третьей производной, не сказать чтобы экстраполированная с потолка, показывала, что примерно лет через двадцать не останется людей достаточно сильных, чтобы заниматься тяжелыми работами. Люди сгодятся только на то, чтобы нажимать кнопки.

Притом он как-то не учел, что сам годится лишь на то, чтобы нажимать кнопки; к телесной слабости безволосых обезьян он отнесся так, как мог бы отнестись старосветский фермер к потере кондиций у своего тяглогового скота. Никто не требует, чтобы этот фермер сам тянул плуг, на то есть лошади.

А вот медицинские коллеги Граймса, должно быть, все подряд были дурачье дурачьем.

Тем не менее он привлек лучших физиологов, неврологов, нейрохирургов и анатомов, каких только смог найти. По списку, как товары по каталогу. Он должен разобраться в этом вопросе.

И был порядком разозлен, когда оказалось, что ни под каким видом нельзя организовать вивисекцию на людях. К этому моменту он уже убедился, что ультракоротковолновое излучение поражает главным образом нервную систему и что вопрос следует рассматривать в рамках теории электромагнитного поля. И собирался произвести некие тонкие опыты, во время которых люди были бы непосредственно подключены к аппаратуре его собственной конструкции, позволявшей разобраться, чем именно нервный импульс отличается от электрического тока. Нюхом чуял, что имей он возможность частично отключить участки нервной сети человека и заменить их электропроводящими обводами, причем сделать это «непосредственно на объекте исследования», можно было бы совершить блестящие открытия. Правда, потом такой человек может быть ни к чему не пригоден.

Но власти не вняли; пришлось удовлетвориться опытами на трупах и на животных.

И тем не менее он добился прогресса в исследованиях. Мощное коротковолновое излучение оказывало на нервную систему воздействие, причем двояким путем: с одной стороны, вызывало фантомные импульсы в нейронах, недостаточно сильные, чтобы последовала мускульная реакция, но, как он подозревал, все же достаточные для того, чтобы держать тело в состоянии подавленного нервного возбуждения; а с другой стороны, у живого объекта, подвергнувшегося воздействию поля, независимо от срока воздействия наблюдалось определенное малое, но измеримое снижение эффективности подлинных нервных импульсов. В эквивалентной электросхеме это второе явление можно было бы описать как ухудшение свойств межпроводной изоляции и соответственный рост токов утечки.

В сумме оба эти процесса вызывали у подвергнутых облучению состояние небольшой усталости, чем-то похожее на недомогание на ранних стадиях туберкулеза легких. Жертва не чувствовала себя больной – ей просто недоставало бодрости. Большие мускульные усилия не казались невозможными – они просто были неприятны, требовали слишком многих усилий, слишком большого напряжения воли.

При этом любой терапевт-ортодокс был бы вынужден признать жертву совершенно здоровой. Да, имеет место небольшой упадок сил, но в остальном ничего серьезного. Вероятно, результат сидячего образа жизни. Свежий воздух, солнце, лечебная физкультура – вот и все, что требуется.

Док Граймс один-единственный на свете считал, что нынешняя общепризнанная склонность к сидячему образу жизни является следствием, а не причиной всеобщего понижения жизненной активности. Изменение происходило медленно, по крайней мере столь же медленно, сколь росла плотность высокочастотной энергии в воздухе. А пострадавшие если и замечали неладное, то относили на счет того, что стареют, «стали тяжеловаты на подъем, не то что в молодости». И даже были довольны, что стали тяжеловаты на подъем: не дергались и жилось поспокойнее.

Граймс впервые задумался над этим, когда начал замечать, что *все* без исключения его пациенты юного возраста записались в книгочеи. Оно неплохо, когда пацан читает книжки, но нормальный-то мальчишка должен время от времени беситься. Куда подевались вечный футбол под ногами у взрослых, игра в прятки и прочее, чего одежда не выдерживала в дни его собственного детства?

Черт возьми, ребенку не следует тратить *все* свое время на возню с коллекцией марок.

Уолдо шаг за шагом близился к ответу на эти недоумения старого врача.

Нервная система в целом представляет собой нечто похожее на приемную антенну. И как таковая способна улавливать электромагнитные волны и действительно делает это. Но результатом оказывается не наведенный электрический ток, а нервная пульсация – нечто до боли похожее, но в то же время решительно иное, чем электрический ток. Чтобы вызвать мышечную активность, можно вместо нервных импульсов приложить к живым тканям электродвижущую силу, но ЭДС – это *не* нервный импульс. При том же результате ток и импульс распространяются с очень уж разными скоростями. Электрический ток распространяется почти со скоростью света, а нервный импульс движется со скоростями порядка метров в секунду.

Именно в этом различии скоростей распространения Уолдо учуял ключ к пониманию проблемы.

Однако ему не позволили отложить проблему с фантастическим «помелом» Маклеода в долгий ящик. Позвонил доктор Рэмбо. Уолдо ответил на звонок, поскольку звонили из лаборатории НАПЭ. Увидел на экране незнакомого человека и спросил:

– Кто вы и что вам нужно?

Рэмбо пугливо огляделся по сторонам.

– *Ш-ш-ш!* Не так громко. Они могут подслушать, – прошептал он.

– Кто может подслушать? И кто вы такой?

– Да те же, что и обычно. На ночь всегда запирайте дверь. Я доктор Рэмбо.

– Какой такой доктор Рэмбо? Ах да. Послушайте, доктор, что означает это ваше вторжение?

Доктор так подался вперед, что чуть не выпал во «Фригольд» из стереоизображения.

– Я понял, как этого добиться, – свистящим шепотом произнес он.

– Чего добиться?

– Четкой работы декальбов. наших распрекрасных декальбов.

Внезапно он выбросил вперед руки, судорожно шевеля пальцами:

– Вот как они действуют! *Шевелятся, шевелятся, шевелятся!*

Уолдо ощутил естественный порыв прервать собеседника, но ему было любопытно, что он скажет дальше. Рэмбо продолжал:

– И знаете почему? Знаете? Спросите меня почему.

– Так почему же?

Рэмбо приложил палец к носу и плутовато засмеялся:

– Так хотите знать? Это, думаю, дорогого стоит. Но вам я скажу!

– Так говорите.

И тут в глазах Рэмбо явился смертельный страх.

– Может, и не стоит говорить. Может, они подслушивают. Но я все равно скажу! Все равно! Слушайте внимательно: миром владеет неопределенность.

– Это все? – полюбопытствовал Уолдо, теперь уже решительно забавляясь скоморошеством собеседника.

– А вам мало? Куры закукарекают, петухи сядут на яйца. Вы здесь, а я там. А может быть, и нет. Нет ничего определенного. Ничего, *ничего*, НИ-ЧЕ-ГО определенного! Крутится-вертится шарик лото, чем обернется – не знает никто. Один я знаю.

– Что знаете?

– Как остановить его там, где я захочу. Смотрите.

Рэмбо выхватил перочинный нож:

– Если порезаться, кровь потечет. Верно? Или неверно?

И полоснул по указательному пальцу левой руки:

– Смотрите-смотрите.

Он поднес палец к самому окуляру. Порез, хотя и глубокий, был едва различим и вообще не кровоточил.

«Замечательно! – подумал Уолдо. – Истерическое сжатие сосудов, образцовый клинический случай».

А вслух сказал:

– Ну, это любой может проделать. Покажите что-нибудь похлеще.

– Любой? Верно. Любой – если знает как. А теперь попробуем так.

Он воткнул нож себе в ладонь левой руки, так что острие вышло на запястье. Повернул лезвие в ране, выдернул нож и показал ладонь. Крови не было, порез мгновенно сомкнулся.

– А знаете, почему так выходит? Нож в руке – всего лишь вероятность, а я открыл невероятность!

Каким бы забавным он ни был, этот цирк начал Уолдо надоедать.

– Это все? – повторил он.

– Этому нет конца, ибо отныне нет ничего определенного, – торжественно объявил Рэмбо. – Полюбуйтесь.

Он положил нож плашмя на ладонь и перевернул ее.

Нож не упал, он как бы прилип к перевернутой ладони.

И тут Уолдо ощутил прилив интереса. Возможно, это был трюк, скорее всего, что трюк, но куда более впечатляющий, чем порезы без кровотечения. Порезы без кровотечения харак-

терны при определенных психозах, но чтобы нож прилипал к ладони – такого случиться не могло. Уолдо включил второй видеофонный канал.

– Мне главного инженера Стивенса из «Норт-Америкэн пауэр-эйр», – потребовал он. – Немедленно!

Рэмбо не обратил на это внимания, он продолжал лекцию о ноже.

– Он просто не знает, где теперь низ, потому что отныне нет ничего определенного, – певуче мурлыкал Рэмбо. – Может, упадет, а может, и нет. По-моему, упадет. О! Упал. Хотите посмотреть, как я пройду по потолку?

– Вызывали, мистер Джонс?

На втором экране появился Стивенс.

Уолдо отключил звук на канале связи с Рэмбо.

– Да. Я по поводу этого дергунчика Рэмбо. Поймайте его и срочно доставьте ко мне. Я хочу его видеть.

– Но, мистер Дж...

– Шевелитесь!

Уолдо отключил связь со Стивенсом и опять включил звук на канале с Рэмбо.

– ...неопределенность. Хаос царит, черная магия ходит по белу свету. Или, наоборот, белая по черну?

Рэмбо рассеянно посмотрел на Уолдо, внезапно просиял и выпалил:

– Добрый день, мистер Джонс. Спасибо, что позвонили.

Экран погас.

Уолдо нетерпеливо ждал. «Все это был розыгрыш, – твердил он себе. – Рэмбо устроил мне чудовищный розыгрыш». Розыгрышей Уолдо терпеть не мог. Он еще раз позвонил Стивенсу. Того не было на месте. Он попросил перезвонить.

Вскоре Стивенс перезвонил. Волосы у него были взлохмачены, лицо – красное.

– Это был какой-то кошмар, – сказал он.

– Вы его взяли?

– Рэмбо-то? Да, хоть и с трудом.

– Так давайте его сюда.

– Во «Фригольд»? Но это невозможно. Вы не поняли. У него крыша поехала. Сошел с ума. Его увезли в больницу.

– Много на себя взяли, – ледяным тоном сказал Уолдо. – Без вас знаю, что сошел, но мое распоряжение остается в силе. Устраивайте как хотите. Наймите санитаров. Дайте расписку. Суньте кому надо. Но доставьте ко мне срочно. Это необходимо.

– Вы не шутите?

– Не имею такого обыкновения.

– Для ваших исследований? Он не в форме и ничем не может быть вам полезен, это я вам могу сказать точно.

– А уж это мне предоставьте решать, – заявил Уолдо.

– Хорошо, – неуверенно сказал Стивенс. – Я попытаюсь.

– Смотрите не подведите.

Стивенс еще раз перезвонил спустя полчаса:

– Я не смогу привезти Рэмбо.

– Вы недотепа и зря едите свой хлеб.

Стивенс побагровел, но сдержался:

– Личности здесь ни при чем. Он исчез. Не довели до больницы.

– Как это?

– В голове не уместается. Его везли пристегнутым к носилкам, он был зашнурован, как в корсет. Сам видел, как его пристегивали. Но когда прибыли в больницу, оказалось, что он исчез. Причем санитары твердят, *что ремни даже не были растянуты*.

«Чушь», – вертелось на языке у Уолдо, но он промолчал, и Стивенс продолжил:

– Это еще далеко не все. Верьте слову, я сам с удовольствием покалякал бы с ним. Я только что с осмотра его лаборатории. Помните те чокнутые декальбы? Ну те, заколдованные?

– Понял, о чем речь.

– У Рэмбо оказалась еще одна сборка, которая проделывает то же самое.

Уолдо на несколько секунд лишился дара речи, а потом тихо произнес:

– Доктор Стивенс...

– Да.

– Хочу поблагодарить вас за ваши усилия. И не будете ли вы так любезны, не доставите ли обе сборки приемников, я имею в виду те, что ведут себя неподобающе, во «Фригольд», причем незамедлительно?

Сомневаться не приходилось. Взглянув на доставленные декальбы собственными глазами, увидев необъяснимо змеящиеся антенны и проведя первые же пришедшие в голову опыты, Уолдо вынужден был прийти к заключению, что имеет дело с новым явлением, законы которого были ему совершенно неизвестны.

Если у этого явления вообще могли быть хоть какие-нибудь законы...

Уолдо всегда был честен перед собой. Если то, что он видел, он действительно видел, значит это новое явление противоречило всем законам, тем самым законам, которые он принимал как действующие, – законам, из которых он прежде ни разу не встречал исключений. И у него хватило духу признать, что первоначальные отказы декальбов – это такое же ошеломляющее нарушение всех физических законов, как и ни с чем не сравнимое поведение этих двухборок. Разница только в одном: восстановление выглядело впечатляюще, а выход из строя – нет.

Совершенно очевидно, что доктор Рэмбо тоже обнаружил это; его, Уолдо, информировали: с первого же момента неприятностей с декальбами у доктора начали проявляться все более нарастающие признаки нервного перевозбуждения.

Потеря доктора Рэмбо заслуживала сожаления. Рэмбо безумный произвел на Уолдо гораздо большее впечатление, чем когда-либо смог бы произвести Рэмбо трезвомыслящий. Было ясно, что у этого человека какие-то способности были; он *чего-то* добился – причем большего, чем сам Уолдо, это надо было признать, – хотя это и свело Рэмбо с ума.

Уолдо не боялся, что опыт Рэмбо, каким бы он ни был, может поколебать и его собственный рассудок. Возможно, такая уверенность в своих силах была полностью оправданна. Для защиты от недружелюбного мира вполне хватало собственных параноидальных склонностей Уолдо. С его точки зрения, это была здоровая, необходимая адаптация организма к невыносимым условиям, не большая патология, чем, скажем, мозоль или приобретенный иммунитет.

В противном случае он, возможно, не смог бы воспринимать тревожные факты более хладнокровно, чем девяносто девять процентов его современников. Он был *рожден* для бед, столкнулся с ними и раз за разом преодолевал. Да самый дом, в котором он пребывал, свидетельствовал о спокойствии и бесстрашии, с которыми он отражал натиск мира, не будучи в состоянии к нему примениться.

Сами собой напрашивающиеся направления исследований причудливо извивающихся металлических стержней на какое-то время оказались исчерпаны. Рэмбо недоступен, у Рэмбо не спросишь. Что ж, остается еще один человек, которому известно больше, чем Уолдо. Этого человека и надо разыскать. И Уолдо еще раз позвонил Стивенсу.

– От доктора Рэмбо так и ни звука?

– Ни слуху ни духу. Прихожу к мысли, что бедняги нет в живых.

- Возможно. А этого знахаря, приятеля вашего зама, кажется, зовут Шнайдер?
- Грэмпис Шнайдер.
- Да-да. Не будете ли вы так любезны устроить мне разговор с ним?
- По телефону или вам желательна личная встреча?
- Предпочел бы, чтобы он прибыл ко мне, но понимаю, что он стар и немощен. Вряд ли ему легко дастся перелет. А если он еще к тому же окажется подвержен космической болезни, толку мне от него не будет.
- Посмотрим, что можно сделать.
- Очень хорошо. Ускорьте, пожалуйста, это дело. И еще. Доктор Стивенс!
- Слушаю.
- Если все же придется ограничиться разговором по телефону, устройте так, чтобы к нему в дом был доставлен комплект стереопередатчика. Мне желательно в наибольшей мере обеспечить непринужденную обстановку.
- О'кей.
- Представляешь? – обратился Стивенс к Маклеоду, закончив разговор с Уолдо. – «Великий Я» проявляет заботу о ком-то из окружающих.
- Наверное, толстячок заболел, – решил Маклеод.
- Похоже на то. А вкалывать придется не столько мне, сколько тебе. Поедешь со мной. Мы едем в Пенсильванию.
- А на ком останется централь?
- Скажи Каррузерсу, пусть побудет за начальство. Если что-нибудь накроется, мы все равно ничем не поможем.
- В тот же день попозже Стивенс опять вышел на связь.
- Мистер Джонс?
- Да, доктор.
- Ничего не выйдет.
- Имеете в виду, Шнайдер не сможет прилететь во «Фригольд»?
- Во-первых, это, а во-вторых, то, что вам не удастся потолковать с ним по видеофону.
- Полагаю, вы имеете в виду, что он мертв.
- Избави бог. Я имею в виду, что он ни при каких обстоятельствах и ни с кем не хочет говорить по видеофону. Говорит, очень жаль, что причиняет вам неудобство, но он против всех этих штук: фотоаппаратов, кинокамер, телевидения и так далее. Опасные вещи, говорит. И боюсь, закоснел в своих предрассудках.
- В качестве посла вы оставляете желать лучшего, доктор Стивенс.
- Стивенс сосчитал про себя до десяти и потом ответил:
- Уверяю вас, я сделал все, что в моих силах, чтобы исполнить ваше желание. Если я не подхожу вам как сотрудник, будьте добры, обратитесь к мистеру Глисону.
- И прервал связь.
- Как вы насчет того, чтобы дать ему в зубы? – мечтательно произнес Маклеод.
- Мак, ты читаешь мысли.

* * *

Уолдо еще раз попытался действовать через собственных агентов, но ответ получил тот же самый. С его точки зрения, это было нечто возмутительное – вот уже много лет ему не попадались люди, которых нельзя было бы купить, запугать или, в крайнем случае, уговорить. Покупка сорвалась; инстинктивно он сознавал: непохоже, что Шнайдером можно управлять через алчность. И как вообще прикажете запугивать или подмамливать человека, с которым нельзя встретиться и поговорить?

Это был тупик – и безвыходный. Ладно, забудем.

Конечно, еще есть средство из арсенала тех, про которые говорят «лучше сдохнуть, чем так». Нет. Нет, только не это. Даже не думай. Лучше бросить все это дело, признать, что оно не по зубам, и так и сказать Глисону. Уолдо уже семнадцать лет не ступал ногой на земную поверхность. Ничто не могло подвигнуть его на то, чтобы отдать свое тело на милость этого чудовищного поля тяготения. Ничто! Ведь оно могло даже убить его. Сдавить грудь, задушить. Не-е-ет.

Он грациозно поплыл через мастерскую, словно разьевшийся Купидон. Как? Отказаться от своей свободы? Даже на время! Самому отдаться на пытки? Нет, это нелепо. Дело того не стоит.

Проще упросить агорафоба⁷ залезть на Пюи-де-Дом⁸ или потребовать, чтобы клаустрофоб взял у кого-нибудь интервью в самой глубокой шахте мира.

* * *

– Дядя Гэс?

– А, Уолдо, привет. Рад, что позвонил.

– Не опасно ли мне спуститься на Землю?

– Чего? Как это? Говори ясней, парень. Я не понял.

– Я спрашиваю, не повредит ли мне экскурсия на Землю?

– Связь тут просто ужасная, – проворчал Гэс. – Мне послышалось, ты говоришь, что решил спуститься на Землю.

– Именно это я и сказал.

– Уолдо, что стряслось? Ты в своем уме?

– В своем, в своем, но мне надо повидать на Земле одного человека. Другого способа поговорить с ним нет, а поговорить очень надо. Эта экскурсия мне повредит?

– Не должна бы, если побережешься. Если на то пошло, ты здесь родился. Однако будь поосторожнее. У тебя солидное ожирение сердца.

– О боже, дядя Гэс! Как вы считаете, это опасно?

– Нет. Ты вполне здоров. Просто не перенапрягайся. И держись поспокойнее.

– Постараюсь. Как только могу. Дядя Гэс!

– Да.

– Вы не съездили бы со мной, не помогли бы мне справиться?

– Ну, я думаю, в этом нет необходимости.

– Дядя Гэс, пожалуйста. Я больше никому не доверяю.

– Уолдо, ты же взрослый человек. Ладно, на этот раз так и быть.

* * *

– А теперь запомните, – обратился Уолдо к пилоту. – Модуль ускорения ни в коем случае не должен превысить одну и одну десятую *g*. Даже во время посадки. Я все время буду следить по акселерометру.

– Я двенадцать лет вожу машины медпомощи, – ответил пилот. – И пациента не побеспокоил ни разу.

⁷ *Агорафобия* – боязнь открытого пространства.

⁸ *Пюи-де-Дом* – гора во Франции, поднимаясь на которую Блез Паскаль (1623–1662) открыл соотношение между падением атмосферного давления и высотой над уровнем моря.

– Это не ответ. Вы поняли? Одну и одну десятую. И к этой цифре даже не приближайтесь, пока не пройдем стратосферу. Тихо, Бальдур! Прекрати сопеть.

– Я вас понял.

– Постарайтесь, чтобы все так и было. От этого зависит ваша премия.

– Может, вам стоит самому повести?

– Мне не нравится ваше отношение, милейший. Если я в этом контейнере сдохну, останетесь без работы на всю жизнь.

Пилот что-то буркнул.

– Что вы сказали? – вскинулся Уолдо.

– Сказал, что, может, овчинка и стоит выделки.

Уолдо побагровел, открыл рот, но тут вмешался Граймс:

– Уолдо, спокойней. Помни о своем сердечке.

– Да, дядя Гэс.

Граймс скользнул вперед и знаком дал знать пилоту, что хочет сесть поближе.

– Что бы он ни говорил, не обращайтесь внимания, – вполголоса сказал Граймс пилоту. – Но насчет ускорения уж постарайтесь. Он вправду не выдержит больших ускорений. Того и гляди, отдаст концы в контейнере.

– Думаете, будет велика потеря? Далеко не уверен. Но пойдем аккуратненько.

– Вот и славно.

– Я готов занять место в контейнере, – отозвался Уолдо. – Дядя Гэс, не поможете ли с ремнями справиться?

– Буду через секунду.

Разумеется, противоперегрузочный контейнер был не обычного типа, а специально построенный для этой поездки. На взгляд он больше напоминал огромного размера гроб на карданном подвесе, позволяющем постоянно удерживаться в плоскости, перпендикулярной результирующему вектору ускорения. Уолдо плавал в воде – удельный вес его жирной туши был достаточно низок, – отделенный от нее обычной нежесткой водонепроницаемой парусиной. Голову и плечи поддерживала пригнанная по телу подушка. В контейнер был встроены механический автомат для искусственного дыхания, подкладки под спину находились под водой, грудные накладки – над водой, но они были убраны в стороны.

На специальном сиденье слева от контейнера пристроился наготове Граймс с неоадреналином. Справа от контейнера, пристегнутый к специальной полке, находился Бальдур. Пес служил противовесом Граймса.

Граймс удостоверился, что все готово, и объявил пилоту:

– Стартуйте по готовности.

– Хорошо.

Пилот захлопнул люк. Входная труба сжалась в гармошку на плоском причале «Фригольда», дав возможность кораблю отвалить. И корабль плавно отправился в путь.

Уолдо закрыл глаза. На лице у него явилось выражение неземного страдания.

– Дядя Гэс, а вдруг корабельные декальбы откажут!

– Не имеет значения. В машинах медпомощи шестикратный запас.

– Вы уверены?

Едва ощутив появление веса, Бальдур начал скулить. Граймс заговорил с ним – пес притих. Но по мере того как машина углублялась в гравитационное поле Земли, суммарное ускорение поневоле нарастало, хотя скорость машины существенно не менялась. Уолдо казалось, что это тянется нестерпимо долго и никогда не кончится. А пес ощущал, как все тело наливается изнурительной тяжестью. Причины он не понимал, и от этого происходящее нравилось ему еще меньше, оно пугало его. Он начал выть.

Уолдо открыл глаза.

– О господи! – простонал он. – Сделайте же хоть что-нибудь! Он, должно быть, умирает.
– Сейчас гляну, – ответил Граймс, отстегнул ремень безопасности и потянулся через контейнер. Перераспределение масс заставило кардан качнуться; Уолдо колыхнуло к стенке контейнера.

– Ой! – с трудом выговорил он. – Осторожней!

– Не обращай внимания.

Граймс погладил пса по голове и ласково заговорил с ним. Когда тот успокоился, Граймс собрал в горсть шкуру на его загривке, прицелился и всадил дозу успокоительного. И потер место укола.

– Вот так, старичок. Теперь тебе полегчает.

Врач отвалился на свое место, от этого Уолдо опять качнуло, однако он молча вынес эту пытку.

После входа в атмосферу машина резко дернулась всего один раз. Взвыли оба: и пес и Уолдо.

– Частник, – вполоборота крикнул пилот. – У меня преимущество, а он нарушил.

И пробурчал что-то про баб за рулем.

– Я видел. Наш не виноват, – сказал Граймс Уолдо.

Пилот необычайно мягко посадил машину на площадке, подготовленной между шоссе и домом Шнайдера. Их прибытия дожидалась целая команда; под присмотром Граймса контейнер с Уолдо сняли с кардана и вынесли из машины. Как ни старались действовать осторожно и не спеша, все-таки не обошлось без встрясок и толчков. Уолдо перенес их с молчаливой стойкостью, но из-под закрытых век градом катились слезы.

Едва его вынесли из машины, он открыл глаза и спросил:

– Где Бальдур?

– Я его отвязал, – пояснил Граймс, – но он не последовал за нами.

– Бальдур, сюда! Ко мне, малыш! – хрипло окликнул Уолдо.

Пес, остававшийся внутри корабля, услышал голос хозяина, приподнял голову и придушенно гавкнул. Он все еще чувствовал устрашающую немочь, но пополз на брюхе, сиюсь исполнить приказ. Граймс вовремя оказался у дверцы и увидел, что происходит.

Пес дополз до края своей полки и сделал неуклюжую попытку ринуться туда, откуда слышал хозяйский голос. Он попробовал применить единственный известный ему способ передвижения: оттолкнулся задними лапами – и полагал, что вылетит через открытую дверь и прекратит полет, упершись передними лапами в контейнер. Но вместо этого рухнул с полуметровой высоты на пол кабины, неловко принял удар на непружинящие передние лапы и притом болезненно взвизгнул.

Теперь он лежал пластом там, где упал, голоса не подавал, но и не пытался двигаться, а дрожал всем телом.

Граймс наклонился над ним, осмотрел, убедился, что животное не покалечилось, и вышел из кабины.

– С Бальдуrom небольшая авария, – объяснил он Уолдо. – Ничего серьезного, но бедный чертяка не умеет ходить. Лучше оставь его в кабине.

Уолдо с усилием покачал головой:

– Хочу, чтобы он был со мной. Пусть раздобудут носилки.

Граймс позвал двух человек на подмогу, договорился с водителем машины медпомощи насчет носилок и приказал помощникам нести собаку. Один из них заворчал:

– Не нравится мне это. Собака выглядит злобной. Посмотрите, какие у нее глаза.

– Нет-нет, – заверил его Граймс. – Она просто перепугана до потери сознания. Давайте я подержу ее за голову.

– А что с ней? То же самое, что и с этой жирной тушей?

– Не-е-ет, с ней все в порядке, здорова как бык. Просто ей в жизни не приходилось ходить. Она на Земле в первый раз.

– Окосеть, будь я трижды проклят!

– Знаю один такой случай, – охотно отозвался второй носильщик. – Про псину, что выросла в Лунополисе. Так она первую неделю на Земле вообще ходить не могла – только ползала, выла и делала под себя.

– В точности как эта, – мрачно отозвался первый.

Носилки с Бальдуром поставили рядом с контейнером Уолдо. А тот с невероятным усилием приподнялся на локте, вытянул руку и положил на голову собаке. Пес лизнул хозяйскую руку и разом перестал дрожать.

– Так-то вот, дружок, – прошептал Уолдо. – Здорово худо, а? Ну ничего, держись.

Бальдур вильнул хвостом.

Четверых отрядили нести Уолдо и еще двоих – собаку. Грэмпис Шнайдер ожидал на пороге своего дома. Ни слова не сказал, когда процессия приблизилась, просто дал знак, чтобы Уолдо внесли в дом. Носильщики с собакой замялись.

– Его тоже, – сказал Шнайдер.

Когда прочие удалились – даже Граймс вернулся к машине, – Шнайдер заговорил:

– Добро пожаловать, мистер Уолдо Джонс.

– Спасибо за привет, дедушка Шнайдер.

Старик любезно кивнул, не говоря ни слова, и подошел к носилкам с Бальдуром. Уолдо хотел было предупредить его, что для незнакомых зверюга опасна, но какое-то странное стеснение – наверное, поле тяготения на нервы подействовало – помешало ему вовремя заговорить. А потом он увидел, что зря беспокоился.

Бальдур перестал тихо поскуливать, поднял голову и лизнул Грэмписа Шнайдера в подбородок. И радостно завилял хвостом. Уолдо почувствовал внезапный укол ревности; ведь до этого за псом никогда не водилось, чтобы он проявил дружелюбие к незнакомым людям без особого приказа хозяина. Это была нелояльность, даже более того – измена! Но Уолдо подавил приступ раздражения и хладнокровно расценил это происшествие как свой тактический успех.

Шнайдер отвел в сторону собачью морду и тщательно осмотрел собаку, поталкивая, поглаживая, вытягивая ей лапы. Приподнял Бальдуру губы, глянул на десны. Оттянул веки, заглянул за них. Покончив с осмотром, подошел к Уолдо.

– Пес-то и не хвор, – сказал Шнайдер. – Просто у него ум за разум зашел. С чего бы это?

Уолдо рассказал о необычном прошлом Бальдура. Шнайдер выслушал, покивал – причем Уолдо не мог сказать, понял он его или нет, – и внимательным взглядом окинул Уолдо.

– Нехорошо, когда взрослый парень лежкой лежит в постели. Давно это с тобой?

– С рождения, дедушка.

– Это нехорошо.

Шнайдер обошелся у Уолдо точно так же, как и с Бальдуром. Уолдо с гораздо большим трудом сносил чужое прикосновение, чем обычный, здоровый, но легко возбудимый человек, однако выдержал это по причинам вполне прагматическим. Чувствовал, что как-то надо втереться, умаслить этого странного старикашку. И что его не стоит раздражать.

Чтобы отвлечься от унижений, которые он терпел по собственной воле, и побольше узнать о старом шарлатане, Уолдо обшарил взглядом его комнату. Это была совмещенная гостиная-кухня. Узковатая, но довольно длинная, она была тесно заставлена. Весь кухонный конец занимал то ли огромный очаг, то ли камин, однако теперь он был заложен кирпичом, а в его дымоход сквозь дырку шла жестяная труба от плиты с механической подачей угля. Плита углом заходила в камин слева. Соответствующее место справа занимала тумба с небольшой мойкой. Вода подавалась в мойку ручным насосиком, рукоять которого торчала из-за тумбы.

Судя по обстановке, решил Уолдо, либо Шнайдер старше, чем выглядит, что просто невозможно себе представить, либо унаследовал этот дом от кого-то, кто уже век как помер.

Жилой конец комнаты был загроможден и заставлен, что просто неизбежно в небольших помещениях. Кругом были книги: в нескольких шкафах, стопками на полу, россыпью на стульях – так, что вот-вот свалятся. Старинный, заваленный бумагами деревянный стол представлял собой пьедестал для давно устаревшей механической пишущей машинки и занимал целый угол. Над ним на стене висели богато украшенные часы-ходики в виде домика. Над циферблатом имелись две дверочки; именно в тот момент, когда Уолдо разглядывал часы, из левой выскочила резная деревянная птичка, раскрашенная красной краской, четыре раза пропела «фью-фью» и тут же спряталась. Следом из правой дверцы явилась серая птичка, трижды лениво прокуковала и вернулась на место. Уолдо решил, что очень хорошо бы занять такие часы; разумеется, их маятник и гиря во «Фригольде» не работали бы, но часы легко можно приспособить на центрифугу, дающую ускорение в одно g , где у них будут как бы те же условия для работы, что и на поверхности Земли.

Ему даже в голову не пришло поставить скрытый источник питания для имитации работы маятника; Уолдо любил, чтобы механизмы работали так, как задумано.

Слева от часов висел старомодный бумажный табель-календарь. Какого года, было не разглядеть на темном фоне, но повыше была отчетливо видна надпись крупными буквами «ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА В НЬЮ-ЙОРКЕ – НА ПАМЯТЬ О МИРЕ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ». У гостя глаза чуток округлились при взгляде на нечто вколотое в подушечку для булавок на краю стола. То была круглая плоская пластмассовая штуковина с заколкой для крепления к одежде. Она была так близко, что Уолдо смог прочесть надпись на ней:

ЗА СВОБОДНЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ДОЛЛАР ШЕСТНАДЦАТЬ
К ОДНОМУ⁹

Но тогда Шнайдер, стало быть, *очень* стар!

Дверной проем с арочным верхом вел в другую комнату. Что там находилось, было не разглядеть, арку закрывала занавеска из крупных раскрашенных бусин на ниточках.

Комната была полна различных запахов, многие из них отдавали стариной и затхлостью, но ничем мерзким не пахло.

Шнайдер выпрямился и поглядел на Уолдо:

– Нет у тебя в теле никакого изъяна. Давай вставай и ходи.

Уолдо слабо покачал головой:

– К сожалению, не могу, дедушка.

– Тебе надо дотянуться до силы и приказать, чтоб она тебе служила. Ну-ка попробуй.

– К сожалению, не знаю, как это делается.

– В том-то и вся закавыка. На свете нет ничего определенного, если кто не знает. Ты отослал свою силу в Иномир. Тебе надо дотянуться до Иномира и требовать ее назад.

– Но где этот «иномир», дедушка?

⁹ Значок с такой надписью – и примета времени, и характеристика его хозяина Грэмпа Шайдера. Это значок-лозунг, призывающий к введению в стране биметаллизма с фиксированным отношением один к шестнадцати, а также свободной чеканке серебряной монеты. Биметаллизмом именуется система двойного денежного эталона, при которой деньги одновременно базируются и на золоте, и на серебре. При биметаллизме с фиксированным курсом соотношение стоимости этих металлов жестко вверьночно фиксируется казной. В США биметаллизм закончил существование в 1873 г., когда основной единицей был объявлен золотой доллар. Но борьба за его возвращение продолжалась еще долго, причем основное предлагавшееся соотношение было именно один к шестнадцати (хотя рыночное к тому времени достигло уже одного к сорока). Биметаллизм и свободная чеканка позволили бы фермерам и мелким предпринимателям отдать свои долги банкам «дешевыми» деньгами, то есть фактически произошла бы инфляция без пересчета долгов: золотые монеты мгновенно исчезли бы из оборота, их скупили бы за серебро и спрятали. В итоге получился бы серебряный стандарт без государственной монополии на эмиссию денег. Активную борьбу за такое нововведение вели либеральные интеллигенты, сторонники У. Дж. Брайана, многократного и неудачливого кандидата в президенты.

Шнайдер, казалось, засомневался, отвечать ли. А потом сказал:

– Другой мир. Его нельзя увидеть. Он и тут, и там, и повсюду. Но прежде всего вот *здесь*, – постучал он себя пальцем по лбу. – Ум помещается в нем и через него управляет всем телом. Пстой-ка.

Он порылся в стенном шкафчике, вынул какую-то баночку. В баночке было снадобье, похоже мазь, и он принялся натирать себе руки этой мазью.

Закончив, вернулся к Уолдо и опустился рядом с ним на колени. Взял обеими руками Уолдо за запястье и принялся ласково растирать.

– Пусть ум успокоится, – приказал он. – Почувствуй силу. Иномир близко, и силы в нем полным-полно. Почувствуй ее.

Массаж оказался донельзя приятен утомленным мускулам Уолдо. То ли от снадобья, то ли просто от рук старика по телу пошла упоительная теплая волна.

«Будь он помоложе, я бы его в массажисты нанял, – подумал Уолдо. – У него магнетическое прикосновение».

Шнайдер выпрямился и сказал:

– Полегчало, а? Теперь отдохни немного, пока я кофе сварю.

Уолдо с приятным чувством откинулся на свое ложе. Уж очень он устал. Не столько сама по себе езда дала по нервам, сколько хватка проклятого поля тяготения, в которой он чувствовал себя, как муха в патоке. Пассы Грэмпа Шнайдера принесли облегчение и навели сон.

Должно быть, он и в самом деле задремал, так как последнее, что он помнил, это Шнайдер, бросающий в кофейник яичную скорлупу. А в следующую секунду старик уже стоял перед ним с кофейником в одной руке и дымящейся чашкой в другой. Отставил их, взял три подушки, подложил их Уолдо под спину и протянул чашку. Уолдо с трудом вытянул обе руки, чтобы ее взять.

Шнайдер отвел чашку в сторону.

– Не-е-ет, – с укоризной сказал он. – И одной руки больше чем хватит. Делай, как я показывал. Потянись в Иномир за силой.

Он взял правую руку Уолдо, поднес пальцы к фаянсовой дужке, сомкнул их на ней, поддерживая руку Уолдо своей. А ладонью левой ласково провел по руке Уолдо от плеча до самых кончиков пальцев. И опять по руке прошла теплая волна.

И Уолдо с удивлением обнаружил, что держит чашку одной рукой. Вот это да! Ко времени, когда он семнадцать лет назад покинул Землю, у него уже сложилась неизменная привычка ничего никогда не пытаться удержать одной рукой. Разумеется, во «Фригольде» он частенько управлялся одной рукой со всякой мелочью и без помощи «уолдо». Видимо, годы упражнений сказались, хватка улучшилась. Отлично! Настоящий триумф!

Почувствовав прилив задора, он пил из чашки, держа ее одной рукой и стараясь изо всех сил не пролить кофе на себя. А кофе был вкусный, ничего не скажешь. Такой же вкусный, как и тот, что он сам себе готовил из самых дорогих экстрактов. Уж если совсем честно сказать, возможно, даже вкуснее.

Когда Шнайдер предложил ему к кофе свежеразогретую коврижку с коричневой сладкой корочкой, которая благоухала корицей, он настолько разошелся, что взял ее левой рукой, не спрашивая, куда бы отставить чашку. И, положив локти на край контейнера, поочередно то откусывал, то запивал, то запивал, то откусывал.

Разговор за чашкой кофе заканчивался, и, похоже, пора было начать разговор касательно декальбов. Шнайдер не стал заператься, что знает Маклеода, и припомнил, хотя и смутно, случай, когда он наладил Маклеодово «помело».

– Хью Дональд – славный парнишка, – сказал он. – Машины я не люблю, но чинить детям разные штуки – это одно удовольствие.

– А не расскажете ли мне, дедушка, каким образом вы отремонтировали машину Хью Дональда Маклеода? – спросил Уолдо.

– Что, у тебя есть такая же, сломанная, и ты хочешь, чтобы я ее починил?

– У меня полным-полно таких сломанных, я взялся их починить, но, должен признаться, не знаю, как это сделать. И приехал, чтобы узнать, как это получается у вас.

Шнайдер призадумался:

– Это трудно. Показать-то можно, но не так существенно то, что ты делаешь, как то, что при том думаешь. А это только с опытом приходит.

Должно быть, на лице Уолдо изобразилось слишком большое недоумение, потому что старик пояснил:

– Говорят, на все на свете можно смотреть так, а можно эдак. Это как бы правда, но не вся, потому что смотреть можно хоть сотней способов. Некоторые годятся, а некоторые нет. Кто-то из древних говорил, что все на свете либо *существует*, либо *нет*. Это не вся правда, поскольку кое-что одновременно *и существует, и не существует*. Кто с опытом, тот способен и так смотреть, и этак. Иногда вещь, *предназначенная* для этого мира, *не предназначена* для Иномира. А это важно, поскольку живем-то мы в Иномире.

– То есть как это «живем в Иномире»?

– А как же еще нам жить-то? Ум – не мозг, а ум – существует в Иномире, а до здешнего мира дотягивается через тело. Это один из верных способов глядеть на вещи, хотя есть и другие.

– Значит, есть несколько способов рассматривать приемники де-Кальба?

– Правильно.

– А будь у меня с собой прибор, который не работает, вы показали бы мне, как надо на него глядеть?

– Да нужды нет, и притом я не люблю, когда машины в доме. Лучше я тебе нарисую.

Уолдо вздумалось было настоять, но он подавил в себе этот порыв. «Ты пришел сюда, смиренно прося о наставлении, – сказал он себе. – Не учи учителя, как тебя учить».

Шнайдер раздобыл карандаш и лист бумаги и сделал очень аккуратный и очень тщательный эскиз пучка антенн и главной балки аэромобиля. Эскиз был довольно точен, хотя в нем и недоставало нескольких существенных, но второстепенных деталей.

– Вот эти пальцы, – сказал Шнайдер, – проникают глубоко в Иномир, чтобы зачерпнуть силу. А что зачерпнули, то вот по этому столбу, – указал он на балку, – передают туда, где сила используется, чтобы машина двигалась.

«Прекрасное аллегорическое объяснение, – подумал Уолдо. – Если принять, что „Иномир“ – это синоним гипотетического эфира, оно звучит если не полно, то безукоризненно». Но ему стариковы речи ничего не объяснили.

– А Хью Дональд устал, – продолжал Шнайдер, – и какая-то маета его ела. Вот он и выискал одну из худых правд.

– То есть вы хотите сказать, – отдельно произнес Уолдо, – что машина Маклеода вышла из строя по той причине, что он тревожился на этот счет?

– А из-за чего же еще?

К ответу на этот вопрос Уолдо был не готов. Стало очевидно, что старик целиком в плену каких-то странных суеверий; тем не менее он мог бы показать Уолдо, *что* именно надо делать, хотя и не знал *почему*.

– А что вы сделали, чтобы изменить положение?

– Да ничего я не изменял! Я просто глянул с другого боку.

– Но как глянули? Мы нашли там какие-то пометки мелом...

– Ах те? Они помогли мне сосредоточиться в нужную сторону, а больше они ни к чему. Я рисовал их вот так, – он взялся водить карандашом по эскизу, – а сам в это время представлял себе, как пальцы тянутся за силой. Ну они и потянулись.

– И это все? И больше ничего?

– Зачем? Хватит и этого.

«Либо старик сам не понимает, каким образом он произвел ремонт, – рассудил Уолдо, – либо он тут вообще ни при чем, а имеет место чистое, хотя и удивительное совпадение».

Пустая чашка давно стояла на краешке контейнера, ее вес приходился на металл, пальцами Уолдо ее только придерживал. Увлечшись разговором, он позабыл про нее, и чашка выскользнула из ослабевших пальцев, упала на пол и разбилась.

Уолдо вконец расстроился:

– О, я... простите, дедушка. Я пришлю вам другую.

– Не тревожься. Я починю.

Шнайдер тщательно собрал осколки и положил на стол.

– Ты устал, – продолжил он. – Это нехорошо. Из-за этого теряешь, что приобрел. Возвращайся домой, отдохни, а потом можешь поупражняться, как силу возвратить.

Мысль показалась Уолдо здоровой; он очень устал, и сделалось очевидно, что у старого обаятельного пройдохи никаких особых секретов не вызнать. Он с чувством и глубоко искренно поклялся, что будет упражняться, «как силу возвратить», и попросил Шнайдера оказать любезность и кликнуть носильщиков.

На обратном пути обошлось без приключений. У Уолдо не хватило духу даже на то, чтобы пререкаться с пилотом.

Полный тупик. Одни машины не работают, хотя должны, а другие работают, но невозможным образом. И никто не знает, что делать, кроме старикашки, у которого помутилось в голове. Несколько дней Уолдо трудился апатично, по большей части повторяя опыты, которые уже проделывал, лишь бы не признаваться себе, что застрял, что не знает, как быть дальше, что по-настоящему-то он потерпел поражение и пора бы позвонить Глисону и признаться в этом.

Два «заколдованных» комплекта декальбов продолжали работать, стоило их включить, но все тем же диковинным и невероятным образом, с извивающимися антеннами. Другие неожиданно вышедшие из строя и присланные ему на обследование декальбы по-прежнему отказывались работать. А третьи, годные, действовали великолепным образом, без нелепых верчений и подергиваний.

В невесть какой раз он достал нарисованный Шнайдером эскизик и внимательно изучил его. «Остается только одна возможность, – подумал он. – Еще раз вернуться на Землю и настоять, чтобы Шнайдер в моем присутствии действительно проделал все, что им было сделано с целью вернуть декальбы в рабочее состояние». Теперь он понимал, что на этом следовало бы настоять с самого начала, но тогда его настолько сбила с толку борьба с этим до чертиков сильным гравитационным полем, что недостало воли продолжать встречу.

Возможно, в этом его заменит Стивенс и притом изготовит стереофотоснимки процесса для дальнейшего изучения? Нет, старик суеверно предубежден против искусственных изображений.

Уолдо плавно подплыл туда, где стоял один из неработающих декальбов. Прделанное Шнайдером было, судя по его словам, до нелепости просто. Он нарисовал мелом на антеннах черточки, вот так, чтобы сосредоточиться. А потом усталился на антенны и представил себе, как они «черпают силу», устремляясь в Иномир, тянутся...

Бальдур неистово залаял.

– Да замолчи, дурак! – огрызнулся Уолдо, не сводя глаз с антенн.

Каждый металлический патрубочек по отдельности начал извиваться, вытягиваться. Послышался тихий ровный звук нормально работающего аппарата.

Уолдо все еще обдумывал происшедшее, когда внимания потребовал телевизор. Нет, ему ни капельки не грозила опасность повредиться в уме, как это произошло с Рэмбо; и все же думал он так напряженно, что голова заболела. И все еще не пришел в себя, когда пришлось включить видеофон.

– Да.

Звонил Стивенс:

– Привет, мистер Джонс. Это... Мы тут думали... То есть...

– Говорите яснее!

– Ну-у-у, насколько вы близки к результату? – выпалил Стивенс. – Дело становится очень срочным.

– В каком смысле?

– Частично обесточило Большой Нью-Йорк прошлой ночью. К счастью, не на максимуме нагрузки, и аварийщики сумели кинуть временки, прежде чем исчерпался резерв, но вы же представляете себе, что было бы, случись это в час пик. По моему собственному отделу число отказов за последние недели удвоилось, и страховщики почуяли неладное. Так что мы срочно нуждаемся в результатах.

– Получите вы свои результаты, – свысока сказал Уолдо. – Я на завершающем этапе исследования.

Не то чтобы он уж так был в этом уверен, но Стивенс злил его даже больше, чем большинство безволосых обезьян.

На лице Стивенса боролись сомнение и надежда.

– Полагаю, вы откажетесь хотя бы намекнуть нам, в каком плане они ожидаются?

Разумеется. Но невозможно было не позабавиться, не подшутить над Стивенсом:

– Ближе к объективу, доктор Стивенс. Я скажу вам.

И сам подался вперед, так что в некотором смысле они оказались нос к носу.

– Черная магия ходит по белу свету! – зловеще сказал Уолдо и тут же отключил связь.

Глубоко в подземном лабиринте собственной станции «Норт-Америкэн» Стивенс молча смотрел на темный экран.

– В чем дело, шеф? – поинтересовался Маклеод.

– Не понял. Не совсем понял. Но у меня появилась мысль, что у нашего толстячка крыша поехала, совсем как у доктора Рэмбо.

На лице Маклеода явилась счастливая улыбка:

– Какая прелесть! Всегда был уверен, что он тот еще придурок.

Но Стивенс не намерен был шутить:

– Лучше бы тебе молиться, что она *не* поехала, мы ведь от этого зависим. Дай-ка мне нынешнюю сводочку глянуть.

* * *

Черная магия ходит по белу свету. Объясненьице ничем не хуже других, размышлял Уолдо. Причинность дает сбой за сбоем, священные законы физики больше не действуют. Магия. Как утверждает Грэмпис Шнайдер, все зависит от того, с какой стороны посмотреть.

Дело ясное, Шнайдер знал, о чем говорит, хотя, разумеется, понятия не имел о физической теории, положенной в основу декальбов.

Подождите минутку! Подождите. Вероятно, он сам, Уолдо, подходил к этой проблеме не с того боку. Он занялся ею с некой собственной точки зрения, с точки зрения, которая настроила его критически по отношению к словам старика. Исходил из предположения, что уж он-то, Уолдо, понимает в этом деле больше, чем Шнайдер. Да, спору нет, он выбрался из дому, чтобы навестить Шнайдера, но считал-то его знахарем из захолустья, человеком, который, воз-

можно, располагает некой долей полезной информации, но в основе своей невежественным и суеверным.

Предположим, он рассмотрит ситуацию с иной точки зрения. Примет, что все сказанное Шнайдером – это никакие не суеверия и не аллегории, а сугубый факт и высокая наука...

Уолдо отвел себе несколько часов на обдумывание ситуации.

Прежде всего, Шнайдер то и дело употреблял слово «Иномир». Что оно означает буквально? «Мир» – это пространственно-временной энергетический континуум, следовательно, Иномир – это континуум, но отличный от того, в котором пребывает сам Шнайдер. Теоретическая физика не отвергает таких представлений, возможность существования бесконечного числа континуумов заложена во многие знакомые и вполне ортодоксальные суждения. Это предположение даже используется в некоторых выкладках.

Неужели именно это и имел в виду Грэмпис Шнайдер? Реально физически существующий Иномир? Поразмыслив, Уолдо убедился, что, должно быть, так оно и есть, хотя старик не пользовался общепринятой физической терминологией. «Иномир» – это звучит как поэзия, но термин «дополнительный континуум» имеет тот же физический смысл. Стало быть, Уолдо заблудился в двух терминах.

Шнайдер утверждает, что этот Иномир повсеместен: он тут, там и везде. А разве это не прекрасное описание взаимно однозначного наложения двух пространств? Некое дополнительное пространство может располагаться относительно данного таким образом, что расстояние между ними представляет собой бесконечно малую величину, однако существует. Точно так же можно представить себе две плоскости, которые не пересекаются, которые разделены непредставимо малым промежутком, но тем не менее существуют по отдельности одна от другой.

Иномир не является полностью недостижимым; Шнайдер говорит о возможности проникновения в этот континуум. Звучит как фантастика, но для целей данного исследования утверждение должно быть принято. И Шнайдер подразумевал – нет, прямо *утверждал*, – что такое проникновение совершается мысленным усилием.

Уж так ли это фантастично? Если некий континуум располагается неизмеримо близко, но в то же время вне прямой физической досягаемости, так ли странно будет обнаружить, что он легче всего достижим с помощью некоего трудноуловимого и, вероятно, подсознательного усилия мозга? Когда речь о мозге, все трудноуловимо, и небеса порукой в том, что никто не знает, *как именно* работает мозг. Ни малейшего понятия не имеет. Смехотворна и безнадежна попытка описать, например, процесс создания симфонии в рамках коллоидной химии. А поскольку никто не знает, как работает мозг, приписать ему еще одно необъяснимое свойство – в этом нет ничего неприемлемого.

Если подумать, сами понятия сознания и мышления выглядят фантастически невероятными.

Итак, значит, Маклеод сам вывел из строя свою машину неправильной мыслью, а Шнайдер отремонтировал ее правильной. И что из этого следует?

Он тут же получил предварительный вывод: в выходе из строя всех остальных декальбов, вероятно, повинны те, кто с ними работал. Операторы, очевидно, находились в состоянии упадка сил, утомления, неясной тревоги и поэтому заразили – нет, поразили – декальбы, которыми управляли, собственными проблемами. Каким именно образом – это пока неясно. В первом приближении скажем так: в Иномире все эти декальбы замкнулись накоротко. Неряшливая терминология, но на данном этапе помогает прояснить картину.

Но ведь отсюда всего один шаг до гипотезы Граймса! «Упадок сил, утомление, неясная тревога» – это то, о чем толкует док. Окончательных доказательств пока нет, но правота дока для Уолдо очевидна. Реально нарастающая эпидемия аварий – это просто аспект всеобщей *myasthenia*, вызванной коротковолновым облучением.

Но если это верно...

Он включил видеофонный канал на Землю и вызвал на разговор Стивенса.

– Доктор Стивенс, – с ходу же приступил он к делу, – имеется одна предварительная мера предосторожности, которую следовало бы принять уже сейчас.

– Да?

– Но прежде позвольте задать вопрос. Много ли было случаев отказа декальбов на машинах в личном пользовании? В каком соотношении?

– Сию секунду не могу привести вам точные цифры, – немного озадаченно ответил Стивенс, – но на транспорте личного пользования аварий практически не было. Пострадали в основном коммерческие линии.

– Так я и думал. Частник не полетит, когда нет настроения, а платному водителю приходится. Вне зависимости от того, как он себя чувствует. Примите меры к особому психофизическому обследованию всех коммерческих пилотов кораблей, где используются декальбы. Отстраняйте от полетов всех, кто хоть немного не в форме. Позвоните доктору Граймсу. Он скажет вам, на что обратить внимание.

– Это сложная задача, мистер Джонс. И вдобавок большинство таких пилотов, практически все, – это не наши служащие. Они нам неподконтрольны.

– Это ваша проблема, – пожал плечами Уолдо. – Моя забота – подсказать вам, как временно уменьшить число отказов, пока я не представлю вам окончательное решение проблемы.

– Но...

Уолдо не дослушал окончания фразы – он сам сказал все, что хотел, и прекратил разговор. Он уже звонил по другому, не знающему отдыха арендованному каналу, которым был связан со своей наземной конторой, со своими «гномами». И дал более чем странный приказ – достать книги, очень старые, очень редкие. Книги, посвященные магии.

Прежде чем что-то предпринять для исполнения требования Уолдо, Стивенс посоветовался с Глисоном. Глисон засомневался:

– Он объяснил, почему дает такой совет?

– Ни слова не сказал. Рекомендовал связаться с доктором Граймсом и получить у него более подробные указания.

– С каким еще доктором Граймсом?

– С врачом, который свел меня с Уолдо, с нашим общим знакомым.

– А-а-а, припоминаю. Н-да-а-а. Трудновато будет брать за ворот людей, которые работают не у нас. Однако полагаю, некоторые из наших крупных клиентов пошли бы нам навстречу, если бы мы к ним обратились и привели некие резоны. А почему вы так странно смотрите?

Стивенс рассказал Глисону о последнем необъяснимом заявлении Уолдо.

– Как думаете, это могло подействовать на него точно так же, как на доктора Рэмбо?

– Мм... Полагаю, могло. А в этом случае следование его советам к добру не приведет. Есть ли у вас еще какие-нибудь предложения?

– Откровенно говоря, нет.

– Тогда не вижу альтернативы. Придется последовать его совету. Он наша последняя надежда. Возможно, напрасная, но единственная.

Стивенс несколько приободрился:

– Можно бы поговорить об этом деле с доктором Граймсом. Уж он-то знает Уолдо, как никто на свете.

– Вы ведь все равно должны с ним проконсультроваться? Очень хорошо – сделайте это.

* * *

Рассказ Стивенса Граймс выслушал молча. Когда Стивенс закончил, врач сказал:

– Скорее всего, Уолдо имеет в виду симптомы, которые я наблюдал, занимаясь коротковолновым облучением. Дело несложное. Можешь взять гранки монографии, которую я подготовил. Прочти, и все поймешь.

Эта информация Стивенса не порадовала, а только усилила подозрения насчет того, что Уолдо маленько того. Но он ничего не сказал Граймсу, и тот продолжал:

– А что касаясь второго твоего вопроса, Джим, трудно мне себе представить, чтобы Уолдо свихнулся таким манером.

– Мне-то он никогда не казался особо уравновешенным.

– Понимаю, о чем ты говоришь. Но его параноидальные наклонности не в большей мере напоминают случай с Рэмбо, чем ветрянка свинку. На деле-то один психоз защищает от другого. Но я побываю у него, погляжу.

– Правда? Вот и славно.

– Но не нынче. Нынче мне надо присмотреть кое за кем. Несколько детишек простыли, перелом ноги со смещением, и, похоже, полиомиелит в округе прорезался. Так что раньше конца недели мне никак.

– Док, почему вы не откажетесь от общей практики? Ведь скучное же дело.

– И я так думал, когда был помоложе. Но примерно сорок лет назад перестал лечить болячки и начал лечить людей. И это доставляет мне радость.

* * *

Уолдо погрузился в оргию чтения, глотая трактаты по магии и близким темам с неимоверной быстротой. Раньше этими предметами он вообще не интересовался. Но теперь, когда велик оказался шанс, что в них можно почерпнуть что-то полезное, он, читая не просто так, а под определенным углом, нашел там очень много чего.

О некоем ином мире там упоминалось часто. Иногда его называли Иномиром, иногда малым миром. Будучи теперь убежден, что этим термином обозначается реально существующий, материальный континуум, отличный от нашего, Уолдо отчетливо видел, что многие мастера запретных искусств придерживались буквально той же точки зрения. И указывали, как можно использовать этот Иномир. Временами фантазировали, временами давали чисто практические советы.

Было совершенно очевидно, что по крайней мере девяносто процентов всей магии, а вероятно, и больше – это галиматья и чистой воды мистификация. Чувствовалось, что на мистификацию ловились даже профессионалы – им недоставало научного метода; они применяли однозначную логику так же неверно, как и двузначную логику устаревшего Спенсера детерминизма, и речи не было о современной расширенной, многозначной логике.

Тем не менее там, где дело касалось рассуждений о концепции иного, отличного, но доступного мира, в законах контактной, симпатической и гомеопатической магии¹⁰ чувствовалась некая извращенная правда. Человек, имеющий доступ в иное пространство, вполне мог бы исповедовать логику, в которой объект способен «быть», «не быть» или «быть чем угодно иным» с одинаковой легкостью.

Какими бы бессмысленными или путанными ни представлялись магические обряды, восходящие к поре, когда это искусство находилось в общем пользовании, перечень его достижений выглядел впечатляюще. Это маги обнаружили кураре, дигиталис, хинин, гипноз и теле-

¹⁰ «Контактная магия» – магические приемы, результаты которых наблюдаются сразу же после непосредственного прикосновения мага к человеку или предмету, над которым совершается обряд; «симпатическая магия» – магия, основанная на знании истинного имени человека или предмета или обладании их частицами (портретами, волосами, обрезками ногтей); «гомеопатическая магия», или «имитационная», – магические обряды состоят из имитации желаемых результатов (прокалывание фигурок иглами с целью вызвать смерть или болезнь, прысканье водой с целью вызвать дождь).

патию. Это маги Древнего Египта разработали гидравлические машины. Собственно, химия развилась из алхимии. Если уж на то пошло, многие современные науки своим происхождением обязаны колдунам. Наука отбросила все лишнее, пропустила сырой материал сквозь пресс двузначной логики и привела знание к формам, в которых оно стало доступно любому желающему.

К несчастью, та часть магии, которая оказалась несовместима с категориями, введенными методологией девятнадцатого века, была отброшена и отлучена от науки. Она приобрела дурную славу, была забыта и сохранилась лишь в виде басен и суеверий.

Поневоле закрадывалась мысль, что колдовство есть недоразвитое научное знание, отброшенное до того, как с ним удалось разобраться.

И все же проявления неопределенности, которыми характеризуются некоторые аспекты магии, те самые проявления, которые Уолдо начал теперь связывать с представлениями о гипотетическом дополнительном континууме, наблюдались достаточно часто и даже в наши времена. Свидетельства на эту тему оказывались поразительны для любого, кто подходил к ним без предубеждения: полтергейсты, камни, падающие с неба, явление материальных предметов из ничего во время спиритических сеансов, люди с дурным глазом, то есть, как теперь делается понятно, люди, по некоторым неясным причинам оказавшиеся средоточием неопределенности, дома с привидениями, странные возгорания, из тех, что когда-то связывали с саламандрами. Имелись сотни подобных случаев, записи о них были составлены тщательно и заверены, однако отвергнуты ортодоксальной наукой, объявлены «невозможными». С точки зрения известных закономерностей они и впрямь были невозможны; однако, если расценивать их с позиции наличия внешнего дополнительного континуума, они делались чем-то само собой разумеющимся, естественным.

Уолдо остерегался рассматривать свою предварительную гипотезу Иномира как доказанную; тем не менее это была приемлемая гипотеза даже в том случае, если некоторые непонятные случаи не удастся объяснить и с ее помощью.

В Иномиире могли действовать иные физические законы – а почему бы и нет? И все-таки он решил исходить из того, что это место во многом похоже на известный мир.

Иномиир мог оказаться обитаем. Интереснейшая мысль! В этом случае через «магию» оказывалось осуществимо что угодно. Что угодно!

Пора было кончать с отвлеченными рассуждениями и заняться небольшим, но глубоким исследованием. Прежде всего с сожалением пришлось отказаться от попытки применить формулы средневековых магов. Оказалось, что они никогда не описывали свои процедуры *полностью*; нечто существенное – и об этом упоминалось в записях, об этом свидетельствовал его собственный опыт – передавалось ученику непосредственно словом учителя. Подтверждалось это и опытом его общения со Шнайдером: были некоторые вещи, *отношение* к предмету изучения, которые обязательно требовали прямого обучения.

К сожалению, ему предстоит учиться всему, что необходимо, без посторонней помощи.

* * *

– Господи! Дядя Гэс, как я рад вас видеть!

– Да вот решил глянуть на тебя. Ты же мне несколько недель не звонил.

– Это правда, но, дядя Гэс, я был жутко занят работой.

– И поди, чересчур. Перебирать-то не след. Дай-ка глянуть на твой язык.

– Да все со мной в порядке.

Но язык все равно пришлось высунуть; Граймс осмотрел его и пощупал пульс.

– Похоже, с тобой все в порядке. До чего-нибудь докапываешься?

– Еще как! Почти довел до конца дело с декальбами.

– Отлично. Из твоего разговора со Стивенсом, похоже, следует, что ты нашел какую-то зацепку, которая заодно сгодится и для моей любимой задачки.

– Да. Некоторым образом. Но я сказал бы наоборот. Смахивает на то, что заботы Стивенса – это следствие проблемы, которую углядели вы.

– То есть?

– Вот именно. Симптомы, вызванные ультракоротковолновым облучением, очень сильно влияют на надежность декальбов.

– Каким образом?

– Точно еще не знаю. Но рабочую гипотезу я разработал и как раз сейчас ее проверяю.

– Н-да-а-а. Есть желание побеседовать на эту тему?

– Очень большое. Причем именно с вами.

Уолдо пустился в рассказ о подробностях своего свидания со Шнайдером, насчет которых прежде Граймсу ни словом не обмолвился, хотя Граймс сопровождал его туда и обратно. Граймс знал, Уолдо ничего не обсуждает, пока не будет к этому готов.

Услышав о третьем комплекте декальбов, зараженных невероятными подергиваниями, Граймс недоверчиво поднял бровь:

– Ты хочешь сказать, что понял, *как* это сделать?

– Вот именно. Точнее сказать, не «как». Я просто *могу* это делать. И делал уже не раз. Я вам покажу.

Уолдо отплыл в ту сторону помещения, где на временных растяжках были пристегнуты несколько комплектов декальбов, больших и малых, каждый со своей панелью управления.

– Гляньте на этот крайний. Его доставили нынче. Вышел из строя. Сейчас я применю к нему фокус-покус Шнайдера, и он заработает. Одну минуточку. Я забыл включить питание.

Он вернулся к центральному кольцу, занял свое обычное место и включил излучатель энергии. Поскольку «Фригольд» отлично экранировал все находящееся внутри от внешних излучений, пришлось установить в космическом доме небольшую энергоцентральный и малый излучатель примерно того же типа, что и гигантская аппаратура НАПЭ; без них не было бы возможности испытывать декальбы в рабочем состоянии.

Снова присоединившись к Граймсу, Уолдо прошелся вдоль линии декальбов, включая активирующие цепи. Все, кроме двух, начали выказывать странную подвижность антенн, которую он про себя начал называть «подвижностью Шнайдера».

– Вон тот на дальнем конце работает, но не дергается, – предупредил Уолдо. – Он никогда не выходил из строя и, стало быть, не нуждался в обработке. Это мой контрольный прибор. А вот этот, – он указал на аппарат прямо перед собой, – нуждается в ремонте. Следите за мной.

– Что ты собираешься делать?

– Правду сказать, и сам не знаю. Но сделаю.

Уолдо не знал. Знал только одно: необходимо, не сводя глаз с антенн, представлять себе, как они проникают в Иномир, как тянутся за силой, тянутся, тянутся...

Антенны начали извиваться.

– Вот и все, что надо. Но это строго между нами. Я научился этому у Шнайдера.

Они возвратились к центру сферы. Предложил это Граймс под предлогом желания взять сигарету. А на деле при виде извивающихся антенн ему стало не по себе, но не хотелось говорить об этом.

– Как ты это объясняешь?

– Как не совсем понятное проявление инопространства. Мне о нем известно меньше, чем Франклину о природе молнии. Но я дознаюсь. Обязательно! И мог бы, не сходя с места, разрешить затруднения Стивенса, если бы знал, как справиться и с вашей проблемой.

– Не вижу связи.

– Должен быть какой-то способ добиться общего результата через инопространство. Научиться излучать энергию в инопространство, а потом черпать ее оттуда. Тогда излучение не оказывало бы вредного воздействия на человеческий организм. Оно никогда бы не соприкоснулось с ним; оно распространялось бы в обход. Я вожусь над этим со своим излучателем, но пока что безуспешно. Однако своего добьюсь.

– Надеюсь. Кстати, а разве излучение от твоей станции гуляет по этому помещению?

– Да.

– Тогда напялю-ка я свое защитное пальтецо. И тебе тоже это не на пользу.

– Без разницы. Сейчас выключу.

Едва Уолдо обернулся к выключателю, раздалось приятное чириканье. Бальдур гавкнул. Граймс огляделся по сторонам, высматривая, откуда звук.

– Ты что тут себе завел? – спросил он.

– Вы о чем? Ах это. Это мои часы с кукушкой. Забавно, верно?

Граймс согласился, что забавно, хотя особой пользы в этом приобретении не видел. Уолдо пристроил часы на ободке легкого металлического колеса, вращавшегося с такой скоростью, чтобы часы находились под действием центробежной силы в одно g .

– Смастерил эту игрушку, пока раздумывал над проблемой инопространства, – продолжал Уолдо. – Надо было чем-то руки занять.

– Насчет этого инопространства я как-то не совсем четко понимаю.

– Представьте себе континуум, очень похожий на наш и наложенный на наш примерно так же, как один лист бумаги накладывается на другой. Оба пространства неслитны, они отделены одно от другого самым малым интервалом, какой только можно себе вообразить. Они сосуществуют, но обычно не соприкасаются. Имеет место взаимная однозначность между точками обоих пространств, как мне представляется, хотя они необязательно имеют одни и те же размеры или форму.

– Эй, подумай лучше – они *должны* их иметь.

– никоим образом. Представим себе отрезок прямой длиной в милю и отрезок длиной в дюйм. В котором из них больше точек?

– Разумеется, в том, что длиной с милю.

– Нет. Количество точек в них обоих одинаково. Хотите, докажу?

– Верю тебе на слово. В жизни не занимался этими разделами математики.

– На слово так на слово. Ни размеры, ни форма не являются помехой для установления полного точечного взаимосоответствия двух пространств. Да и сами эти понятия тут, по существу, неприменимы. «Размеры» – это вопрос внутренней структуры пространства, его протяженности, выраженной через свойственные ему одному постоянные. А «форма» существует сама по себе – по крайней мере, вне *нашего* пространства, – это проблема кривизны пространства, его открытости или замкнутости, динамики расширения или сжатия.

Граймс пожал плечами:

– На мой слух это звучит как тарабарщина.

И отвернулся, глядя, как вертятся на своем колесе часы с кукушкой.

– Наверняка, – радостно согласился Уолдо. – Мы ограничены собственным опытом. Знаете, каким я представляю Иномир? (То был чисто риторический вопрос.) Он представляется мне размерами и формой похожим на страусиное яйцо, но тем не менее целой вселенной, существующей бок о бок с нашей и здесь, и в окрестностях самой далекой звезды. Я знаю, что это ложное представление, но так мне легче все это себе представить.

– Дело твое, – сказал Граймс и кувыркнулся в воздухе: от непрерывного верчения часов с кукушкой у него слегка закружилась голова. – Слушай! По-моему, ведь ты выключил излучатель?

– Выключил, – согласился Уолдо и посмотрел туда же, куда и Граймс. И увидел шевелящиеся антенны декальбов. – Или думал, что выключил, – произнес он с сомнением и бросил взгляд на панель управления излучателем. И у него глаза полезли на лоб. – Но я *вправду* его выключил. Он вправду *выключен*.

– Но тогда какого же дьявола...

– Да помолчите вы!

Он должен был подумать – и подумать хорошенько. Действительно ли излучатель не работает? Уолдо подплыл к нему, осмотрел. Да, он был мертв, так же как динозавры. Просто для того, чтобы лишний раз убедиться, он вернулся, надел свои «уолдо», залез в нужные схемы и частично рассоединил их. Но декальбы продолжали шевелить антеннами.

Не теплился один-единственный комплект декальбов, тот, над которым не была проделана обработка по Шнайдеру; от него не доносилось никакого шума. А все остальные работали, неистово добывая энергию. Но *откуда?*

Уолдо попытался припомнить, упоминал или нет Маклеод, разговаривая со Шнайдером, об излучателях, от которых декальбам полагается получать энергию. Он сам, Уолдо, об излучателях даже не обмолвился. Просто к слову не пришлось в разговоре. Но Шнайдер что-то сказал. «Иномир близко, и силы в нем полным-полно».

А он, Уолдо, хотя и собирался буквально толковать речи старика, на эту фразу не обратил внимания. «В Иномире силы полным-полно».

– Простите, что я наорал на вас, дядя Гэс, – сказал он.

– Не бери в голову.

– Но что вы об этом думаете?

– Похоже, ты изобрел вечный двигатель, сынок.

– Возможно – в каком-то смысле. Или отменил закон сохранения энергии, что тоже звучит неплохо. Эти декальбы черпают энергию, которой никогда не было в нашем мире!

– Н-да-а-а.

Чтобы проверить это предположение, Уолдо вернулся к кольцу управления, вставил руки в «уолдо», включил переносный сканер и обследовал пространство вокруг декальбов самыми чувствительными датчиками радиоизлучения, какими располагал. Стрелки приборов даже не дрогнули; на длинах волн, к которым чувствительны декальбы, в помещении ничего не теплилось.

Энергия поступала из инопространства. Не от его излучателя, не от излучающих станций НАПЭ, а из инопространства. Но в этом случае он, Уолдо, даже не приблизился к решению проблемы неисправных декальбов; и быть может, так никогда ее и не решит. Погодите, погодите, а что именно записано у него в контракте? Он попытался вспомнить точную формулировку.

Возможно, есть способ обойти это дело. Возможно. Да, и этот свежий нахальный трюк питомцев Грэмписа Шайдера может иметь весьма замысловатые последствия. Он видел кое-какие возможности, но надо было подумать.

– Дядя Гэс...

– Что, Уолдо?

– Вы можете вернуться и передать Стивенсу, что у меня готов окончательный ответ. Его проблему мы решим, и вашу тоже. А тем временем мне вправду надо очень серьезно подумать, и я хочу побыть наедине с самим собой. Будьте так добры.

* * *

– Приветствую вас, мистер Глисон. Бальдур! Тихо! Входите. Устраивайтесь поудобнее. Как дела, доктор Стивенс?

– Как дела, мистер Джонс?

– А это мистер Харкнесс, – сказал Глисон, указывая на появившуюся следом фигуру. – Он руководит нашим юротделом.

– Ах да, действительно. Нам же предстоит обсудить вопрос о контракте. Добро пожаловать во «Фригольд», мистер Харкнесс.

– Благодарю, – холодно сказал Харкнесс. – Ваши адвокаты будут присутствовать?

– Они уже здесь, – указал Уолдо на стереоэкран, где видны были две фигуры. Фигуры поклонились и пробормотали что-то вежливое.

– Это все очень неправильно, – заметил Харкнесс. – Свидетели должны присутствовать лично. Услышанное и увиденное по телевизору в качестве свидетельских показаний к рассмотрению не принимается.

Уолдо поджал губы:

– Это ваше официальное возражение?

– Ни в коем случае, – поспешно сказал Глисон. – Чарльз, не настаивайте.

Харкнесс уgomонился.

– Господа, не стану отнимать у вас время, – приступил к делу Уолдо. – Мы собрались, чтобы я мог исполнить свое обязательство по контракту. Условия известны, не будем их повторять. – Он сунул руки в свои задающие «уолдо». – Вот здесь, у дальней стены, вы видите ряд приемников силового излучения, в просторечии именуемых декальбами. Доктор Стивенс может, если желает, сверить их серийные номера...

– Нет необходимости.

– Очень хорошо. Я включу свой местный излучатель, чтобы мы имели возможность убедиться: он работает удовлетворительно. – Пока Уолдо говорил, «уолдо» хлопотливо трудились. – А затем я по одному приведу в действие приемники.

Его руки замелькали в воздухе; пара малых «уолдо» включила нужные переключатели на пульте управления последнего в ряду аппарата.

– Это декальб обычного типа, ни разу не отказавший в работе. Его доставил мне доктор Стивенс. Доктор, если угодно, вы можете убедиться, что он работает нормальным образом.

– Мне это и так видно.

– Впредь мы будем называть такие приемники «декальбами», а их работу «обычной». – Малые «уолдо» опять захлопотали. – А вот тут у нас приемники, которые я предпочел бы называть «шнайдер-декальбами», поскольку они подверглись определенной обработке, – антенны зашевелились, – а их работу – «работой по Шнайдеру». Доктор, вы не возражаете?

– О'кей.

– Вы привезли с собой пришедший в негодность приемник?

– Как видите.

– Вы способны привести его в действие?

– Нет, не способен.

– Вы уверены? Вы его тщательно изучили?

– Более чем тщательно, – кисло признал Стивенс, которому начала надоедать напыщенная болтовня Уолдо.

– Очень хорошо. А теперь я приведу его в действие.

Отплыв со своего места в центральном кольце и добравшись до неисправного декальба, он расположился так, чтобы всем телом заслонить свои действия от глаз наблюдателей. А потом вернулся в кольцо и с помощью «уолдо» включил этот декальб.

Тот немедленно заработал «по Шнайдеру».

– Господа, вот результат, – объявил Уолдо. – Мною разработан метод восстановления декальбов, самопроизвольно вышедших из строя. Я возьму на себя обязательство применить процедуру Шнайдера к любым приемникам, которые вы мне доставите. Платить за это вам не

придется, это входит в счет моего гонорара. Я возьмусь обучать ваш персонал, как производить обработку по Шнайдеру. Тоже в счет своего гонорара. Однако не могу гарантировать, что действовать в соответствии с моими наставлениями сможет любой ваш работник. Не вдаваясь в технические подробности, могу сказать, что процедура очень сложна и требует гораздо больших усилий, чем представляется. Думаю, доктор Стивенс вам это подтвердит, – улыбнулся он одними губами. – Считаю, что наше соглашение с моей стороны выполнено полностью.

– Минутку, мистер Джонс, – вмешался Глисон. – А надежен ли декальб, прошедший процедуру по Шнайдеру?

– Абсолютно. Я это гарантирую.

Гости сошлись в кружок и забыли. Уолдо ждал. Наконец Глисон ответил за всех:

– Мистер Джонс, это не совсем те результаты, которых мы от вас ожидали, но мы согласны: ваши обязательства по отношению к нам выполнены. Разумеется, при условии, что вы обработаете по Шнайдеру любые декальбы, которые к вам доставят, и обучите этому наш персонал, способный к такому обучению.

– Не возражаю.

– Ваш гонорар будет сию же минуту переведен на ваш счет.

– Отлично. Все поняли, все согласны? Успешно ли и в полной ли мере я исполнил ваше поручение?

– Совершенно верно.

– Вот и прекрасно. Если ваше терпение не иссякло, мне хотелось бы показать вам еще одну вещь.

Секция стены сложилась в гармошку, гигантские «уолдо» устремились в открывшееся помещение и извлекли оттуда громадный прибор, своим видом несколько напоминавший обычный комплект декальбов, но значительно более усложненный. Большая часть этих усложнений была чистой воды декорацией, но даже у опытного инженера на доказательство этого ушла бы уйма времени.

У машины была одна новая особенность – встроенный счетчик нового типа, рассчитанный на работу в течение заданного срока, а затем саморазрушающийся, и радиоустройство, позволяющее изменять этот срок. Кроме того, счетчик должен был уничтожить себя и приемник, если в конструкцию сунется кто-то, кто в ней не разбирается. Таким образом Уолдо намеревался предварительно решить вопрос о торговле свободной и неограниченной энергией.

Но об этих вещах он не сказал ни слова. Малые «уолдо» захлопотали, крепя аппарат к временным растяжкам. Когда с этим было покончено, Уолдо произнес:

– Господа, перед вами прибор, который я решил назвать «джонс-шнайдер-декальб». А его существование означает, что больше вам энергией не торговать.

– Вот как? – сказал Глисон, – Могу ли я узнать почему?

– Потому, – прозвучало в ответ, – что я могу сделать энергию дешевле, доступнее и продавать ее на таких условиях, с которыми вы никогда не сможете конкурировать.

– Сильно сказано.

– И сейчас будет показано. Доктор Стивенс, вы обратили внимание, что все остальные приемники работают. Вот я их выключаю. – Захлопотали «уолдо». – А теперь я выключаю свой излучатель и прошу вас убедиться с помощью своей аппаратуры, что в этом помещении *нет* никакой лучистой энергии, кроме энергии видимого света.

Несколько помрачневший Стивенс занялся своими приборами.

– Поток энергии в помещении отсутствует, – объявил он несколько минут спустя.

– Хорошо. Держите свою аппаратуру включенной, чтобы можно было и в дальнейшем убедиться в этом. А я приведу в действие свой приемник. – Металлические ручки замкнули переключатели. – Доктор, наблюдайте. Всесторонним образом наблюдайте.

Стивенс повиновался. Приборам на пульте не поверил, включил в параллель свои.

– И что скажете, Джеймс? – прошептал Глисон.

Стивенс неприязненно поморщился:

– Эта чертова штука черпает энергию из ниоткуда.

Все посмотрели на Уолдо.

– Господа, я вас не тороплю, – благородно сказал Уолдо. – Совещайтесь, сколько вам будет угодно.

Гости удалились, насколько позволяло помещение, и пустились в перешептывания. Было видно, что Глисон и Харкнесс вступили в спор, а Стивенс целиком ушел в себя. Это было как нельзя более кстати. Уолдо от всей души надеялся, что Стивенс не решится еще раз взглянуть на навороченную штуку, которую он назвал «джонс-шнайдер-декальбом» – ДШДК. Ни к чему было, чтобы Стивенс разобрался в ней. По крайней мере, до поры до времени. Уолдо тщательно следил за тем, чтобы говорить о ДШДК только правду, однако не всю: не упомянул, что все декальбы, обработанные по Шнайдеру, являются источниками свободной энергии. Выйдет неловко, если Стивенс обнаружит это раньше времени!

Счетчику-разрушителю Уолдо нарочно придал таинственный и сложный вид, но установил его не зря. Чуть позже он объяснит им – и это будет соответствовать истине, – что без этого устройства НАПЭ просто не сможет сохранить свой бизнес.

Уолдо был очень напряжен. Игра была рискованная; он предпочел бы знать гораздо больше о явлении, следствиями которого пытался торговать вразнос, однако – и тут он мысленно пожал плечами, храня самоуверенную усмешку, – дело тянется уже несколько месяцев, а ситуация с энергией критическая. Это решение должно сработать, если он сможет заполучить их подписи под договором достаточно быстро.

Потому что на самом деле он вовсе не собирался конкурировать с НАПЭ.

Глисон отделился от общества Стивенса с Харкнессом и подплыл к Уолдо:

– Мистер Джонс, а не могли бы мы уладить это дело полюбовно?

– Что вы намерены мне предложить?

* * *

Примерно час спустя Уолдо со вздохом облегчения наблюдал, как судно гостей отваливает от причала. «По высшему классу розыгрыш, – думал он. – И ведь сработал, мне все сошло с рук». Он великодушно позволил, чтобы его уговорили объединиться, и добился – и тут позволил себе проявить нешуточную горячность – немедленного заключения контракта, без проволочек и адвокатских дуэлей. Теперь или никогда, либо делаем дело, либо кончаем разговоры. И он с благородным видом подчеркнул, что в предлагаемом контракте есть пункт, в котором говорится, что он не получит ровным счетом ничего, если его заявления насчет ДШДК в дальнейшем не подтвердятся.

Глисон обдумал этот пункт, решил подписать контракт и сделал, как решил.

Даже после этого Харкнесс попытался выдвинуть претензию, мол, Уолдо – служащий НАПЭ. Мол, ранее сам подписал контракт на исполнение особого поручения за обусловленный гонорар. Претензия была явно высосана из пальца, даже Глисон согласился с этим.

В обмен на все права на ДШДК, на который Уолдо согласился представить чертежи – ждите, пока Стивенс увидит эти эскизы и разберется в них! – ему была обещана мажоритарная доля акций НАПЭ без права голоса, но полностью оплаченная и не подлежащая налогообложению. Неучастие в делах компании – это была его собственная идея. В торговле энергией предстояли головоломные трудности, причем в изобилии. Можно было предвидеть, что начнется: браконьерские приспособления, хитрости для обхода счетчиков, да мало ли что еще. Близилась эра свободного энергопотребления, и усилия остановить ее в перспективе бесплодны, Уолдо был в этом убежден.

Он так хохотал, что перепугал Бальдура – пес забеспокоился и громко залаял.

Теперь можно позволить себе забыть про патенты Хатауэя.

Однако в его торжестве над НАПЭ оставалась одна заковыка, чреватая последствиями: он заверил Глисона, что декальбы, «обработанные по Шнайдеру», впредь будут работать безотказно. Он верил, что так и будет, просто потому, что полагался на Грэмпа Шнайдера. Однако доказать не смог бы. И сам понимал, что слишком мало знает о явлениях, связанных с Иномиром, чтобы ясно различать, что может, а чего не может случиться. Это все еще требовало обширного и тщательного исследования.

Но Иномир – это дьявольски непростое место для исследований!

Предположим, рассуждал он, что человеческая порода слепа, что зрение у нее так и не развилось. Оставим в стороне вопрос, насколько слепые могли бы цивилизоваться, просветиться и усвоить научные представления, но трудно себе представить, чтобы они хоть когда-нибудь сумели в принципе развить у себя астрономию. Они могли бы знать о Солнце как о циклическом источнике энергии, который периодически меняет интенсивность и направление излучения, поскольку Солнце так могуче, что его можно «видеть» кожей. Обнаружив это, они могли бы изобрести приборы, которые улавливают солнечный свет, могли бы изучать Солнце.

Но разве они в силах были бы заметить бледные звезды? Маловероятно. Само существование небесной вселенной, ее безмолвные бездны и осиянное величие были бы для них непредставимы. И даже если бы кто-то из их ученых каким-то образом оказался вынужден принять наличие вселенной, причем не как фантастическое, невероятное допущение, а как факт, как бы он мог исследовать этот факт в подробностях?

Уолдо попытался вообразить себе фототелескоп, изобретенный и сконструированный слепцом, задуманный так, чтобы слепец мог им управлять и мог бы накапливать сведения, в которых могли бы разобраться другие слепцы. Он отказался от этой затеи: слишком много ловушек оказывалось на пути. Потребовалась бы гениальная изощренность ума, намного превосходящая его собственную, чтобы провести мысль по извилистым путям логических умозаключений для решения этой проблемы. Даже *ему*, зрячему, было весьма непросто изобрести телескоп для слепого, и он не понимал, как слепой без посторонней помощи может преодолеть возникающие трудности.

В каком-то смысле такую помощь оказал ему Шнайдер, в одиночку он безнадежно застрял бы в самом начале пути.

Но даже с подсказками Шнайдера проблема исследования Иномира мало чем отличалась от проблемы слепого астронома. Он не мог *видеть* Иномир, он мог только прикоснуться к нему, применяя «процедуру по Шнайдеру». Будь оно проклято! И как на такой основе конструировать приборы для его изучения?

Видимо, в конце концов придется еще раз побывать у Шнайдера в поисках наставлений, но поездка на Землю вызывала у него такое отвращение, что Уолдо отбросил саму мысль о ней. Опять же Грэмпа Шнайдер вряд ли сможет научить его чему-то еще – они говорят на разных языках.

Инопространство существует и оказывается достижимо при определенной направленности разума: либо сознательной, чему учил Шнайдер, либо подсознательной, жертвами которой оказались Маклеод и ему подобные, – это все, что дано знать.

То, что мысль, и только мысль сама по себе способна воздействовать на физические явления, противоречило всей материалистической философии, в которой он вырос. В этом представлении было что-то крайне неприятное. Похоже, убежденность в неизбежности физических законов и миропорядка – предрассудок и он, Уолдо, находится у такового в плену. Люди, предопределившие его мировоззрение, натурфилософы, создавшие мир науки и сопутствующих технологий: Галилей, Ньютон, Эдисон, Эйнштейн, Штейнмец, Джинс и мириады их коллег рассматривали физическую Вселенную как механизм, действующий по жестким правилам.

Любые явные отклонения от этих правил рассматривались либо как ошибки в наблюдениях, либо как неудовлетворительность построенных гипотез, либо как следствие недостаточности имеющихся сведений.

Даже краткое воцарение принципа неопределенности Гейзенберга не изменило фундаментального ориентирования на упорядоченный космос; сама эта неопределенность рассматривалась как нечто определенное! Ее можно было выразить, описать с помощью формулы, на ней оказалось возможно построить строгую статистическую механику. А в 1958 году, когда Горовитц переформулировал волновую механику, эту концепцию удалось отбросить¹¹. Порядок и причинность были восстановлены в правах.

И вдруг такое дело, будь оно неладно! Ведь с тем же успехом теперь можно молиться о ниспослании дождя, загадывать желания в полнолуние, ходить к целителям верой и в конце концов капитулировать перед сладостным «мир-у-меня-в-голове» епископа Беркли: «Не бытует сей клен в отсутствие взглядов зевак».

* * *

Уолдо не был так всецело предан Абсолютному Порядку, как Рэмбо; ему не угрожало умственное расстройство по случаю краха основополагающих принципов; и тем не менее, такого-распротак, удобно, когда все работает, как ты ожидаешь. Из порядка и закона природы выводится предсказуемость, без предсказуемости жить невозможно. Часы должны идти равномерно; вода должна кипеть при нагревании; пища должна насыщать, а не отравлять организм; приемники де-Кальба должны *работать*, причем так, как полагал их конструктор; хаос невыносим, и жить в нем никак нельзя.

Предположим, однако, что хаос – всему голова и что порядок, который, как нам представляется, мы обнаружили в окружающем нас мире, всего лишь плод воображения, к чему это нас приведет? В этом случае, решил Уолдо, вовсе не исключено, что десятифунтовая гирия *действительно* падала в десять раз быстрее фунтовой до того самого дня, когда дерзновенный Галилей выдумал и объявил, что это не так. Не исключено, что вся с великим тщанием продуманная теоретическая механика развилась из представлений нескольких твердолобых личностей, навязавших миру свои воззрения. Возможно, сами звезды твердо придерживаются своих курсов благодаря твердой вере астрономов. Так и создали из Хаоса упорядоченный космос – посредством Разума!

Мир был плоским до тех пор, пока географы не решили иначе. Мир был плоским, и Солнце, величиной с лохань, восходило на востоке и заходило на западе. Звезды были крохотными огоньками, усыпавшими прозрачный купол, едва-едва возвышавшийся над самыми высокими горами. Грозы были гневом богов и не имели отношения к движениям воздушных масс. Тогда в мире господствовал созданный Разумом анимизм.

Ближе к нашим временам это изменилось. Миром стала править распространившаяся договоренность относительно материалистической и неизменной причинности; на ней целиком воздвиглась технология цивилизации, обслуживаемой машинами. Эти машины и впрямь *работали* так, как было задумано конструкторами, потому что все верили, что так должно быть.

И так оно тянулось до тех пор, пока несколько пилотов, неким образом одуревших от длительного мощного электромагнитного облучения, не потеряли уверенность в себе и не

¹¹ Повесть была написана в 1942 году. Первоначально Хайнлайн отнес ниспровержение принципа неопределенности Гейзенберга к 1950 году. При переиздании повести в сборнике «Waldo and Magic, Inc» в 1950 году он сдвинул дату еще на восемь лет вперед. Но принцип неопределенности по-прежнему остается одним из краеугольных камней квантовой механики. – *Примеч. С. В. Голд.*

заразили свои машины неопределенностью. Вот с какого момента черная магия ходит по белу свету.

Он решил, что начал понимать, что случилось с магией. Магия была нестабильным законом анимистического мира, ее неуклонно вытесняла прогрессирующая философия неизменной причинности. Потом она исчезла – до сегодняшнего рецидива, – и ее мир тоже исчез, остались только темные заводы «суеверий». Это было естественно. Любой добросовестный экспериментатор, исследуя дома с привидениями, образование материальных тел во время спиритических сеансов и все такое прочее, сообщал о неудаче опытов. Своими убеждениями он не давал этим явлениям проявиться.

Лишь там, где не увидишь белого человека, в глубине африканских джунглей, могли сохраниться совсем иные места. Там все еще, возможно, правили бал диковинные, неуловимые законы магии.

Возможно, эти рассуждения были уж слишком сильным перегибом, и тем не менее за ними было преимущество, которым не обладали ортодоксальные концепции: они объясняли колдовство, которое Грэмпис Шнайдер чинил над декальбами. Любая рабочая гипотеза, которой не под силу было объяснить способность Шнайдера – и его самого, Уолдо, – *мысленно* приводить декальбы в рабочее состояние, не стоит ни гроша. Эта гипотеза объясняла все, и с ней согласовывались заявления Грэмписа типа: «На свете нет ничего определенного» и «Кое-что одновременно *и существует, и не существует*. Смотреть на вещи можно хоть сотней способов. Некоторые годятся, а некоторые нет».

Очень хорошо. Примем эту гипотезу. И будем действовать по ней. Мир изменяется в зависимости от того, каким образом на него смотрят. Но если так, то уж он-то, Уолдо, знает, каким образом смотреть. Он отдает свой голос за порядок и предсказуемость!

И *навяжет* этот взгляд. Введет в упорядоченный космос *свое собственное* представление об Иномире!

Заверения, данные Глисону, о надежности обработанных «по Шнайдеру» декальбов в этом случае следует считать добрым началом. Значит, так и будет. Сказано, что надежны, значит и будут надежны. Не выйдут из строя никогда.

Постепенно в его голове складывалась и прояснялась собственная концепция Иномира. Хотелось считать его упорядоченным и в основном подобным здешнему пространству. А местом смыкания обоих пространств мыслилась нервная система: кора головного мозга, зрительные бугры, спинной мозг и прилегающие участки нервных путей. Эта картина отвечала тому, что говорил Шнайдер, и не противоречила явлениям, как он сам, Уолдо, их понимал.

Постойте! Если нервная система расположена в обоих пространствах, то, возможно, именно это и приводит к относительно медленному распространению нервных импульсов по сравнению со скоростью света. Да! Если в инопространстве константа c меньше, чем в здешнем, то это так и должно быть.

Он начал чувствовать твердую уверенность, что это *так и есть*.

Что он делает сейчас, просто рассуждает? Или создает новую вселенную?

Возможно, придется отказаться от сложившегося в уме образа инопространства, размерами и формой напоминающего страусиное яйцо, поскольку пространство с более медленной скоростью света не меньше, а больше привычного пространства. Нет... Нет, погодите минутку, размеры пространства зависят не от постоянной c , а от радиуса кривизны, выраженного через эту постоянную. А так как c – это скорость, то, значит, размеры зависят от представлений о времени – в данном случае о времени как скорости изменения энтропии. В том и заключается особенность, позволяющая сравнить оба пространства: они обмениваются энергией, и, следовательно, каждое влияет на энтропию соседнего.

То, которое быстрее приближается к постоянному уровню энтропии, должно быть «меньшим».

Так что нет нужды отказываться от образа страусинового яйца, с которым так сроднился! Иномир есть замкнутое пространство с меньшей скоростью света, с высокой скоростью изменения энтропии, с малым радиусом и почти постоянной энтропией – идеальный резервуар энергии по всем параметрам, готовый излиться в здешнее пространство, как только происходит замыкание межпространственного интервала. Для своих собственных обитателей, если таковые существуют, Иномир может выглядеть простирающимся на сотни миллионов световых лет; для него, для Уолдо, он страусиное яйцо, которое вот-вот взорвется от избытка энергии.

Стали приходить мысли о способах проверки собственной гипотезы.

Если, используя снайдер-декальбы, начать отбор энергии с максимально возможной быстротой, удастся ли воздействовать на местный потенциал? Не образуется ли градиент энтропии? Можно ли повернуть процесс вспять, отыскав способ закачивать энергию в Иномир? Нельзя ли создать разные уровни в разных точках и таким образом произвести проверку перехода к постоянной максимальной энтропии?

Дает ли скорость распространения нервных импульсов удобный ключ к определению c в инопространстве? Можно ли, применяя этот ключ в сочетании с энтропией и исследованием потенциала, получить математическое описание инопространства в рамках представлений о его мировых константах и его возрасте?

Уолдо занялся этим. Его вольные, ничем не сдерживаемые рассуждения закончились определенным положительным результатом: выявилось по крайней мере одно направление, с которого можно было подступить к этому инопространству, – он разработал принцип действия для телескопа слепца. Какова бы ни была истина об этом континууме, она больше чем некая истина – это целая последовательность новых истин. Вот подлинный состав этой последовательности: истины, характеристические закономерности, что внутренне присущи инопространству, плюс новые истинные закономерности, которые проистекают из взаимодействия характеристик инопространства с обычным пространством. Рэмбо напоследок крикнул, что может случиться все, что угодно. И неудивительно. Почти все возможно, все так или иначе вероятно, если правильно применять и сочетать три набора закономерностей: закономерности нашего пространства, закономерности инопространства и закономерности связи между ними обоими.

Но прежде чем теоретики смогут приступить к работе, отчаянно необходимы новые данные. Теоретик из Уолдо был никакой, и сам он как бы с изнанки признавал этот факт, решив для себя, что теория – это непрактичная и ненужная потеря времени для него как инженера-консультанта. Пусть ею занимаются безволосые обезьяны.

Но инженеру-консультанту предстояло выяснить ответ на вопрос, будут ли снайдер-декальбы и дальше бесперебойно функционировать, гарантирует ли он это? А если не гарантирует, то что нужно сделать, чтобы обеспечить это функционирование?

Самая трудная и самая интересная сторона подобного исследования должна была быть связана с выяснением взаимоотношений между нервной системой и инопространством. Ни электроизмерительная техника, ни нейрохирургия не были продвинуты настолько, чтобы обеспечить точную работу на тех уровнях, которые Уолдо предполагал исследовать.

Но ведь у него были «уолдо».

Самые малые из «уолдо», которые он до сих пор применял, имели ладони поперечником примерно полдюйма и, разумеется, соответствующий микросканер. Для того, что он задумал, они были слишком велики. А задумал он опыты с живой нервной тканью, изучение ее изоляции, и ее поведения *in situ*¹².

Он употребил эти крохотные «уолдо» для изготовления еще меньших.

¹² *In situ* – по месту нахождения (лат.) – Примеч. С. В. Голд.

На последней стадии он соорудил крохотные металлические лепестковые зажимы с поперечником чуть больше одной восьмой дюйма. Пружины в их сочленениях, служившие псевдомышцами, едва можно было разглядеть невооруженным глазом – но у него были сканеры.

В окончательный набор «уолдо», которые он применил для нейрохирургии мозга, вошла целая последовательность механических рук: от обычных, почти в натуральную величину, до этих сказочных крох, которые могли обращаться с предметами слишком малыми, чтобы за ними можно было наблюдать простым глазом. Они были смонтированы так, чтобы работать в одном и том же месте. Уолдо управлял ими одними и теми же задающими «уолдо» и мог менять исполнителей, не снимая перчаток. Тем же переключением, которым производилась смена манипуляторов, достигалась и автоматическая перемена параметров сканирования, рост или уменьшение увеличения, так что Уолдо постоянно видел по стереоприемнику изображение своих рабочих рук «в натуральную величину».

Для каждого комплекта «уолдо» были свои хирургические инструменты и свое электрооборудование.

Такой операции никто раньше не проводил, но Уолдо не придавал этому значения; никто не сказал ему, что подобная операция была чем-то неслыханным.

К своему великому удовлетворению, он установил-таки механизм, посредством которого коротковолновое облучение расстраивает физиологическую деятельность человеческого организма. Синапсы между дендритами действовали как точки утечки. И нервным импульсам иногда не удавалось перепрыгнуть с дендрита на дендрит, они куда-то стекали. Куда? Уолдо был уверен, что в инопространство. Дело выглядело так, что такая утечка создавала предпочтительный путь, некий сток, вызывающий постоянное ухудшение состояния жертвы. Мышечная деятельность не совсем затухала, так как доступны оставались оба пути, но ее эффективность падала. Картина складывалась примерно такая же, как в электросхеме из металлических проводов с некачественной изоляцией относительно «земли».

Большую часть этих экспериментальных данных Уолдо получил в дар от несчастного кота, погибшего во время этих опытов. Кот родился и вырос вне мощных полей излучения. Наблюдая второстепенные подробности процессов, происходящих в нервных тканях, Уолдо подверг животное мощному облучению и увидел, как кота поразила *myasthenia*, почти такая же полная, как и его собственная.

Когда кот скончался, Уолдо чуть не расчувствовался над ним.

* * *

Но если Грэмпис Шнайдер прав, то вовсе нет нужды разрушать излучением человеческий организм. Если у людей достанет ума на взгляд с нужной стороны, излучение на них не подействует; они даже смогут черпать энергию из Иномира.

Именно этим предлагал ему заняться Грэмпис Шнайдер.

Причем именно *ему самому!*

Грэмпис Шнайдер сказал, что ему нет нужды быть слабым!

Что он может стать сильным...

Сильным!

СИЛЬНЫМ!

До сих пор как-то о том не подумалось. Дружеская забота Шнайдера, его советы о преодолении слабости, которые он проигнорировал, не имели для него никакого значения. Свою слабость, свою особенность, отличавшую его от безволосых обезьян, он, Уолдо, рассматривал как изначальный, само собою разумеющийся факт. Еще ребенком принял как данное свыше, как впрямь не подлежащее пересмотру.

И естественно, не обратил внимания на слова Шнайдера в той мере, в какой они относились непосредственно к нему самому.

* * *

Стать сильным!

Стоять на собственных ногах – ходить, *бегать!*

И... и он мог бы, мог бы без страха спуститься на поверхность Земли. Не обращая внимания на гравитационное поле. Говорят, его никто *не замечает*; можно даже *носить* предметы – большущие, тяжелые. Причем носят все. И даже могут *подбрасывать*.

Внезапно руки как-то сами судорожно дернулись в задающих «уолдо», и это было вовсе не похоже на его обычные, безукоризненно экономные движения. Исполнительные «уолдо» были гораздо крупней, поскольку он мастерил новую опытную установку. Одна из подвесок лопнула, плоский зажим на ней нехорошо звякнул, ударившись о стену. Дремавший поблизости Бальдур приподнял уши, огляделся и вопросительно уставился на Уолдо.

Уолдо воззрился на пса, тот заскулил.

– Фу! Молчать!

Пес затих и взглядом попросил прощения.

Уолдо машинально осмотрел повреждение. Ерунда, но без ремонта не обойтись. Сила. Но ведь если бы он стал сильным, он мог бы делать все, что угодно, буквально все, что угодно! Та-а-ак, «уолдо» шестой номер и новый ремень вместо лопнувшего... Если бы он стал сильным! Уолдо бездумно потянулся к «уолдо» номер шесть.

Сила!

Он мог бы даже встречаться с женщинами... И быть сильнее, чем они!

Он мог бы плавать. Мог бы ездить верхом. Мог бы вести машину, прыгать, бегать. Мог бы брать разные вещи голыми руками. Мог бы даже научиться танцевать!

Стать сильным!

Мог бы мускулы занять! Мог бы ломать вещи.

Мог бы... Мог бы...

Уолдо включил гигантские «уолдо» с захватами в рост человека. Уж кто силен, так это они! Одной исполинской клешней выдернул из стопки четвертьдюймовый стальной лист, поднял его и встряхнул. Лист загудел, как колокол. Уолдо еще раз встряхнул его. Вот где сила!

Он зажал лист обеими клешнями, перегнул пополам. Металл сложился неровно. Он судорожно принялся мять его в гигантских ладонях, как ненужную бумажку. От жуткого скрежета у Бальдура шерсть встала дыбом на загривке – сам Уолдо как будто ничего не слышал.

Тяжело дыша, остановился. Со лба катил пот, в ушах шумела кровь. Но ему было мало. Хотелось еще больше напрячься, самому себе показать, что такое сила! Пройдя в соседнюю кладовую, он выбрал г-образную балку длиной в двенадцать футов, толкнул туда, где смог взять обеими гигантскими ручищами, и потащил к себе.

Балка встала поперек люка; Уолдо выдернул ее, оставив вмятину в раме люка. И не заметил этого.

В здоровенном кулаке балка выглядела как увесистая дубина. Взмахнул ею. Бальдур попятился так, чтобы кольцо управления прикрыло его от исполинских ручищ.

Мощь! Сила! Разносящая вдребезги, неодолимая сила...

Судорожным рывком Уолдо остановил замах, задержав балку у самой стены. Нет, не так. Он сгреб другой конец дубинки левой клешней и попробовал согнуть. Большие «уолдо» предназначались для тяжелой работы, но балка была рассчитана на сопротивление изгибу. Уолдо напряг руки в задающих перчатках, силясь заставить стальные кулачища исполнить свой при-

каз. На панели управления вспыхнул предупредительный сигнал. Уолдо, не глядя, врубил аварийную перегрузку и нажал еще.

Гул «уолдо» и хрип собственного дыхания утонули в диком скрежете металла по металлу, балка начала уступать. Ликуя, Уолдо поддал еще. Балка начала складываться пополам, но тут «уолдо» не выдержали. Правые захваты сдали первыми, кулачище разжался. Левый кулак, потеряв упор, вывернулся, и стальная балка *вылетела* из него.

Она пробила тонкую переборку, проделав рваную дыру, и лязгнула обо что-то в соседнем помещении.

Гигантские «уолдо» превратились в мертвый лом.

Уолдо вынул из перчаток свои пухлые розовые ручки и глянул на них. Его плечи приподнялись, из груди вырвались мучительные рыдания. Он закрыл лицо руками; сквозь пальцы хлынули слезы. Бальдур жалобно заскулил и прижался потеснее к нему.

А на панели управления все звенел и звенел звонок.

* * *

Лом был убран прочь, и ровная чистая заплата закрыла то место, где г-образная балка вылетела наружу. Но замены гигантским «уолдо» еще не было, их опорная рама пустовала. Уолдо был занят сооружением силомера.

Годы прошли с тех пор, как он перестал заботиться о численном измерении собственной силы. Он ею почти не пользовался – сосредоточился на тренировке ловкости, а в частности, на точном и четком управлении своими тezками. В избирательном, полном и виртуозном пользовании собственными мускулами ему не было равных; он управлял – *приходилось* управлять. А сила ему была не нужна.

С его станочным парком под рукой было нетрудно создать устройство со шкалой, показывающей в фунтах силу сжатия одной руки. Пружинка с ярмом для захвата – вот и все. Он приостановился и обозрел свою поделку.

Надо было только снять с руки «уолдо», взять ярмо голой рукой и сдавить, и все станет ясно. И все же он колебался.

Было странно держать такой большой предмет голой рукой. Ну же, давай! Потянуться в Иномир за силой. Он закрыл глаза и сжал силомер в кулаке. Открыл. Четырнадцать фунтов – меньше, чем раньше.

Но ведь это он еще не взаправду попытался. Он попробовал представить себе ладони Грэмпа Шнайдера у себя на руке, ощутить тот теплый зуд. Сила. Протяни руку и потребуй ее. Четырнадцать фунтов, пятнадцать... семнадцать, восемнадцать, двадцать, двадцать один! Победа! Победа! Сила и смелость покинули его, но что ушло раньше, он сказать не мог. Стрелка свалилась на нуль; надо было отдохнуть.

Он и вправду проявил исключительную силу или двадцать один фунт – это нормально для теперешнего возраста и веса? Здоровый сильный человек не из лежебок должен выжать около ста пятидесяти фунтов, Уолдо об этом знал.

И тем не менее двадцать один фунт – это было на шесть фунтов больше, чем он когда-либо раньше показывал.

Ну-ка еще разок! Десять, одиннадцать... двенадцать. Тринадцать. Стрелка заколебалась. Ну, это он еще не дождал, это же смешно. Четырнадцать.

И застопорило. Как он ни напрягался, как ни собирал в кулак всю волю, больше четырнадцати не выжималось. И раз за разом постепенно выходило все меньше и меньше.

* * *

Шестнадцать фунтов – таков был лучший результат, которого он добился за следующие дни. Двадцать один – это, казалось, была счастливая случайность, везение с первого раза. Горечь жгла.

Нет, так легко он не сдастся. Он достиг своего нынешнего положения, богатства и известности не потому, что легко сдавался. Он не отступался, старательно припоминал, что именно говорил ему Шнайдер, и силился *почувствовать* прикосновение рук старика. Твердил себе, что и впрямь делался сильнее от этого прикосновения, но не мог осознать из-за сильной земной гравитации. И продолжал попытки.

В глубине души понимал, что в конце концов ему придется еще раз отыскать Грэмпа Шнайдера и попросить помочь, если не сможет повторить этот фокус самостоятельно. И ему крайне этого не хотелось. Не потому, что пришлось бы повторить эту ужасную поездку – хотя и этой причины, вообще говоря, было больше чем достаточно, – а потому, что если он сделает это, а Шнайдер не сумеет ему помочь, тогда вообще не останется никакой надежды. Ни-ка-кой.

Лучше жить с досадой и разочарованием, чем без надежды. Он упрямо отгонял мысль о поездке.

* * *

Уолдо почти не считался с обычным земным распорядком дня, ел и спал, когда захочется. Он мог задремать в любой момент, однако примерно через равные интервалы времени регулярно погружался в долгий сон. Разумеется, не в постели. Человек, витающий в воздухе, не нуждается в постели. Но Уолдо выработал в себе привычку перед тем, как крепко заснуть часиков на восемь, обязательно пристегиваться, чтобы, дрейфуя в воздушных потоках, случайно не налететь на какой-нибудь переключатель или рукоятку управления.

Однако с тех пор, как им овладело страстное желание обрести силу, его сон стал некрепок и пришлось часто прибегать к снотворному.

Доктор Рэмбо вернулся и искал его. Безумный доктор Рэмбо, полный ненависти. Во всех своих бедах Рэмбо винил его, Уолдо. И даже во «Фригольде» не было спасения от Рэмбо, потому что безумный физик открыл способ нырять через одно пространство в другое. Вот он, вот он! Голова выглядывает из Иномира. «Я доберусь до тебя, Уолдо!» Исчез. Нет, теперь он вынырнул сзади! Руки тянутся, извиваются, точь-в-точь как антенны декальбов. «Ага, Уолдо!» Но собственные руки Уолдо превращаются в гигантские «уолдо», готовые схватить Рэмбо.

Гигантские «уолдо» внезапно бессильно повисают.

Рэмбо насаждает, Рэмбо наваливается, Рэмбо вцепляется в горло.

Грэмпа Шнайдер произносит в самое ухо спокойным и сильным голосом: «Сынок, ты тянись за силой. Ты чувствуй, чувствуй ее в руках». И Уолдо хватается чужие пальцы, сдавившие горло, напрягается, силится разорвать их мертвую хватку.

И они разжимаются. Победа! Сейчас он даст как следует и навеки спровадит Рэмбо в Иномир. Ага! Одна рука уже свободна. Неистово лает Бальдур, надо крикнуть ему, чтобы замолчал, чтобы бросился на Рэмбо, чтобы помог...

Пес продолжает лаять.

* * *

Он был у себя дома, в огромном круглом помещении. Бальдур еще раз визгливо гавкнул.

– Тихо!

Уолдо огляделся по сторонам.

Примащиваясь поспать, он закрепился на четырех растяжках, расходящихся, как оси тетраэдра. Две из них по-прежнему были зацеплены за пояс, и Уолдо болтался на них внутри кольца управления. Третья оторвалась от пояса – кончик троса плавал в воздухе в нескольких футах от него. А четвертая была разорвана в двух местах, возле пояса и в нескольких футах от него; и этот кусок захлестнуло петлей на шее Уолдо.

Он обдумал случившееся. Как он ни старался, он не мог представить себе, каким образом растяжка могла лопнуть, если только не он сам оборвал ее, борясь с привидевшимся во сне кошмаром. Пес не мог это сделать, у него не было точки опоры. Значит, он, Уолдо, сделал это сам. Растяжки не были особо прочными, они лишь обеспечивали фиксацию тела. Однако...

Ему потребовалось несколько минут, чтобы заставить силомер измерять не сжатие, а растяжение, пришлось перевернуть ярмо. Закончив работу, он включил средние «уолдо», закрепил в них обрывок растяжки через динамометр и скомандовал им через задающие «уолдо» тянуть.

Для разрыва растяжки потребовалось усилие в двести двенадцать фунтов.

Он торопливо бросился переделывать динамометр обратно в силомер, из-за нервов он стал неловок и потерял уйму времени. Закончив, он секунду помедлил, потом еле слышно шепнул: «Ну, Грэмпис, пора!» – и стал сжимать рукоятку.

Двадцать фунтов... двадцать один. Двадцать пять!

Да уже за тридцать, а он даже не вспотел! Тридцать пять, сорок, сорок один, сорок два, сорок три. Сорок пять! Шесть! С половиной. Сорок семь фунтов!

Вдохнул всей грудью и дал руке отдохнуть. У него есть сила. Сила!

Немного придя в себя, он подумал, что делать дальше. Первым порывом было позвонить Граймсу, но Уолдо подавил этот порыв. Это потом, когда он будет полностью уверен в себе.

Он переложил силомер в левую руку и сжал. Вышло похуже, чем с правой, но почти... почти сорок пять фунтов. Забавно, что никаких перемен в себе не чувствуется. Просто он обычный здоровый человек, и ничего особенного.

Захотелось попробовать и остальные мышцы. Много времени потратил, приспособив прибор под измерение удара ногой, под толчок, под рывок мускулами спины и прочие варианты. Вот бы поле тяготения сюда, вот что нужно попробовать – поле в одно g . Ну так есть же приемная, ее можно раскрутить.

Однако управляется приемная с кольца, а тащиться туда надо по длинным коридорам. Есть центрифуга поближе, та самая, на которой вертятся часы с кукушкой. Чтобы отладить ход часов, он установил на колесо регулятор скорости вращения. Вернувшись в кольцо управления, Уолдо остановил колесо; часы разладились от внезапной перемены режима, красная птичка выскочила, выдала разок бодрое «фью-фью» и угомонилась.

Держа в руке панель радиоуправления мотором, который приводил колесо во вращение, Уолдо приблизился к колесу, устроился внутри, упершись ногами о внутреннюю поверхность обода, а свободной рукой взявшись за одну из спиц так, чтобы оказаться в стоячем положении относительно центробежной силы, едва она проявится. И медленно начал раскручивать колесо.

Сход с места застал врасплох, и Уолдо чуть не упал. Однако он удержался, приспособился, а потом поддал ходу. Пока что все хорошо. Он постепенно разгонял колесо, и радость текла по жилам от ощущения псевдогравитационного поля, от ощущения, что ноги наливаются тяжестью, *но все еще держат!*

Колесо разогналось до полного g . Можно было выдержать. Вправду можно! Да, разумеется, на верхнюю часть туловища действовала меньшая сила, чем на нижнюю, поскольку ось вращения находилась примерно в полуметре над головой. Дело поправимое: он медленно присел на корточки, крепко держась за спицу. Неплохо получилось.

Но колесо пошло враскачку, мотор взвыл. Опоры были рассчитаны только на часы с кукушкой и их противовесик; его несбалансированный вес на таком расстоянии от центра вращения создавал слишком большую нагрузку на опоры. Точно так же осторожно Уолдо выпрямился, чувствуя сильный толчок от икр и бедер. И остановил колесо.

Происходящее очень взволновало Бальдура. Пес чуть не свернул себе шею, пытаясь уследить за тем, как крутится Уолдо.

А тот все откладывал звонок Граймсу. Загорелось соорудить местное управление раскруткой приемной, чтобы иметь подходящее место для тренировок и научиться для начала стоять. А потом нужно будет освоить ходьбу; со стороны это занятие выглядело простым, но Уолдо не был уверен. Возможно, освоить этот трюк будет непросто.

После этого он планировал научить ходить Бальдура. Уолдо уже пытался посадить пса в колесо с часами, но пес отказался. Увернулся и постарался уплыть в самую дальнюю часть помещения. Ну ничего – когда зверь окажется в приемной, ему, черт побери, придется научиться ходить. Давно надо было этим заняться. Такая здоровая скотина и, понимаешь, ходить не умеет!

Он представил себе раму на ножках с колесами, в которую можно было бы втиснуть пса, чтобы заставить стоять как положено. Устройство очень походило на обычные ходунки для младенцев, но Уолдо об этом не догадывался. Он ни разу в жизни не видел ходунков для младенцев.

* * *

- Дядя Гэс...
- А, Уолдо, привет! Как жизнь?
- Прекрасно. Слушайте, дядя Гэс, вы могли бы прибыть во «Фригольд»? Прямо сейчас. Граймс покачал головой:
- Увы. Мой дилижанс в ремонте.
- Да все равно он еле тащится. Возьмите такси или попросите кого-нибудь подвезти.
- Чтобы ты его обхамил на пороге? Нетушки.
- Я буду смирен, как ягненок.
- Постой. Как раз вчера Джимми Стивенс обмолвился, что хочет тебя видеть.
- Вот и вытащите его, – улыбнулся Уолдо. – Увижусь с ним с удовольствием.
- Попробую.
- Перезвоните мне. И давайте побыстрее.

* * *

Уолдо встретил гостей в приемной, которую оставил без раскрутки. И едва они вошли, приступил к своему спектаклю.

– Наконец-то! Рад вас видеть. Доктор Стивенс, вы не могли бы подвезти меня на Землю? Прямо сейчас. Кое-что случилось.

- Ну-у-у, пожалуй, можно.
- Поехали.
- Подожди минутку, Уолдо. Джимми ведь не сможет обращаться с тобой так, как надо.
- Придется рискнуть, дядя Гэс. Это срочно.
- Но...
- Никаких «но». Едем сию минуту.

Они затолкали в «помело» Бальдура и привязали. Граймс проследил, чтобы сиденье Уолдо было откинута и в первом приближении походило на компенсатор перегрузки. Уолдо

уселся поудобнее и закрыл глаза, чтобы отпугнуть желающих задавать вопросы. Но украдкой глянул на молчаливого Граймса – вид у того был мрачный.

Стивенс гнал чуть ли не как на рекорд, но посадил машину как можно более плавно на паркинге над домом Граймса. Старик коснулся руки Уолдо:

– Как себя чувствуешь? Сейчас кого-нибудь кликну, и мы тебя перетащим в дом. А уж там уложим в постельку.

– Нельзя, дядя Гэс. Дело не ждет. Руку не дадите?

– То есть?

Но Уолдо потянулся за тем, о чем просил, и сам встал на ноги.

– Кажется, со мной все будет в порядке. – Он отпустил руку доктора и шагнул к двери. –

Вы не отвяжете Бальдура?

– *Уолдо!*

Уолдо обернулся со счастливой улыбкой:

– Да, дядя Гэс, это правда. Я больше не слабак. *Я могу ходить.*

Граймс схватился за спинку одного из сидений и потрясенно сказал:

– Уолдо, я старый человек. Тебе не следовало проделывать со мной такие штуки.

И смахнул с глаз слезу.

– Да уж, – согласился Стивенс. – Препоганая вышла шуточка.

Уолдо, недоумевая, глянул на одного, потом на другого.

– Мне очень жаль, – смиренно сказал он. – Просто очень хотелось сделать вам сюрприз.

– Все в порядке. Пошли вниз и выпьем по рюмашке. Там ты нам все расскажешь.

– Отлично. Бальдур, вперед!

Пес встал и зашагал следом за хозяином. Походка у него была какая-то занятная; тренажер, который соорудил Уолдо, обучил пса не собачьей трусце на четыре такта, а иноходи.

* * *

На много дней застрял Уолдо у Граймса, набираясь сил, овладевая новыми рефлексами, укрепляя вялые мышцы. Рецидивов не было, *myasthenia* исчезла. Надо было привести себя в форму – это все, что требовалось.

Граймс тут же простил ему ненужную выходку и театральное явление в добром здравии, однако настаивал, чтобы Уолдо не спешил и полностью поменял свои привычки, прежде чем рискнет выходить без сопровождения. То была мудрая предосторожность. Даже самые простые вещи могли подставить ножку. Например, лестницы. Уолдо мог ходить по ровному месту, но спуску по лестнице пришлось учиться. С подъемом вышло попроще.

В один прекрасный день явился Стивенс, забрался в дом и застал Уолдо сидящим в гостиной за просмотром какого-то зрелища по стерео.

– Привет, мистер Джонс.

– А, привет, доктор Стивенс.

Уолдо поспешно встал, нашарил обувь, застегнул молнии.

– Дядя Гэс говорит, ее надо носить и не снимать, – объяснил он. – Мол, все носят. А вы застали меня врасплох.

– Грех невелик. Дома носить обувь необязательно. Где док?

– Ушел на весь день. Правда необязательно? А мои медсестры всегда носили обувь.

– Да, все так ходят. Но никто не заставляет, и такого закона нет.

– Раз все, значит и я. Но не скажу чтобы обувь мне нравилась. Дохлая она какая-то, вроде пары отключенных «уолдо». Но научиться очень хочется.

– Чему? Как обувь носить?

– Нет. Вести себя как все люди. Это и впрямь очень трудно, – заявил Уолдо на полном серьезе.

А Стивенса как осенило, он ощутил волну сочувствия к этому человеку без прошлого и без друзей. Все тут ему в диковину, все незнакомо. Он вдруг ощутил порыв признаться в том, что вечно было на уме, когда речь заходила об Уолдо.

– Вы и впрямь теперь сильный человек?

На лице Уолдо явилась счастливая улыбка.

– И с каждым днем делаюсь все сильнее. Нынче утром показал на силомере двести фунтов. И гляньте только, сколько лишнего веса сбросил.

– А и верно, вид у вас прекрасный. Забавно, знаете, ведь я с нашей самой первой встречи молил небо, чтобы вы стали сильным, как обычный человек.

– Правда? А почему?

– Как сказать... Наверное, согласитесь, что довольно часто в разговорах со мной вы подпускали яда в свои слова. Вы постоянно выводили меня из себя. Я хотел, чтобы вы стали сильным, чтобы я смог при желании выбить из вас все дерьмо.

Уолдо тем временем расхаживал по комнате, привыкая к обуви. Заслыша эти слова, он остановился и с великим изумлением уставился на Стивенса.

– То есть вы хотели побиться со мной на кулаках?

– Точно. Вы говорили мне такие вещи, какие мужчине не следует говорить, если он не готов подкрепить их кулаками. Не будь вы тогда калеккой, я бы разок разделал вас под орех. Да не разок, а больше.

Уолдо, казалось, с трудом осваивает какой-то новый подход.

– Кажется, я понял, – протянул он. – Ну раз так, то...

И с этими словами изо всех сил послал вперед увесистый кулачище. Стивенс этого, естественно, не ожидал. Удар нечаянно пришелся ему в подбородок, и он рухнул без сознания.

Пришел он в себя, сидя на стуле. Уолдо тряс его.

– Я что-нибудь не так сделал? – тревожно спросил Уолдо.

– Чем это вы меня?

– Рукой. Я что-нибудь не так сделал? Это не то, что вы хотели?

– Что я хо-о... – Искры все еще сыпались из глаз, но до него начал доходить комизм ситуации. – Слушайте, значит, по-вашему, бой начинается с этого?

– А разве нет?

Стивенс постарался объяснить Уолдо современный этикет культурного мордобоя на американский лад. Уолдо слушал, хлопал глазами и наконец кивнул.

– Ясно. Сперва надо предупредить противную сторону. Хорошо, вставайте, и начнем заново.

– Не спешите вы! Подождите минутку. Вечно вы не даете мне закончить то, что начал говорить. Я *был* зол на вас, но это в прошлом. Вот что я пытался вам сказать. Ехидина вы были жуткая, сомневаться не приходится. Но иначе вы не могли.

– Не хочу быть ехидиной, – на полном серьезе сказал Уолдо.

– Знаю, что не хотите, и вам это удастся. Я сказал бы, вы теперешний мне нравитесь. Имею в виду, после того, как стали сильным.

– Вы не шутите?

– Не шучу. Но больше не практикуйте на мне такие удары.

– Не буду. Я просто вас не понял. Знаете ли, доктор Стивенс, это...

– Зовите меня просто Джим.

– Джим. Ужасно трудная штука – понять, чего от тебя в действительности ждут. В этом нет почти никакой системы. Возьмите отрыжку. Я не знал, что рыгать в присутствии других не положено. По-моему, отрыжка – естественное дело. А дядя Гэс говорит, что нет.

Стивенс попытался растолковать Уолдо насчет отрывки – без особого успеха, поскольку выяснилось, что Уолдо почти начисто лишен даже теоретических представлений о правилах поведения в обществе. У него не было даже книжного представления о сложности *правов*, поскольку он почти не читал художественной литературы. Он еще в раннем детстве перестал ее читать, потому что не хватало личного опыта, который необходим, чтобы оценить по заслугам изящную словесность.

Он был богат, он был могуч, он был гений в области механики, но он все еще оставался на уровне детского сада.

Уолдо хотел это исправить:

– Джим, вы мне очень помогли. Вы объясняете такие вещи лучше, чем дядя Гэс. Давайте я найму вас в учителя.

Стивенс подавил легкий укол самолюбия:

– Прости. У меня есть работа, которая не дает мне скучать.

– Ну, это-то без проблем. Я заплачу вам больше, чем там. Скажите сами, сколько вы хотите. И по рукам.

Стивенс тяжело вздохнул:

– Вы не поняли. Я инженер и в личные помощники к вам не пойду. Вы не можете меня нанять. Я помогу всем, чем смогу, но денег с вас за это не возьму.

– А что плохого в том, чтобы брать за это деньги?

«Он же неверно ставит вопрос, – подумал Стивенс. – В такой постановке на него невозможно ответить».

Он пустился в долгие и путаные рассуждения по поводу профессиональной и деловой этики. И не слишком преуспел: Уолдо вскоре перестал понимать, о чем речь.

– Боюсь, что до меня не доходит. Но я вот о чем: вы не могли бы научить меня, как вести себя с девушками? Дядя Гэс говорит, что ему просто страшно вывести меня на какую-нибудь вечеринку.

– Ну-у-у, я попробую. Обязательно. Уолдо, но я заскочил повидаться с вами по вопросам, которые возникли у нас на централи. Касательно теории двух пространств, о которой вы мне рассказывали...

– Это не теория, это факт.

– Пускай так. Но я хочу знать вот что: когда вы рассчитываете вернуться во «Фригольд» и возобновить исследования? Нам нужна кое-какая помощь.

– Вернуться во «Фригольд»? Понятия не имею. Я не собираюсь возобновлять исследования.

– Как, вообще не собираетесь? Но, бога ради, вы даже наполовину не закончили исследований, которые наметили в разговоре со мной.

– Ребята, вы и сами можете справиться. Разумеется, я всегда помогу, проконсультирую.

– Что ж, может быть, нам удастся привлечь Грэмпса Шнайдера... – с сомнением в голосе произнес Стивенс.

– Не советую, – ответил Уолдо. – Позвольте, я вам покажу письмо, которое он мне прислал.

Вышел ненадолго и вернулся с письмом:

– Читайте.

Стивенс пробежал взглядом текст.

«...Ваше великодушное предложение об участии в проекте «Новая энергия» я ценю, но, правду сказать, у меня нет интереса к подобным вещам и такую ответственность я почел бы для себя бременем. Новость о вашем выздоровлении меня крайне обрадовала, но не удивила. Мощь Иномира принадлежит тому, кто на нее притязает...» И дальше о том же. Писано было

отменным старинным каллиграфическим почерком чуть дрожащей рукой; в тексте не было и следа простонародных выражений, которые Шнайдер употреблял в разговоре.

– Н-да-а-а. Кажется, я понял, что вы имеете в виду.

– Полагаю, он считает нашу возню со всякими гаджетами неким ребячеством, – задумчиво сказал Уолдо.

– Видимо, да. Но скажите, а *вы-то* чем собираетесь заняться?

– Я-то? Да точно еще не знаю. Одно могу сказать: повеселиться хочу. Причем повеселиться всласть. И пока только присматриваюсь, насколько это веселое дело – быть таким же человеком, как все.

* * *

Костюмер надел ему правый штиблет.

– А насчет того, как я увлекся танцами, это долгая история, – продолжал он.

– Хотелось бы поподробней.

– Из клиники звонят, – раздался в уборной чей-то голос.

– Скажите, что скоро буду. А что, если бы вы заглянули ко мне, скажем, завтра во второй половине дня? Найдется время? – обратился он к журналистке.

– Лады.

Сквозь стеснившихся вокруг репортеров и фотографов плечом прокладывал себе дорогу какой-то человек. Уолдо поймал его взгляд.

– Привет, Стенли. Рад видеть.

– Привет, Уолдо.

Глисон вынул из-под плаща какие-то бумаги и шлепнул их на колени танцору:

– Погляди, и принесешь мне их на следующий концерт, поскольку я все равно там буду.

Хочется еще раз посмотреть.

– Понравилось?

– Нет слов!

Уолдо улыбнулся и подхватил бумаги:

– Где тут подпись проставить?

– Глянул бы вперед, – предупредил Глисон.

– Да ни к чему. Что тебе хорошо, то и мне. Ручку не одолжишь?

К нему пробился озабоченный коротышка:

– Уолдо, я насчет той записи...

– Мы уже говорили об этом, – отрезал Уолдо. – Я выступаю только перед публикой в зале.

– Так мы совместим запись с бенефисом в Уорм-Спрингс.

– Это другое дело. Конечно.

– Пока суд да дело, киньте глазом на эскизик.

Образец был уменьшенный, в двадцать четвертую долю листа:

ВЕЛИКИЙ УОЛДО

со своей труппой

На месте даты и названия театра пока стояли прочерки, но была фотография Уолдо в костюме Арлекина, взмывшего высоко в воздух.

– Отлично, Сэм, отлично! – радостно кивнул Уолдо.

– Опять из клиники звонят.

– Я уже готов, – отозвался Уолдо и встал. Костюмер накинул плащ на его литые плечи.

Уолдо резко свистнул:

– Бальдур! Ко мне. Пошли.

У двери на миг приостановился и помахал рукой:

– Доброй ночи, ребята!

– Доброй ночи, Уолдо.

Ну все как на подбор чудо-парни!

Неприятная профессия Джонатана Хога¹³

Повесть

*...Бесстрашно отгоните
Надежд самообман,
С достоинством примите
Тот жребий, что нам дан:
Отжив, смежим мы веки,
Чтоб не восстать вовеки,
Все, как ни вьются, реки
Вольются в океан¹⁴.*

А. Ч. Суинбери

1

– Это что, кровь?

Джонатан Хог нервно облизнул пересохшие губы и подался вперед, пытаясь прочитать, что написано на лежащем перед врачом листке бумаги.

Доктор Потбери пододвинул бумажку к себе и взглянул на Хога поверх очков:

– А почему вы, собственно, думаете, что у вас под ногтями кровь? Есть какая-нибудь причина?

– Нет. То есть... Ну, в общем, нет. Но ведь это все-таки кровь?

– Нет, – с каким-то нажимом сказал Потбери. – Нет, это не кровь.

Хог знал, что должен почувствовать облегчение. Но облегчения не было. Было внезапное осознание: все это время он судорожно цеплялся за страшную догадку, считая коричневатую грязь под своими ногтями засохшей кровью, с единственной целью не думать о чем-то другом, еще более невыносимом.

Хога слегка затошнило. Но все равно он обязан узнать...

– А что это, доктор? Скажите мне.

Потбери медленно смерил его взглядом.

– Вы пришли ко мне с вполне конкретным вопросом. Я на него ответил. Вы не спрашивали меня, что это за субстанция, вы просили определить, кровь это или нет. Это не кровь.

– Но... Вы издеваетесь надо мной. Покажите мне анализ.

Приподнявшись со стула, Хог протянул руку к лежащей перед врачом бумаге.

Потбери взял листок, аккуратно разорвал его пополам, сложил половинки и снова разорвал их. И снова.

– Да какого черта!

– Поищите себе другого врача, – сказал Потбери. – О гонораре можете не беспокоиться. Убирайтесь. И чтобы ноги вашей здесь больше не было.

Оказавшись на улице, Хог направился к станции надземки. Грубость врача буквально потрясла его. Грубость пугала его – точно так же, как некоторых пугают змеи, высота или тесные помещения. Дурные манеры, даже не направленные на него лично, а только проявленные при нем, вызывали у Хога тошноту, чувство беспомощности и крайний стыд.

¹³ Перевод М. Пчелинцева

¹⁴ *...Бесстрашно отгоните // Надежд самообман...* – Цитата из стихотворения английского поэта Алджернона Чарльза Суинберна (1837–1909) «Сад Прозерпины» (перев. М. Донского).

А уж если мишенью грубости становился он сам, единственным спасением было бегство.

Поставив ногу на нижнюю ступеньку лестницы, ведущей к эстакаде, он замялся. Даже при самых лучших обстоятельствах поездка в надземке была суровым испытанием: толчея, давка, жуткая грязь и каждую секунду – шанс нарваться на чью-либо грубость, сейчас ему этого просто не выдержать. Хог подозревал, что, услышав, как вагоны визжат на повороте, он завизжит и сам.

Он развернулся и тут же был вынужден остановиться, оказавшись нос к носу с каким-то человеком, направлявшимся к лестнице.

– Поосторожней, приятель, – сказал человек, проходя мимо отпрыгнувшего в сторону Хога.

– Извините, – пробормотал Хог, но человек был уже далеко.

Фраза, произнесенная прохожим, звучала резковато, но отнюдь не грубо, так что случай не должен был обеспокоить Хога, однако обеспокоил. Его вывели из равновесия одежда, лицо, даже сам запах этого человека. Хог прекрасно понимал, что поношенный комбинезон и кожаная куртка – совсем не повод для упрека, равно как и слегка запачканное лицо с полосами засохшего трудового пота. Козырек фуражки встречного украшала овальная кокарда с номером и какими-то буквами. Хог решил, что этот человек – водитель грузовика, или механик, или монтажник – словом, представитель одной из тех квалифицированных профессий, благодаря которым бесперебойно крутятся колесики и шестеренки нашей цивилизации. Скорее всего, добропорядочный семьянин, любящий отец и хороший кормилец, а самые большие его отклонения от добродетели – лишняя кружка пива да склонность поднимать на пятицентовик, имея на руках две пары¹⁵.

А то, что Хог позволяет себе безгласно относиться к такой внешности и предпочитает белую рубашку, приличное пальто и перчатки, – это просто каприз, другого слова и не подберешь. И все же, исходя от этого человека запах лосьона для бритья, а не пота, случайная встреча не оставила бы такого неприятного впечатления.

Все это Хог сказал себе, а заодно назвал себя глупым и слабонервным. И все же – неужели такое грубое, зверское лицо может быть маской, за которой скрываются теплота и чувствительность? С этой-то бесформенной картошкой вместо носа, с этими свинячьими глазками?

Ладно, все это ерунда, он поедет домой на такси и не будет ни на кого смотреть. Вот как раз и стоянка – чуть впереди, перед деликатесной лавкой.

– Куда едем?

Дверца такси была распахнута, в голосе шофера звучала безликая, безразличная настойчивость.

Хог поймал его взгляд, чуть поколебался и передумал. Опять это скотство – глаза, лишённые глубины, кожа, обезображенная черными головками угрей и крупными порами.

– Мм... извините, пожалуйста. Я кое-что забыл.

Хог отвернулся от машины и тут же снова был вынужден резко остановиться – кто-то вцепился ему в талию, как оказалось – маленький мальчик на роликовых коньках. Восстановив равновесие, Хог придал своему лицу выражение отеческой доброты, которое использовал при общении с детьми.

– Ну, ну, малыш.

Взяв мальчика за плечо, он осторожно отодрал его от себя.

– Морис!

Голос прозвучал над самым ухом, визгливый и бессмысленный. Кричала женщина, высокая и пухлая, только что появившаяся в дверях деликатесной лавки. Схватив мальчика за дру-

¹⁵ Имеется в виду игра в покер, где две пары – довольно удачная комбинация, хотя и не высокая, на которой можно хорошо поднять ставку.

гое плечо, она рванула его в сторону, одновременно замахиваясь свободной рукой – с очевидной целью врезать ему по уху. Хог начал было защищать мальчика, но осекся, увидев, с каким выражением смотрит на него женщина. Почувствовав настроение матери, мальчишка пнул Хога ногой.

Стальные ролики ободрали голень. Было очень больно. Хог пошел прочь, куда попало, лишь бы уйти. Слегка прихрамывая из-за пострадавшей ноги, он свернул в первый же переулок, уши и затылок Хога горели от стыда, словно он вправду обидел этого щенка, на чем и был постыдно пойман. Переулок оказался не лучше улицы. Его не окаймляли витрины магазинов, над ним не висел стальной желоб надземки, зато здесь сплошной стеной стояли жилые дома, четырехэтажные, перенаселенные чуть ли не как ночлежки.

Поэты воспевают прекрасное и невинное детство. Только вряд ли их восторги относятся к обитателям такого вот переулка, да еще увиденным глазами Хога. Мальчишки напоминали ему крысят – злобные, пустые, не по годам ушлые. Девчонки – ничем не лучше. У восьми-девятилетних, неоформившихся и костлявых, все ясно написано на сморщенных личиках – сплетницы, мелкие злобные душонки, рожденные для каверз и глупой болтовни. Их чуть более старшие сестрички, едва вышедшие из детского возраста, но уже насквозь пропитанные трущобным духом, заняты, похоже, единственной мыслью – как бы произвести впечатление своими столь недавно обретенными женскими прелестями; объектом этих стараний являлся, естественно, не Хог, а прыщавые юнцы, околавивавшиеся вокруг драгстора.

Даже младенцы в колясках... Хог любил разыгрывать роль доброго дядюшки, считая, что ему нравятся маленькие дети. Только не эти. Обмотанные соплями, вонючие, жалкие, непрерывно визжащие...

Маленькая гостиница напоминала тысячи ей подобных, явно третьеразрядная и без малейших претензий на что-либо большее. Неоновая вывеска «Отель Манчестер», а ниже – помельче: «Комнаты для постоянных и временных жильцов». Вестибюль шириной всего в половину здания, длинный, узкий и плохо освещенный. Такое заведение не замечаешь, если только не ищешь его специально. В таких местах останавливаются коммивояжеры, вынужденные экономить командировочные, а постоянно живут холостяки, которым не по карману что-либо лучшее. Единственный лифт представлял собой клетку из железных прутьев, кое-как заляпанную бронзовой краской. Пол вестибюля кафельный, по углам – латунные плевательницы. Конторка портье, две чахлые пальмы в бочках и восемь кожаных кресел. Одинокие, ничейные старики, у которых, кажется, даже и прошлого никогда не было, сидят в этих креслах, живут в номерах где-то наверху. В этих номерах их и находят время от времени – качающимися на люстре, в петле из собственного галстука.

* * *

Хог не собирался заходить в «Манчестер», просто по тротуару неслась стайка детей, и ему пришлось попятиться, чтобы не быть сбитым с ног. Видимо, какая-то игра, до ушей донесся конец пронзительно выкрикиваемой считалки: «...летела мина из Берлина, по-немецки говорила, пендель в жопу, в глаз кулак, кто последний, тот дурак».

– Вы кого-нибудь ищете, сэр? Или желаете снять комнату?

Хог удивленно повернулся. Комната? Больше всего хотелось оказаться в собственной, такой уютной квартире, но в данный момент комната, любая комната, лишь бы в ней можно было запереться, отгородиться дверью от внешнего мира, тоже казалась чуть не пределом мечтаний.

– Да, мне нужна комната.

Развернув регистрационную книгу, портье пододвинул ее к Хогу.

– С ванной или без? С ванной – пять пятьдесят, без – три с половиной.

– С ванной.

Портье смотрел, как Хог расписывается в книге и отсчитывает деньги, но потянулся за ключом, только получив пять долларов пятьдесят центов.

– Рады иметь вас своим гостем. Билл! Проводи мистера Хога в четыреста двенадцатый.

Единственный рассыльный, сучавший в вестибюле, проводил Хога в ту самую золоченую клетку и искоса окинул взглядом с головы до ног, не упустив из внимания дорогой плащ и полное отсутствие вещей. В номере он чуть-чуть приоткрыл окно, включил в ванной свет и в ожидании замер у двери.

– Может, ищите кого-нибудь? – поинтересовался он. – Помощь нужна?

Хог сунул ему чаевые.

– Уматывай, – неожиданно грубо сказал он.

Похабная ухмылка исчезла с лица рассыльного.

– Как знаете, – пожал он плечами.

В комнате находилась двуспальная кровать, комод с зеркалом, стул и кресло. Над кроватью висела окантованная гравюра, изображавшая, если верить надписи, «Колизей в лунном свете». Но дверь запиралась не только на замок, но и на засов, а окно выходило не на улицу, а в узкий проулок. Хог опустил в кресло. Продавленное сиденье сейчас его не волновало.

Он снял перчатки и посмотрел на свои ногти. Абсолютно чистые. А может, все это просто галлюцинация? Может, он и не ходил к доктору Потбери? Если у человека однажды была потеря памяти, это может в любой момент повториться, да и галлюцинации – тоже.

Верно, но не могло же все это ему просто примерещиться, слишком уж яркие воспоминания. Или могло? Он начал перебирать события в памяти.

* * *

Сегодня среда, у него был выходной, как и всегда по средам. Вчера он вернулся с работы обычным путем и в обычное время. Он начал одеваться к ужину – несколько рассеянно, так как одновременно решал, куда пойти. Попробовать этот новый итальянский ресторанчик, который так расхваливает чета Робертсонов? А может, надежнее будет положиться на неизменно аппетитный гуляш, приготовленный шеф-поваром «Будапешта»?

Решение остановиться на последнем, более безопасном варианте было уже почти принято, когда зазвонил телефон. Хог чуть не прозевал этот звонок из-за воды, шумевшей в раковине.

Услышав что-то вроде звонка, он закрыл кран. Ну так и есть – телефон.

Звонила миссис Померой-Джеймсон, одна из тех немногих, в гости к кому он любил ходить, очаровательная женщина, а заодно еще и обладательница повара, который умеет готовить прозрачные супы, не напоминающие по вкусу воду, оставшуюся после мытья посуды. И соусы. Так что проблема решилась сама собой.

– Меня неожиданно подвели в самый последний момент, и мне просто необходим еще один мужчина за столом. Вы свободны? И вы согласитесь мне помочь? Согласны? Мистер Хог, вы просто душка.

Хог очень обрадовался, нимало не обижаясь, что его позвали в последнюю секунду вместо кого-то другого, – нельзя же, в конце концов, ожидать, что тебя будут приглашать на каждый маленький ужин. Он был в восторге от возможности оказать услугу Эдит Померой. Она подавала к рыбе незамысловатое, но вполне пристойное белое вино и никогда не опускалась до распространенного сейчас вульгарного обычая подавать шампанское когда попало. Прекрасная хозяйка, и Хогу льстило, что она так легко обратилась за помощью именно к нему. Значит, она чувствовала, что, даже не запланированный заранее, он хорошо впишется в компанию гостей.

Вот с такими мыслями в голове, вспоминал Хог, он и одевался. Наверное, за всеми этими волнениями, да еще с телефонным звонком, прервавшим привычные процедуры, он и забыл почистить ногти.

Да, так оно, скорее всего, и произошло. Уж конечно, ему негде было испачкать ногти – да еще таким жутким образом – по пути к Помероям, к тому же он был в перчатках.

И кто бы там увидел эти ногти, он бы и сам ничего не заметил, если бы не золовка миссис Померой – женщина, которой Хог всегда старался по возможности избегать. С не допускающей сомнения уверенностью, считающейся почему-то современной, она провозгласила, что род занятий человека оставляет на нем безошибочные следы.

– Возьмите, например, моего мужа – ну кем он может быть, как не адвокатом? Или вы, доктор Фиттс, всегда словно у постели больного.

– Надеюсь, не тогда, когда я на званом ужине?

– Но полностью от этого вам никогда не избавиться.

– Пока что вы ничего нам не доказали. Вы же знаете, кто мы такие.

После чего эта до крайности неприятная женщина окинула взглядом сидящих за столом и уставилась в конце концов на Хога.

– Пусть меня проверит мистер Хог. Я не знаю, чем он занимается. Никто не знает.

– Ну что ты придумываешь, Джулия.

Увидев, что уговоры бесполезны, миссис Померой повернулась к своему соседу слева.

– В этом году Джулия занялась психологией, – улыбнулась она.

Левый ее сосед, Садкинс, или Снаггинс, или нет, Стаббинс, так вот, этот Стаббинс спросил:

– А каков род занятий мистера Хога?

– Это маленькая тайна. Он никогда не разговаривает в обществе о работе.

– Да нет, – вмешался Хог. – Я просто не считаю...

– Только не говорите, – остановила его эта женщина. – Я сейчас определю сама. Какое-то из профессиональных занятий. Я так и вижу вас с портфелем.

Он и не собирался ничего ей говорить. Некоторые предметы годятся для обсуждения за столом, некоторые – нет. Но она продолжала:

– Возможно, вы занимаетесь финансами. А может, торгуете картинами или книгами. Похожи вы и на писателя. Покажите мне ваши руки.

Несколько обескураженный такой просьбой, Хог положил, однако, руки на стол без малейших опасений.

Женщина прямо бросилась на него.

– Ну вот, все ясно. Вы химик.

* * *

Все повернули головы. И все увидели темные каемки под его ногтями. Наступившую на мгновение тишину нарушил ее муж:

– Что за ерунда, Джулия. Ногти можно испачкать десятками различных способов. Возможно, Хог балуется фотографией или гравировкой по металлу. Твоя догадка не пройдет без доказательств ни в одном суде.

– Вот, полюбуйтесь, как рассуждают адвокаты! А я уверена, что не ошибаюсь. Ведь правда, мистер Хог?

Все это время он неотрывно смотрел на свои ногти. Появиться на званом ужине с грязными ногтями – уже одного этого было достаточно для расстройства.

Но Хог к тому же не имел ни малейшего представления, где он мог испачкать ногти. На работе? Вероятно, да, но только чем он занимался на работе?

Он не знал.

– Так скажите, мистер Хог, я права?

С большим трудом отведя глаза от этих жутких каемок, Хог еле слышно пробормотал: «Прошу извинить меня» – и встал из-за стола. В ванной он, поборов беспричинное отвращение, вытащил перочинный нож и выскреб из-под ногтей липкую красновато-коричневую грязь. Непонятная субстанция пристала к лезвию, он вытер его бумажной салфеткой, чуть помедлил, сложил салфетку и сунул ее в жилетный карман. А затем взял щетку и несколько раз тщательно вымыл руки.

Хог не мог уже вспомнить, в какой именно момент появилась у него уверенность, что это вещество – кровь, человеческая кровь.

Он сумел найти котелок, плащ, перчатки и трость, не обращаясь за помощью к горничной, и, ни с кем не прощаясь, торопливо покинул дом гостеприимной хозяйки.

Обдумывая это происшествие сейчас, в тишине убогого гостиничного номера, Хог понял, что первый его страх был вызван инстинктивным отвращением при виде темно-красной грязи под ногтями. И лишь потом он осознал, что не понимает, где мог испачкать ногти, не понимает потому, что не помнит, где был сегодня. Или вчера. Или в любой из предыдущих дней. Он не знал, какая у него профессия.

Это было нелепо, чудовищно – и очень пугало.

Ужинать Хог не стал, чтобы не покидать жалкую, но зато спокойную комнатку; около десяти часов он наполнил ванну довольно горячей – какая уж текла из крана – водой и лег в нее. Купание немного успокоило, судорожно мелькавшие мысли пришли хоть в какой-то порядок. «Во всяком случае, – утешал себя Хог, – если я не способен вспомнить род своих занятий, то, уж конечно, не смогу к ним вернуться. И значит, не рискую снова обнаружить у себя под ногтями эту мерзость».

Хог вылез из ванны, вытерся, лег и, несмотря на непривычную кровать, сумел в конце концов уснуть.

Проснулся он от какого-то страшного сна, хотя не сразу это понял, настолько убогая безвкусица комнаты согласовывалась со сном. Когда он осознал, где и почему находится, даже кошмарный сон показался предпочтительнее реальности. Правда, вспомнить, что именно снилось, Хог уже не мог. На часах обычное время его утреннего подъема; позвонив коридорному, Хог заказал завтрак в номер.

К тому времени, как из расположенного за углом ресторанчика принесли завтрак, Хог уже оделся и был полон нетерпеливого желания отправиться домой. Выпив две чашки безвкусного кофе и поковыряв еду, Хог покинул гостиницу.

Войдя в свою квартиру, он повесил плащ и шляпу, снял перчатки и привычно направился в ванную. Здесь он тщательно вычистил ногти левой руки и как раз взялся за правую, когда сообразил, чем занимается.

Ногти левой его руки были белыми и чистыми, а правой – темными и грязными. Из всех сил стараясь сдерживаться, Хог выпрямился, взял с туалетного столика свои часы, затем пошел в спальню и проверил их по висящим там электрическим часам. И те и другие показывали десять минут седьмого – обычное время, когда он возвращается домой вечером.

Возможно, он и забыл свою профессию, но вот она-то о нем не забыла.

2

Ночной телефон фирмы «Рэндалл и Крэг, конфиденциальные расследования» располагался не в конторе, а на квартире – это было удобнее, так как Рэндалл женился на Крэг еще на заре их делового сотрудничества. Младший партнер только что положила грязные после ужина тарелки в раковину и теперь пыталась принять решение: нужна ли ей «книга месяца», рекомендованная клубом, когда раздался телефонный звонок и пришлось брать трубку.

– Да? – спросила она не очень довольным голосом и добавила через несколько секунд: – Да.

Старший партнер приостановил свое занятие, а занятием этим было весьма сложное научное исследование, связанное с оружием, баллистикой и некоторыми крайне эзотерическими аспектами аэродинамики, – говоря конкретно, он отрабатывал бросок дартса из-под руки, причем мишенью служило прикрепленное к доске для резки хлеба цветное изображение самой модной сейчас в обществе девицы. Один дартс воткнулся красотке прямо в левый глаз, теперь шли попытки придать лицу симметрию.

– Да, – снова сказала Крэг, жена Рэндалла.

– А ты попробуй сказать «нет», – посоветовал ей муж.

– Заткнись и дай карандаш, – ответила она, прикрыв микрофон рукой, а затем перегнулась через столик и сняла с крюка висевший на стене блокнот.

– Да, говорите.

Получив от супруга карандаш, она изобразила на бумаге несколько крючков и загогулин, которыми пользуются стенографистки вместо нормальных человеческих букв.

– Не думаю, – сказала она после некоторой паузы. – В такое время мистера Рэндалла обычно нет. Он предпочитает принимать клиентов в нормальные рабочие часы. Мистер Крэг? Нет, мистер Крэг не сможет вам помочь. Да, уверена. Даже так? Подождите секунду, не вешайте трубку, я попробую узнать.

Рэндалл совершил еще одно покушение на очаровательную девушку. Дарт воткнулся в ножку радиолы.

– Так что там?

– Звонит какой-то тип, которому просто не терпится увидеться с тобой, и прямо сегодня. По фамилии Хог, Джонатан Хог. Заявляет, что ему физически невозможно посетить тебя днем. Сперва не хотел говорить, что у него за дело, а когда попробовал – напел нечто несусветное.

– Джентльмен или жлоб?

– Джентльмен.

– С деньгами?

– Похоже. Эта сторона его вроде не беспокоит. Возьми-ка ты это дело, Тедди. Пятнадцатое апреля на носу.

– Хорошо. Дай мне его.

Отмахнувшись от мужа, она снова заговорила в трубку:

– К счастью, я сумела все-таки найти мистера Рэндалла. Через несколько секунд он сможет с вами поговорить. Подождите, пожалуйста.

Прервав разговор, она аккуратно отсчитала по часам тридцать секунд, а затем сказала:

– Мистер Рэндалл на проводе. Говорите, мистер Хог. – И сунула трубку мужу.

– Говорит Эдвард Рэндалл. В чем у вас дело, мистер Хог?

Выслушав Хога, Рэндалл заключил:

– Мистер Хог, думаю, вам все-таки лучше зайти сюда утром. В конце концов, мы ведь тоже люди и должны когда-то отдыхать, во всяком случае, я должен... Хочу сразу предупредить вас, мистер Хог, когда солнце опускается, цены у меня поднимаются... Ну, дайте немного

подумать. Я как раз собирался идти домой. По правде говоря, я только что позвонил своей жене, и она ждет меня, а вы же знаете, что такое женщины. Но если бы вы согласились зайти ко мне домой минут через двадцать, то есть в... э-э... восемь семнадцать, мы могли бы поговорить. Хорошо. У вас есть под рукой карандаш? Пишите адрес...

Рэндалл положил трубку на рычаг.

– Ну и кем же буду я на этот раз? Женой, партнером или секретаршей?

– А ты сама как думаешь? Ведь это ты с ним говорила.

– Лучше, пожалуй, женой, а то голос у него малость чопорный.

– Женой так женой.

– И я переоденусь в платье. А ты, Мозговой Центр, убрал бы куда-нибудь эти свои цапки.

– Может, не стоит? Хороший штрих, такая, знаешь ли, небольшая невинная эксцентричность.

– Давай тогда выложим еще трубочный табак в ковровом шлепанце. Или сигареты «Режи»¹⁶.

Она выключила верхний свет, а затем поставила стол и торшеры таким образом, чтобы кресло, в которое сядет посетитель, было хорошо освещено.

Не удостоив ответом гнусный выпад младшего партнера, старший партнер детективного агентства собрал дарты, взял хлебную доску, задержавшись на мгновение, чтобы пошлунить палец и потереть им царапину на радиоле, закинул все это хозяйство на кухню и прикрыл дверь. В мягком, приглушенном свете комната, из которой больше не открывался вид на кухню, выглядела строго и почти богато.

* * *

– Добрый вечер, сэр. Дорогая, это мистер Хог. Мистер Хог... миссис Рэндалл.

– Добрый вечер, мадам.

Рэндалл помог гостю снять плащ, попутно удостоверившись, что тот не вооружен или, если вооружен, носит пистолет не под мышкой, не на бедре, а в каком-то более скрытном месте. Рэндалл не страдал болезненной подозрительностью, он просто был прагматичным пессимистом.

– Садитесь, пожалуйста, мистер Хог. Сигарету?

– Нет, спасибо.

Рэндалл помолчал. Он сидел и разглядывал посетителя – не грубо, спокойно, но в то же время внимательно. Костюм английский или от братьев Брукс. И уж во всяком случае, не дешевка от Харта, Шаффнера и Маркса. Галстук такого качества, что впору называть его краватом, и притом скромный что твоя монашенка. Да, тут можно содрать гонорар и побольше. Этот коротышка нервничает, никак не может сесть в кресле свободно. Возможно, его сковывает присутствие Синтии. Тем лучше, пусть немного дойдет на медленном огне, а потом отставим в сторону.

– Вы только не стесняйтесь миссис Рэндалл, – сказал он в конце концов. – Все, что можно доверить мне, можно доверить и ей.

– О... о да. Да, конечно. – Не поднимаясь с кресла, Хог поклонился всем корпусом, от талии. – Я счастлив, что в нашей беседе будет участвовать миссис Рэндалл.

На этом он замолчал, не собираясь вроде говорить о своих проблемах.

– Ну так что, мистер Хог, – сказал наконец Рэндалл, утомившись игрой в молчанку, – вы, кажется, хотели о чем-то со мной посоветоваться, я верно вас понял?

¹⁶ Сигареты «Режи» – марка так называемых турецких сигарет, с конца XIX в. выпускавшихся французской монопольной компанией «Régie» из турецкого табака.

– Н-ну, да.

– Тогда, возможно, вы расскажете мне, что у вас за дело?

– Да, конечно. Это... То есть... Понимаете, мистер Рэндалл, вся эта история просто нелепа.

– Так обычно и бывает. Но вы продолжайте. Неприятности с женщиной? Или кто-нибудь вас шантажирует?

– Нет, нет! Ровно ничего похожего, все гораздо сложнее. Но я боюсь.

– Чего?

– Не знаю, – быстро ответил Хог и добавил, судорожно переведя дыхание: – Мне нужно, чтобы вы это узнали.

– Подождите немного, мистер Хог, – недоумевающе остановил его Рэндалл. – Я что-то ничего не понимаю. Вы говорите, что боитесь чего-то, и хотите, чтобы я выяснил, чего именно вы боитесь. Но ведь я не психоаналитик. Я детектив. Чем конкретно может помочь вам в вашем деле детектив?

Хог молчал, вид у него был совершенно несчастный.

– Я хочу, чтобы вы узнали, чем я занимаюсь днем, – выпалил он наконец.

Рэндалл снова внимательно оглядел своего клиента.

– Так, значит, вы хотите, чтобы я узнал, чем вы занимаетесь днем?

– Да. Да, именно так.

– Мм. А не проще ли будет, если вы сами расскажете мне это?

– Я не могу этого рассказать.

– Почему?

– Потому, что не знаю.

Рэндалла начало охватывать раздражение.

– Мистер Хог, – сказал он. – За игру в загадки я обычно беру по двойному тарифу. Если я сейчас не услышу, чем вы занимаетесь днем, это будет вполне определенно указывать на недостаток у вас ко мне доверия, а в таком случае мне будет крайне затруднительно оказать вам какую бы то ни было помощь. Давайте начистоту. Чем вы занимаетесь днем и как это связано с вашим делом? И вообще, в чем состоит ваше дело?

Мистер Хог встал.

– Я так и знал, что не смогу ничего объяснить, – сказал он убитым голосом, скорее самому себе, чем Рэндаллу. – Извините, пожалуйста, что я вас побеспокоил. Я...

– Подождите, мистер Хог, – впервые вмешалась Синтия Крэг-Рэндалл. – Мне кажется, вы двое просто не понимаете друг друга. Ведь вы имеете в виду, если я верно понимаю, что самым буквальным образом не знаете, чем именно занимаетесь в дневное время?

– Да, – благодарно повернулся к ней Хог. – Да, именно так.

– И вы хотите, чтобы мы это узнали? Проследили за вами, выяснили, куда вы ходите, а потом рассказали вам, что вы там делали?

– Да, – энергично кивнул головой Хог. – Именно это я и пытался сказать.

Рэндалл перевел взгляд с Хога на жену, а затем опять на Хога.

– Давайте сформулируем все поточнее, – медленно сказал он. – Значит, вы действительно не знаете, чем занимаетесь в дневное время, и хотите, чтобы я это узнал. Сколько времени продолжается такая ситуация?

– Я... я не знаю.

– Хорошо, ну а что же вы знаете?

* * *

С некоторыми понуканиями Хог сумел все-таки рассказать свою историю. Из своего прошлого он помнил только последние пять лет, начиная с Дубьюка, с санатория Святого Георгия. Необратимая амнезия – но эта болезнь больше его не беспокоила, он считал себя полностью вылечившимся. При выписке они, то есть администрация санатория, подыскали ему работу.

– Какую работу?

Этого Хог не знал. По всей видимости, это была та же самая должность, которую он занимал и сейчас, теперешняя его работа. Выписывая Хога из санатория, врачи настоятельно рекомендовали ему никогда не беспокоиться о служебных делах, никогда не брать работу на дом – не только в буквальном смысле слова, но даже в мыслях.

– Видите ли, – объяснил Хог, – они исходят из теории, что амнезия вызывается беспокойством и переутомлением. Доктор Рено подчеркивал – мне это очень хорошо запомнилось, – что я не должен в свободное время говорить о работе, не должен о ней даже думать. Возвращаясь вечером домой, я должен забывать о делах и думать о более приятных материях. Именно так я и старался поступать.

– Хм. И похоже, добились успеха, такого успеха, что даже с трудом верится. Послушайте, а не пользовались ли они при лечении гипнозом?

– Не знаю, просто не знаю.

– Наверное, пользовались. А как думаешь ты, Син? Ведь все согласуется.

– Да, согласуется, – кивнула Синтия. – Постгипнотическое внушение. Пять лет такой жизни – и он просто не может после работы думать о ней, не может, как бы ни старался. Только странная какая-то это терапия.

Рэндалл был вполне удовлетворен. Психология – это по ее части. Строит ли Синтия свои заключения на основе науки (формальная подготовка у нее вполне приличная) или берет готовыми откуда-то из подсознания – этого он не знал, да, собственно, и знать не хотел. Главное – она всегда права.

– Но у меня есть еще один вопрос, – добавил он. – Целых пять лет вы живете себе, не имея представления, где ваша работа и что вы там делаете. Отчего же вдруг такой интерес и озабоченность?

Хогу пришлось рассказать про разговор за столом, странное вещество под ногтями и про непонятное поведение врача.

– И я боюсь, – закончил он несчастным голосом. – Сперва я думал, это кровь. А теперь я знаю, что это нечто худшее.

– Почему? – недоуменно поглядел на него Рэндалл.

Хог нервно облизал губы.

– Потому, что...

Он беспомощно смолк.

– Но ведь вы поможете мне?

Рэндалл встал.

– Это не по моей части, – сказал он. – Совершенно ясно, что вам действительно нужна помощь, но помощь психиатра, а не детектива. В амнезии я ничего не понимаю.

– Но я хочу именно детектива. Я хочу, чтобы вы проследили за мной и выяснили, чем я занимаюсь.

Рэндалл открыл было рот, чтобы отказаться, но его остановила Синтия.

– Мы сумеем помочь вам, мистер Хог, я в этом уверена. Пожалуй, вам и вправду стоит обратиться к психиатру...

– Нет, ни в коем случае.

- ...Но если вы хотите, чтобы за вами проследили, это можно организовать.
- Не нравится мне это, – повернулся к жене Рэндалл. – Мы ему не нужны.
- Я оплачу ваши хлопоты.

Хог положил перчатки на столик, полез в карман пиджака и начал отсчитывать купюры.

- У меня тут только пять сотен, – озабоченно посмотрел он на Рэндалла. – Хватит этого?
- Сойдет, – ответила вместо мужа Синтия.
- В качестве задатка, – уточнил Рэндалл. Взяв деньги, он небрежно сунул их в карман. –

А кстати, – добавил он, – если вы не знаете, чем занимаетесь на работе и все ваше прошлое ограничивается больницей, откуда же у вас деньги?

Вопрос был задан без нажима, словно между прочим.

- О, мне платят каждое воскресенье. Двести долларов наличными.

Когда Хог ушел, Рэндалл отдал деньги жене.

– Какие красивые фантики, – сказала она, разгладив и аккуратно сложив купюры. – Тедди, а чего это ты прямо из кожи вон лез, чтобы испортить такую голевую ситуацию?

– Я хотел испортить? Да ничего подобного, я просто вздувал цену. Старая методика «видеть-тебя-не-могу-обними-меня-покрепче».

- Так я и думала. Только ты чуть не перестарался.

– Ни в коем разе. Я знал, что всегда могу положиться на тебя. Что уж ты-то не выпустишь клиента из дома, пока тот не выложит все до последнего цента.

Синтия весело улыбнулась:

– Хороший ты все-таки человек, Тедди. И у нас с тобой очень много общего. Мы оба любим деньги. Ну и на сколько ты поверил этой истории?

- Ни на грош.

– Вот и я тоже. Очень неприятный тип, плюгавый и какой-то жутковатый. Интересно, что это он такое задумал.

- Не знаю, но намерен выяснить.

- Ты что, собираешься сам за ним следить?

– А почему бы и нет? Зачем платить десятку в день какому-нибудь отставному полицейскому, который обязательно сделает все сикось-накось?

– Мне как-то все это не по душе, Тедди. С чего это он платит такую кучу денег, – Синтия махнула рукой в сторону аккуратно сложенных купюр, – за удовольствие поводить тебя за нос?

- Вот это я и узнаю.

- Только поосторожнее. Не забывай про «Союз рыжих».

- Союз... а, опять Шерлок Холмс. Пора бы тебе и повзрослеть, Син.

- А я взрослая. Чего и вам желаю. Этот коротышка вызывает у меня ужас.

Синтия вышла, чтобы спрятать деньги. Вернувшись в комнату, она обнаружила своего мужа рядом с креслом, в котором только что сидел Хог. Стоя на коленях, Рэндалл сосредоточенно работал распылителем. Он поднял на нее глаза.

- Син...

- Да, Мозговой Центр?

- Ты не трогала это кресло?

- Конечно нет. Я только протерла его ручки перед приходом этого типа – все как обычно.

- Я не про это, я про после его ухода. Ты не помнишь, он снимал перчатки?

– Подожди-ка секунду. Да. Я уверена, что снимал. Я помню, как посмотрела на его ногти, когда он нам про них вешал лапшу на уши.

- Вот и я тоже, просто хотелось проверить, не спятил ли я. Ты погляди на эту поверхность.

Синтия осмотрела полированные подлокотники кресла, покрытые сейчас тонким слоем серого порошка. Девственно-гладкая поверхность, ни одного отпечатка пальца.

– Наверное, он до них не дотрагивался... Да нет же, дотрагивался. Я сама это видела. Сказав «но я боюсь», он прямо вцепился в ручки. Я помню, как побелели костяшки его пальцев.

– Может, коллодий?

– Не говори глупостей. Тут же вообще ни пятнышка. Ты пожимал ему руку. Так что, был у него коллодий на ладонях?

– Не думаю. Я должен был бы заметить. Человек Без Отпечатков Пальцев. Давай будем считать его призраком и забудем о нем.

– Призраки не платят наличными за то, чтобы за ними пустили хвост.

– Нет, не платят. По крайней мере, я о таком не слышал.

Поднявшись на ноги, Рэндалл направился к телефону и набрал номер междугородной связи.

– Мне нужна медицинская служба Дубьюка, э-э...

Прикрыв микрофон ладонью, он окликнул жену:

– Слушай, лапа, а в каком штате этот чертов Дубьюк?

По прошествии сорока пяти минут и нескольких телефонных разговоров трубка была с силой брошена на рычаг.

– Всё один к одному, – объявил Рэндалл. – В Дубьюке нет санатория Святого Георгия. Нет, не было и, скорее всего, никогда не будет. Ну и доктора Рено, естественно, тоже нет.

3

– Вон он!

Синтия Крэг-Рэндалл больно толкнула своего мужа локтем. Тот продолжал держать перед лицом «Трибюн», делая вид, что газета очень его заинтересовала.

– Сам вижу, – тихо ответил он. – Возьми себя в руки. Можно подумать, ты никогда раньше ни за кем не следила. Главное тут – не суетиться.

– Тедди, я прошу тебя, будь осторожен.

– Непременно.

Глядя поверх газеты, он проследил, как Джонатан Хог спускается по ступенькам. Квартира коротышки располагалась в Готем-билдинге, здании весьма фешенебельном. Выйдя из-под козырька парадного входа, загадочный клиент свернул налево. Было ровно без семи минут девять утра.

Рэндалл встал, аккуратно, не спеша, свернул газету, положил ее на скамейку автобусной остановки – своего наблюдательного пункта, а затем повернулся к расположенному рядом драгстору и опустил монетку в щель автомата, торгующего жевательной резинкой. Зеркало, укрепленное на лицевой стороне автомата, давало ему прекрасный вид на Хога, неторопливо шествующего по противоположной стороне улицы. Столь же неторопливо Рэндалл двинулся следом, но по своей стороне.

Синтия продолжала сидеть на скамейке и только тогда, когда муж удалился на полквартала, встала и пошла за ним.

На следующем углу Хог вошел в автобус. Воспользовавшись задержкой автобуса у светофора, Рэндалл перебежал улицу на красный свет и успел к автобусу в тот самый момент, когда тот трогался с места. Хог поднялся на открытый второй этаж машины. Рэндалл уселся внизу.

Синтия подбежала слишком поздно, однако успела разглядеть номер автобуса. Остановив первое же свободное такси, она сказала этот номер водителю, и они пустились в погоню. Увидеть автобус удалось только через двенадцать кварталов, а еще через три квартала красный светофор позволил шоферу такси встать рядом с автобусом. Синтия рассмотрела внутри своего мужа, больше ей ничего и не надо было. Остаток поездки она посвятила тому, чтобы все время иметь в кулаке точную сумму по счетчику плюс четвертак чаевых.

Увидев, что Хог и Рэндалл выходят, она попросила шофера притормозить. Такси свернуло к бровке тротуара в нескольких ярдах от автобусной остановки. К несчастью, Хог шел как раз в ее направлении, и Синтия не смогла выйти сразу. Она отсчитала шоферу точную сумму, одновременно краем глаза – того глаза, который у хорошего сыщика расположен на затылке, – приглядывая за мужем и Хогом. Таксист стал посматривать на свою пассажирку с явным любопытством.

– А вы бегаєте за бабами?

Неожиданный вопрос немного ошарашил его.

– Нет, мадам. Я человек семейный.

– А вот мой муж бегаєт, – бесстыдно соврала она полным горечи голосом. – Возьмите.

Тот самый четвертак перешел наконец в руки таксиста.

Теперь объекты ее внимания уже удалились на несколько ярдов. Выйдя из машины, Синтия пересекла тротуар, остановилась в ожидании перед витриной какого-то магазина. К своему крайнему удивлению, она увидела, как Хог обернулся и заговорил с Рэндаллом. Было далеко, и слов она не расслышала.

Синтия замялась в нерешительности – подходить к ним или нет. Все шло не так, как намечалось, и это настораживало, но Рэндалл не выказывал никаких признаков озабоченности.

Он спокойно выслушал Хога, после чего они вместе поднялись по ступенькам административного здания, перед которым и происходил их разговор.

Теперь Синтия двигалась быстро. Как и должно быть в такое время, вестибюль кишел людьми. Шесть расположенных в ряд лифтов работали безостановочно. Перед самым ее носом захлопнулись двери лифта номер два, а третий как раз начал заполняться. В третьем их не было, Синтия встала рядом с табачным киоском и быстро огляделась.

В вестибюле их не было. Не было их и, как она быстро в том убедилась, в парикмахерской, примыкавшей к вестибюлю. Скорее всего, они успели попасть во второй лифт. Синтия начала наблюдать за его указателем. Впрочем, толку от этого занятия было чуть: лифт останавливался почти на каждом этаже.

Когда второй лифт снова открыл двери, она вошла в него не первой, не последней, а в толпе. Этаж называть она не стала, а подождала, пока выйдет последний из пассажиров.

Лифтер недоуменно поднял брови.

– Этаж, пожалуйста.

Синтия продемонстрировала ему долларовую бумажку.

– Мне нужно с вами поговорить.

Лифтер закрыл двери, обеспечив предполагаемому разговору подобающую конфиденциальность.

– Только быстро, – сказал он, с тревогой глядя на истерически мигающие лампочки вызова.

– В последний раз к вам вошли двое мужчин, вместе.

Быстро и очень живо Синтия описала лифтеру своего мужа и Хога.

– Я хочу знать, на каком этаже они вышли.

– Не знаю, – покачал головой лифтер. – Сейчас ведь час пик, в таком сумасшедшем доме разве запомнишь.

Синтия добавила к первой бумажке вторую.

– Думайте. Скорее всего, они вошли последними. Возможно, им приходилось выходить на остановках, чтобы выпустить других. А этаж, вероятно, называл тот, который пониже.

Лифтер снова покачал головой.

– Ничего я не вспомню, даже за пятерку. При такой толкучке появиться тут хоть леди Годива вместе со своей кобылой¹⁷, я и их не замечу. Ну так что, выйдете здесь или везти вас вниз?

– Вниз. – Синтия сунула ему одну из бумажек. – И на том спасибо.

Лифтер взглянул на доллар, пожал плечами и сунул его в карман.

* * *

Теперь оставалось только одно: занять позицию в вестибюле и ждать. Именно так и сделала кипящая негодованием Синтия. Это же надо, думала она, попалась как маленькая на самый старый из способов избавления от хвоста. Гордо именовать себя сыщицей и попасться на трюк с административным зданием! Их небось давно здесь нет, а Тедди ломает голову, куда могла подеваться его надежная напарница. Может быть, как раз сейчас ему нужна помощь.

Ей бы лучше вязанием заняться. Или вышивать крестиком. Вот же черт!

¹⁷ *Леди Годива* – жена Леофрика, графа Мерсии, лорда Ковентри, который в 1040 г. якобы обложил жителей графства непосильным налогом. Леди Годива умоляла налог отменить, и супруг согласился – при условии, что его жена обнаженной проедет верхом на лошади через весь город. Женщина приняла вызов и выполнила условие – причем, как утверждает записанная в XIII в. Роджером Вендоверским легенда, горожане при ее приближении, лишь слышав стук копыт, опускали взгляд.

Синтия купила в табачном киоске бутылку пепси-колы и, все так же стоя, неторопливо ее выпила. Она как раз думала, сможет ли – из соображений маскировки – проглотить еще одну бутылку этой бурды, когда появился Рэндалл.

И только теперь, когда Синтию охватило огромное, всепоглощающее облегчение, она осознала, в каком страхе провела эти минуты. Однако выходить из роли она не стала и безразлично отвернулась, зная, что муж узнает ее по затылку не хуже, чем по лицу.

Он не подошел к ней и не заговорил, поэтому Синтия продолжала наблюдение. Хога нигде не было видно. Прозевала она его, что ли?

Выйдя из здания, Рэндалл дошел до угла, задумчиво посмотрел на стоянку такси, а затем вскочил в только что остановившийся автобус. Она вошла следом, но не сразу, а пропустив перед собой нескольких человек. Автобус тронулся. Хог на этой остановке не сел, и Синтия решила, что нет никакого риска в нарушении условленной процедуры.

Рэндалл поднял глаза на появившуюся рядом с ним жену.

– Син! Я уже думал, что потерял тебя.

– Почти так оно и было, – призналась она. – Но ты расскажи, как там дела?

– Подожди, в конторе все узнаешь.

Ждать она не хотела, однако смирилась. Автобус подвез партнеров фирмы «Рэндалл и Крэг» прямо к зданию, в котором располагалась их контора, да и езды той было всего шесть остановок. Открыв дверь крошечного помещения, Рэндалл сразу направился к телефону. Аппарат, установленный в их конторе, был подключен к коммутатору круглосуточной секретарской службы.

– Были звонки? – спросил он и добавил, помедлив несколько секунд: – О'кей. Пришлите записи. Можете особенно не спешить.

Положив трубку, он повернулся к жене.

– Ну что ж, крошка, это самые легкие пять сотен, какие мы когда-нибудь зашибали.

– Ты выяснил, чем он там занимается?

– Конечно.

– Ну и чем же?

– А ты угадай.

Синтия смерила мужа взглядом.

– А по соплям не хочешь?

– Ладно, ладно, стихни. Тебе бы в жизнь не угадать, хотя все это крайне просто. Он работает ювелиром – шлифует драгоценные камни. И ты знаешь, что это было у него под ногтями, из-за чего он так всполошился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.